

Сергей Михайлович Соловьёв

Наблюдения над исторической жизнью народов

Часть первая ДРЕВНИЙ МИР

История первоначально есть наука народного самопознания. Но самый лучший способ для народа познать самого себя — это познать другие народы и сравнить себя с ними; познать же другие народы можно только посредством познания их истории. Познание это тем обширнее и яснее, чем большее число народов становится предметом познания, — и естественно рождается потребность достигнуть полноты знания, изучить историю всех народов, сошедших с исторической сцены и продолжающих на ней действовать, изучить историю всего человечества, и, таким образом, история становится наукою самопознания для целого человечества.

Изучение истории отдельного народа и целого человечества, или так называемой всеобщей истории, представляет одинаковые общие трудности. Внешний, окружающий нас мир легко поддается нашему изучению; вооруженные могущественными орудиями, мы проникаем и в небо, и в море, и в недра земли; посредством телескопа приближаем к себе тела, отстоящие от нас на громадное расстояние; посредством микроскопа наблюдаем за жизнью существ, не видимых простым глазом; но существо человека для нас темно; завеса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а история имеет дело с человеком, с его жизнью во всех ее проявлениях.

Притом в истории мы не можем наблюдать явления непосредственно; мы смотрим здесь чужими глазами, слушаем чужими ушами. Внимательное изучение внешней природы уяснило для нас многое относительно влияния этой природы на жизнь человека, на жизнь человеческих обществ, но это только одна сторона дела, ограничиваться которою и увлекаться опасно для науки.

Другая причина трудности при изучении истории заключается в близости ее к нашим существенным интересам. Не будучи в состоянии отрешиться от сознания, что история есть объяснительница настоящего и потому наставница (*magistra vitae*), человек, однако, хлопочет часто изо всех сил, чтобы высвободиться из-под руководства этой наставницы. Покорствуя интересам настоящей минуты, он старается исказить исторические явления, затемнить, извратить законы их. Понимая важность истории, он хочет ее указаниями освятить свои мнения, свои стремления и потому видит, ищет в истории только того, что ему нужно, не обращая внимания на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамеренная.

Но когда ему указывают на другую сторону дела, неприятную для него, он начинает всеми силами отвергать или по крайней мере ослаблять ее: здесь уже

искажение истины. История — это свидетель, от которого зависит решение дела, и понятно стремление подкупить этого свидетеля, заставить его говорить только то, что нам нужно. Таким образом, из самого стремления исказить историю всего яснее видна ее важность, необходимость; но от этого науке не легче.

Первый вопрос в истории каждого народа: где живет народ? Сильное влияние местности, ее природных условий на жизнь народа бесспорно, но мы уже сказали, что здесь должно избегать односторонности. Если народ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природным условиям обитаемой им местности, то с постепенным развитием его духовных сил замечается обратное действие, изменение природных условий под влиянием народной деятельности:

места непроходимые являются проходимыми, пути неудобные — удобными, пространства сокращаются, иссушаются болота, редуют леса, являются новые растения, животные, прежние исчезают, климат изменяется.

Природные условия продолжают действовать, но это уже другие природные условия, на которые воздействовал человек. Народный характер, нравы, обычаи, занятия народа мы не усомнились бы рассматривать как произведение природных условий, если бы имели основание считать каждый народ автохтонами. Но если бы мы даже предположили не одного, а несколько родоначальников для человечества, то и тогда движение и переселение родоначальников народных и целых народов должны заставить нас взглянуть на дело с другой стороны. Если в установившихся уже и развитых обществах человек избирает себе деятельность по своим личным наклонностям, по условиям своей личной природы, то это же самое должно было быть и во времена отдаленные, времена расселения племен и народов: неизвестная местность своими природными условиями первоначально создала характер ее жителей, но люди выбрали известную страну местом своего жительства по своим наклонностям, по своему характеру.

Народ, принужденный двинуться из прежнего места жительства, вступает в степи, приглашающие его к кочевому быту, но он останется в степи и предастся кочевому быту только в том случае, если чувствует внутреннее влечение к нему; в противном случае он пройдет степь и устремится на искание других стран, именно соответствующих его природным наклонностям. Живет один народ у моря, и море не оказывает на него никакого влияния, не тянет его к торговой деятельности; другой народ пользуется близостью моря и стремится на открытие новых земель, новых рынков — для себя. Следовательно, народ носит в самом себе способность подчиняться и не подчиняться природным влияниям, и отношения потому изменяются, являются более свободными.

Но откуда в народе эти внутренние условия, вследствие которых он подчиняется или не подчиняется влиянию природы и подчиняется в той или другой мере, ранее или позднее выходит из своего подчинения и начинает бороться и преодолевает условия обитаемой им страны? Мы отличаем племена; мы говорим, что известный народ принадлежит к племени более даровитому,

более способному к развитию, другой — к менее способному; но откуда такое различие в племенах?

Для решения этого вопроса справимся с преданиями народов о их происхождении и первоначальном быте, — с преданиями, которые кроме всякого другого авторитета находят подтверждение в ежедневном опыте. У патриарха Исаака двое сыновей; они близнецы, и, несмотря на то, с противоположными характерами; между ними возникла борьба, вместе они жить не могут, расходятся и становятся родоначальниками двух разных народов. В еврейском народе, в его характере, стремлениях, историческом значении нельзя не признать потомства Авраама, Исаака и Иакова. Народ похож на своего родоначальника не вследствие одного физического происхождения от него: народ воспитывается в преданиях, которые идут от этого родоначальника и в которых отразилась его личная природа, его взгляды и отношения; эти предания составляют святыню, которой верят, которую хранить считают главной обязанностью.

Так составляется народный образ. Природа страны, где народ основывает свое пребывание, и многие другие условия обнаруживают более или менее сильное участие при этом составлении; но влияние природы, родоначальника и предания, от него идущие и отражающие эту природу, необходимо должны быть предполагаемы, если не могут быть указаны. Что справедливо относительно народов, то должно быть справедливо и относительно целых племен. При нашей мифомании, при нашей дурной привычке заставлять народы все жить ложью мы говорим, что они создают образ своего родоначальника по себе, приписывают ему те качества, которые сознают в себе, но при этом забывается наследственность качеств, переход их от предка к потомству.

Мы сказали, что кроме влияния личной природы родоначальника и природы страны многие другие условия обнаруживают более или менее сильное влияние при составлении народного образа. Здесь важное место занимает движение народа, начинает ли народ свою историческую роль после сильного движения, или история застаёт его долго сидящим в известной стране, без особенных побуждений к движению. Движение развивает силы народа преодолением опасностей и препятствий, вселяет отвагу, расширяет его горизонт, производит именно такое же влияние, какое производит путешествие на отдельного человека, развивая его умственные силы знакомством с разнообразием стран и народов.

Но разумеется, здесь надобно обращать внимание на причину движения, потом на то, как происходит оно, в какие страны направлено, с какими народами сталкивается известный народ и какие следствия этого столкновения.

Причины движения народа могут быть внешние и внутренние. Причины внешние — натиск другого народа, недостаток средств к жизни в известной стране — могут заставить целый народ или часть его выселиться из своей земли и искать других жилищ. Но иногда причины внутренние — внутренний разлад и борьба, вследствие его происшедшая, — заставляют часть народа, меньшинство, покинуть родину. В какой форме происходило движение, переселение — это особенно важно для исторического наблюдения.

Успех в изучении истории зависит именно от внимательности этих наблюдений, от многосторонности взгляда; ошибки происходят не от неправильности только взгляда вообще, но от того, что мы глядим на одну сторону явления и спешим из этого рассматривания вывести наше заключение, вывести общие законы, объявляя другие взгляды, то есть взгляды на другие стороны явления, ложными.

Взгляд вполне правильный есть взгляд всесторонний; разумеется, он может принадлежать существу совершенному, божеству; человек не может иметь притязаний на всесторонность взгляда, но должен стремиться к возможному для него совершенству, к многосторонности изучения. Иногда идет долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между целыми школами, идет борьба не оттого, что одни смотрят правильно, а другие — неправильно на явление, а оттого, что одни смотрят на одну, а другие — на другую сторону явления и не догадаются соединить свои взгляды, дополнить один другим. Многостороннее наблюдение, разумеется, легче относительно явлений внешней природы, к которым мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно исторических явлений, к которым непосредственно мы относиться не можем, а должны ограничиваться чужими наблюдениями, но от трудного до невозможного еще далеко.

До какой степени при изучении истории мы не привыкли к внимательному, многостороннему наблюдению, показывает всего лучше книга Бокля "История английской цивилизации". Автор оплакивает судьбу исторической науки, жалеет, что "историю писали люди, вовсе не способные к решению своей великой задачи, что до сих пор мало собрано нужных материалов. Вместо того чтоб говорить нам о предметах, которые одни имеют значение, вместо того чтобы излагать нам успехи знаний и путь, на который вступает человечество при распространении знаний, — вместо этого большая часть историков наполняют свои сочинения самыми пустыми подробностями, анекдотами о государях, о дворах, бесконечными известиями о том, что было сказано одним министром, что думал другой, и, что всего хуже, длинными известиями о войнах, сражениях, осадах, вовсе бесполезными для нас, потому что они не сообщают новых истин и не дают средств к открытию их.

Наши политические компиляторы занимаются слишком много отдельными лицами и слишком мало характером времени, в которое эти люди живут; эти писатели не понимают, что история каждой цивилизованной страны есть история интеллектуального развития, которое государи, государственные люди и законодатели более замедляют, чем ускоряют, потому что, как бы ни было велико их могущество, все же они случайные и неполные представители духа своего времени.

Прежде всего заметим, что иеремиады автора написаны задним числом, что история интеллектуального развития в народе уже давно занимает достойное ее место в исторических сочинениях. Заметим, кстати: Бокль не знал, что делалось в этом отношении у нас в России. Здесь очень долго утверждали, что русская история начинается только с Петра Великого, потому что с этих пор только начинается история русского просвещения, история интеллектуального

развития, и что история до Петра не представляет никакого интереса. Эта крайность вызвала, как обыкновенно бывает, другую крайность; но как бы то ни было, верно одно, что очень задолго до Бокля в одной стране громко проповедовались его положения.

История цивилизованной страны есть история интеллектуального развития, которое правительства более замедляют, чем ускоряют, — вот основное положение Бокля. Но прежде чем следить за интеллектуальным развитием в стране, надобно уяснить: что сделало эту страну способною к интеллектуальному развитию, какие условия приготовили известную почву для интеллектуального развития, вследствие чего интеллектуальное развитие приняло то или другое направление?

Так, например, у нас интеллектуальное развитие начинается с Петра Великого; но почему оно начинается так поздно и именно с этого времени; почему оно принимает такие формы при Петре и его преемниках; почему Россия теперь находится на известной степени интеллектуального, государственного и общественного развития? Все это останется для нас тайною и поведет к бесчисленным ошибкам в теории и практике, если мы не изучим подробно нашей древней, допетровской истории.

Но оставим Россию и посмотрим, как Бокль обращается с историей своих западных государств, с историей своей Англии, в цивилизации которой видит самое правильное развитие. В истории Англии он точно так же отзывается о времени до XVI века, как у нас еще недавно отзывались о допетровском времени, именно — как о времени варварства, мрака, господства слепой, безусловной веры; как о времени, в которое еще не рождалось сомнение, а пока нет сомнения — прогресс невозможен, по мнению Бокля; следовательно, что же такое была история Англии до XVI века?

А между тем до XVI века здесь положено было крепкое основание тому, что составляет отличительную черту английской истории, английского государственного и народного быта, тому, что условило и развитие интеллектуальное. Сам Бокль, желая объяснить застой Испании, начинает с начала, с V-го века. Значит, история цивилизованного народа имеет важное значение и тогда, когда интеллектуальное развитие еще не начиналось, когда еще не рождалось сомнение; значит, важное значение имеют известные отношения и без интеллектуального развития; значит, и после появления интеллектуального развития эти отношения не могут утратить своей важности; интеллектуальное развитие приходит к ним как новая сила, с могущественным влиянием на все другие отношения, но, как обыкновенно бывает в истории, и само подчиняется влиянию других отношений.

Обратимся к другому вопросу: что такое правительство? Правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни. Как скоро известная форма правительственная не удовлетворяет более потребностям народной жизни в известное время, она изменяется с большим или меньшим потрясением всего организма народного. В ином народе, по-видимому, возбуждено сильное неудовольствие против правительства, против его формы; но если, несмотря на

это, правительство держится, то это значит, что народ в своей истории выработал известные условия, которые требуют именно такой формы правительственной.

Правительство, какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка. История имеет дело только с тем, что движется, видно, действует, заявляет о себе, и потому для истории нет возможности иметь дело с народными массами, она имеет дело только с представителями народа, в какой бы форме ни выразалось это представительство; даже и тогда, когда народные массы приходят в движение, и тогда на первом плане являются вожди, направители этого движения, с которыми история преимущественно и должна иметь дело.

Действия этих лиц, а в спокойное время распоряжения правильного правительства, его удачные меры или ошибки могущественно действуют на народ, содействуют развитию народной жизни или препятствуют ему, приносят благоденствие большинству или меньшинству или навлекают на них бедствия. Вот почему характеры правительственных лиц так важны для историка, так внимательно им изучаются, будь то неограниченный монарх, будь то любимец этого монарха, будь то ораторы, вожди партий в представительных собраниях, министры, поставленные во главе управления перевесом той или другой партии в народном представительстве, будь то президент республики.

Вот почему подробности, анекдоты о государях, о дворах, известия о том, что было сказано одним министром, что думал другой, сохраняют навсегда свою важность, потому что от этих слов, от этих мыслей зависит судьба целого народа и очень часто судьба многих народов. Бокль, провозгласивши, что не должно изучать характеры правительственных лиц, посвящает большие отделы своей книги деятельности Генриха IV Французского и кардинала Ришелье, выставляя, какое могущественное влияние оказала эта деятельность на интеллектуальное развитие французского народа. Но это не единственное противоречие в книге Бокля, которая представляет результат отшельнической, замкнутой, кабинетной жизни человека, отказавшегося от всякой общественной деятельности, и потому так поражает своею односторонностью.

Бокль утверждает, что государи, государственные люди и законодатели суть случайные и недостаточные представители духа своего времени. Историческая наука давно уже признала их недостаточными представителями духа своего времени в том смысле, что они не одни представляют этот дух. Что же касается выражения "случайные представители", то употреблять его надобно с большою осторожностью. Всякое явление в жизни народа, как бы это явление ни было, по-видимому, случайно, должно рассматриваться в истории по отношению к внутренним условиям народной жизни; оно объясняется ими и в свою очередь объясняет их. Так, например, чего кажется случайнее в истории известного народа, как напор другого народа, завоевание, вследствие этого напора происшедшее.

А между тем историк пользуется этим явлением для проверки внутренних сил народа завоеванного, степени его развития; решаются вопросы: что

условило возможность завоевания; какой отпор оно встретило и где, в каких частях страны, в каких частях народонаселения; быстро ли покорен народ, или покорение требовало продолжительного времени; в каких отношениях нашлись завоеватели к завоеванным и что произошло из этих отношений; какие силы народа были сломлены завоеванием; какие сокровенные силы были вызваны к деятельности?

Понятно, что при решении этих вопросов проверяется, уясняется вся предшествовавшая история народа.

Характеры лиц, выдающихся вперед, лиц правительственных, служат также для проверки внутреннего состояния народа, степени его развития. Вопрос состоит в том, как характер правительственного лица и зависящая от этого характер деятельности его относится к народной жизни. Мы очень хорошо знаем, что известная деятельность, зависящая от известного характера, обнаруживается таким образом в одном народе, иным образом — в другом, бывает совершенно невозможна — в третьем. Внутренние условия народной жизни в известное время отливают форму для деятельности правительственного лица, как всякого исторического деятеля вообще, во всех сферах; следовательно, эта форма служит самую лучшую проверку народной жизни. Здесь уже случайность явления исчезает.

Таким образом, опять выходит, что мы должны изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни, и правительственные лица являются представителями народа вовсе не случайными. С другой стороны, деятельность правительственных лиц, обуславливаясь известным состоянием общества, производит могущественное влияние на дальнейшее развитие жизни этого общества и потому должна обращать на себя особенное внимание историка. Какая возможность изучить характер времени, не изучив деятельности лиц, выдающихся на первый план, и прежде всего лиц правительственных?

Не Цезарь разрушил Римскую республику; эта республика во времена Цезаря заключала в себе такие условия народной жизни, при которых Цезарю возможно было сделать то, что он сделал. Но как мы изучим эти условия, как поймем характер времени, не изучив деятельности Цезаря, его отношений к лицам, учреждениям, различным частям народонаселения? Как мы изучим характер первых времен Римской империи, не изучив характера отношений первых императоров к сенату?

Бокль жалуется на историков также за то, что они наполняют свои сочинения длинными известиями о войнах, сражениях, осадах, вовсе бесполезными для нас, потому что они не сообщают нам новых истин и не дают средств к открытию новых истин. Мы думаем, что история должна открыть нам истину о жизни одного или нескольких народов. Впрочем, по поводу вопроса о значении истории войн мы должны сказать несколько слов о значении так называемой внешней истории вообще, ибо некоторые унижают это значение перед значением истории внутренней.

В жизни отдельного человека мы различаем жизнь домашнюю и жизнь общественную; мы знаем хорошо, что человек немислим без общества, что

только при столкновении с другими людьми, в общей деятельности, определяются его понятия, развиваются его умственные и нравственные силы.

То же самое и в жизни целых народов: они также живут жизнью домашней, или внутренней, и жизнью общественной. Известно, что такое народ, живущий вне общества других народов. Застой — удел народов, особо живущих; только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может познать самого себя. Известно, что европейские народы обязаны своим великим значением именно тому, что живут одною общею жизнью. Но после этого как же можно отнимать значение у этой общественной жизни народа в пользу внутренней или домашней жизни, которая подчиняется такому сильному влиянию жизни общественной?

И внутренняя жизнь народа в свою очередь обнаруживает сильное влияние на степень и характер его участия в общей жизни народов точно так, как домашний круг человека, его домашнее воспитание имеет важное влияние на характер, с каким он является в общество, на его общественную деятельность; но из признания тесной связи между внешнею и внутреннею жизнью народа и взаимного влияния их друг на друга не следует, что одной надобно отдавать преимущество перед другою.

Историк не может не останавливаться долго на дипломатических сношениях, потому что в них выражается общественная жизнь народа, в них народы являются перед нами каждый со своими интересами, вынесенными из истории, со своими историческими правами, со своими особенностями; наконец, от характера ведения их зависит усиление или упадок значения народа, зависит война или мир.

А война? Это мерило сил народных, материальных и нравственных. Вспомним, какое значение в жизни народной имеет та или другая степень внешней безопасности.

Толкуя о народе, не будем удаляться от него, но взглянемся внимательнее, что значит для него война или мир.

Толкуя о прошедшем, не будем забывать настоящего, которое так помогает объяснению прошедшего; не будем забывать, как мы теперь волнуемся вопросом о войне или мире, как важные внутренние дела останавливаются в ожидании решения этого страшного вопроса внешнего. Повторяют, что известный ход английской истории зависит от островного положения страны, дающего ей большую внешнюю безопасность сравнительно с государствами континентальными. И после этого мы не дадим важного значения истории войн, которые или истощают, или возбуждают народные силы, отнимают у народа важное место, занимаемое им в обществе других народов, или ему дают его, расширяют сферу его деятельности, поворачивают ход его истории! Другое дело подробности военных действий:

они не должны входить в общую историю одного или всех народов, они составляют содержание специальной военной истории и могут быть доступны, полезны и занимательны только для специалистов.

Незаконный развод народа с государством, происшедший в головах некоторых наших исторических писателей и преподавателей, породил довольно недоразумений.

Забыв, что государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства, объявляли, что не станут останавливаться на каком-нибудь громком государственном событии более того, сколько требовать этого будет уразумение воздействия его на народный быт и воспитание; что не станут преклоняться пред биографию лиц, выходящих из массы; что эти лица будут важны единственно потому, что они принесли с собою из массы и что сообщили массе их дарования; что не будет важен никакой закон, никакое учреждение сами по себе, а только по приложению их к народному быту; что не будут останавливаться ни на каком литературном памятнике, если не будут видеть в нем ни выражения народной мысли, ни той силы, которая пробуждает эту мысль; в таком случае гораздо важнее будет народная песня, даже полная анахронизмов в изложении внешнего события; предметом первой важности будут повествования летописцев о неурожаях, наводнениях, пожарах и разных бедствиях, заставлявших народ страдать, о затмениях и кометах, пугавших его воображение явлениях, которые для историка, имеющего на первом плане государственную жизнь, составляют неважные черты.

В приведенных мнениях видно непонимание тесной связи между государством и народом, связи формы с содержанием. Что значит, например, рассматривать громкое государственное событие со стороны воздействия его на народный быт и воспитание? Но почему же это событие громко? Историк при встрече с таким событием прежде всего должен показать, как оно возникло в жизни известного народа, разумея под жизнью народа жизнь внутреннюю и внешнюю.

Что касается до значения лиц, выходящих из массы, то понятно, что всякий оценивает их по степени того добра, какое оказали они своим общественным служением: об этом никто никогда не спорил.

Но здесь должно заметить, что историк не имеет возможности непосредственно сноситься с массою; он сносится с нею посредством ее представителей, исторических деятелей, ибо масса сама ничего о себе не скажет; и в то время, когда она движется, волнуется, на первом плане ее вожди, представители; они говорят и действуют и этим самым становятся доступны для историка. Если известный закон или учреждение, каковы бы ни были сами по себе, не имеют приложения к народному быту, то во всяком случае они заслуживают внимания; если закон или учреждение действуют и в то же время неприложимы к народному быту, то они причиняют вред, затруднения, неудобства в отправлениях народной жизни; это очень важно, и историк обязан вникнуть в причины такого явления, ибо здесь поверка народной жизни.

Историк обязан останавливаться на важных литературных памятниках, ибо такие памятники не могут пройти бесследно для жизни общества. Историк, имеющий на первом плане государственную жизнь, на том же плане имеет и народную жизнь, ибо отделять их нельзя: народные бедствия не могут быть для него неважными чертами уже и потому, что они имеют решительное влияние на

государственные отправления, затрудняют их, бывают причинами расстройств в государственной машине, что вредным образом действует на народную жизнь.

Но конечно, историк, уважающий народ, не поставит наряду с народными бедствиями затмений и комет, пугавших народное воображение, хотя и не оставит их без внимания, когда будет говорить, как народ в известное время представлял себе известные явления.

Сделавши эти предварительные замечания, мы приступим к наблюдениям над исторической жизнью народов и для правильности этих наблюдений начнем сначала, начнем с того, с чего обыкновенно начинают.

I. ВОСТОК

1. КИТАЙ

Перед нами одна из самых обширных и самых богатых стран в мире, страна чайного дерева и шелкового червя; страна, которая с незапамятных пор составляет одно государство, самое обильное трудолюбивым и промышленным народонаселением, долго славившимся своими шелковыми, хлопчатобумажными и фарфоровыми изделиями, знавшим, как говорят, порох, компас и книгопечатание прежде европейцев.

Но это государство с незапамятных пор не имеет истории; Китай и неподвижность сделались понятиями, неразрывно связанными друг с другом. С неподвижностью, страхом перед новым соединена замкнутость, страх перед чужим. Причины этих явлений находят, во 1-х, в природных условиях; во 2-х, в характере монгольского племени, к которому принадлежит народ китайский. Будем наблюдать над действиями этих условий.

Указывают, что замкнутость Китая происходит оттого, что он окружен высочайшими горами и бурными, туманными, имеющими много мелей морями; с другой стороны, указывают на необыкновенное плодоносие и роскошь страны, вполне удовлетворяющей народонаселение и отнимающей у него охоту к движению, исканию нового, чужого.

Говорят также, что свойства монгольского племени условили остановку китайцев в развитии; в китайской цивилизации монгольское племя достигло высшей степени развития, к какой только оно могло быть способно.

Мы, разумеется, не будем отвергать влияния ни одного из означенных условий, хотя приговор относительно племени нам кажется слишком резок; если мы видим, что племя остановилось на известной степени развития под влиянием таких-то могущественных условий, то естественно рождается вопрос: остановилось ли бы оно на этой степени при других условиях? Что же касается до влияния природы, то имеем право спросить: такие же ли оказались бы результаты, если бы Китай был резко отделен с сухого пути, представлял такую же плодоносную страну и простирался небольшою узкою полосой по берегу моря?

Признавая всю законность этого вопроса, мы считаем себя вправе выставить новое условие, именно: обширность страны, в которой в продолжение многих веков народонаселение могло расширяться и устраиваться без столкновения с другими народами, без внешней деятельности, без подвига, с одной только внутренней деятельностью. Все силы народа, особенно с быстрым его увеличением при благоприятных условиях, ушли в это необычайное трудолюбие, отличающее китайцев. Но одно трудолюбие при однообразной будничной жизни не разовьет народа: для развития необходим не труд только, но подвиг, сильное, широкое движение, которое обуславливается внешними столкновениями.

В Китае всего лучше можно видеть влияние на народ исключительно внутренней жизни, как бы она сильно развита ни была, влияние труда без подвига, необходимого для вскрытия и упражнения высших способностей человека; в китайцах мы видим людей, в высшей степени способных к труду и нисколько не способных к подвигу, трусливых, легко поддающихся внешнему натиску. Преобладание внутренней жизни ведет к тому, что государство становится похожим на муравейник или на пчелиный улей: трудолюбия очень много в муравьях и пчелах.

Как устроил китайский народ свое государство? Вопрос этот связан с вопросом:

как устраивает свое государство всякий большой народ, живущий в обширной стране без внешних столкновений? Первоначальный родовой быт может держаться во всей чистоте только при малочисленности народонаселения и обширности страны, когда каждый род может жить отдельно, не сталкиваясь с другими, когда и усобицы, возникающие в отдельном роде, легко погасают чрез удаление недовольных, притесненных членов рода. Но когда народонаселение увеличивается, когда отдельные роды необходимо приближаются друг к другу, то естественно происходят между ними столкновения, ведущие к устройству нового порядка вещей. Или один род благодаря личности своих членов и другим благоприятным обстоятельствам усиливается на счет других, и старшина его делается старшиной их всех; или когда столкновения, войны между родами не оканчиваются таким образом и сильно наскучивают оседлому, земледельческому народонаселению, то оно добровольно подчиняется одному человеку, чтобы чрез это подчинение избыть от внутренних войн. Иногда это делается, чтобы получить вождя для дружного отбития внешнего неприятеля. Подчинение это могло быть временное и пожизненное; пожизненное пользование властью легко могло превратиться в наследственное.

В Китае первоначально были владельцы, или, как мы привыкли называть их, богдыханы, пожизненные, а с императора Ю (2205 г. до Р. Х.) наследственные (первой династии Гиа). Власть этих первых государей, естественно, неограниченная; добыта ли она силою или избранием? Ее неограниченность обуславливается потребностью нового народа получить крепкую связь; новый государь должен быть вождем на войне против внутренних и внешних врагов и судьей верховным; в том и другом случае

ограничение его власти неудобно для народа, создающего у себя гражданский порядок.

Мы знаем, что в последующие времена усиление монархической власти является после сильных движений, которые истомляют народ и заставляют его искать успокоения в диктатуре. "Где нет царя, — говорится в одной древней поэме,¹ — там нет ни у кого собственности; люди пожирают друг друга, как рыбы; не строятся дома, не воздвигаются храмы, не приносятся жертвы; никто не пляшет на празднествах, никто не слушает певца, земледелец и пастух не могут:

спать при открытых дверях; купцам нет безопасной дороги". Образца власти нет никакого другого, кроме власти естественной — отца над детьми и потом власти господина над рабами.

Обратимся к сознанию древних о господствовавших у них формах правления.

"Каждый дом, — говорит Аристотель, — управляется старшим, поэтому и народы управляются царями, ибо составились из управляемых (то есть из домов, семейств); монархия есть домашняя форма дом управляется монархически".

Мы не можем не принять объяснения Аристотеля, хотя не можем ограничиться им, тем более что знаменитый философ, противопоставляя народ, составившийся из семейств или домов и потому управляемый монархически, городу, состоящему из людей свободных и равных и управляемому политически, не объясняет, откуда произошла эта противоположность. Здесь мы должны обратить внимание на то, что в народе многочисленном, на большом пространстве живущем и преданном земледелию, мирному труду, не может возникнуть начало, способное ограничивать царскую власть. Собрание всего многочисленного народа, на обширных пространствах живущего, для совещания о делах невозможно; посылка избранных представителей — дело тяжелое и невозможное в первые времена без другого представительства, образуемого какой-нибудь выдающеюся частью народонаселения, имеющего особенное положение, особые права.

Происхождение такой части народонаселения условливается сильным и продолжительным воинственным движением, и то, как увидим, в дружинной форме совершающимся; в народе же невоинственном, преданном мирным земледельческим и промышленным занятиям, этого быть не может. Народонаселение города, где живет владыка народа, может оказывать на него влияние, ограничивать его власть своими собраниями, вечами. Но для этого нужно особенно сильное развитие торговое в известном месте, особенная подвижность народонаселения вследствие торговой деятельности, развивавшей силы человека наравне с воинскою деятельностью, особенно в первобытные времена, когда купец по отсутствию безопасности путей должен был превращаться в воина.

¹ В Рамайяне.

Если такого условия нет, если мы имеем дело с народом многочисленным, занимающим обширное пространство в стране уединенной и своими произведениями удовлетворяющей народ, который потому предан мирным занятиям; если при умножении своего числа, ведущем к уничтожению родовой особенности, народ хочет обеспечить свои занятия установлением единой и крепкой власти, способной защитить от врагов внешних и прекратить усобицы внутренние, то в таком народе мы имеем право ожидать сильной, неограниченной верховной власти.

Пройдут века, и укоренится привычка, известные отношения войдут в народное умоначертание, получают освящение свыше и лягут таким образом препятствием к образованию условий, могущих повести к перемене.

Такие отношения мы видим у китайцев, которых природа оградила от внешних влияний и дала нам любопытное и поучительное зрелище, как улей под стеклом для наблюдений естествоиспытателя. Мы можем здесь понять, до чего может достигнуть уединенный народ земледельцев, работников, поставленный в выгодные условия для работы, народ трудолюбивый, понятливый, расчетливый, благоразумный, но с крайне узким горизонтом, народ, весь преданный "злобе дня", заботам о хлебе насущном, ничем не развлекаемый в этих заботах и не терпящий быть развлекаемым. Все отношения, разумеется, должны иметь связь с этим главным стремлением.

Китайцы признают над собою неограниченную власть своего богдыхана, потому что эта власть обеспечивает им их работу; отношение основывается на расчете, никакой другой религиозной, нравственной, исторической связи нет. Хотя богдыхан и называется Сыном Неба, но это только титул; хотя ему и воздаются божеские почести, но это церемонии, необходимые для обозначения ранга.

Богдыхан должен быть хороший правитель, добродетельный человек, иначе он не обеспечивает для народа спокойствия и порядка; как же быть в противном случае? Другого средства нет, кроме восстания против дурного лица, против испортившейся династии, и китайская история не бедна такими движениями, нисколько, впрочем, не уничтожающими ее однообразия. Как скоро перемена лица произошла и оказалась удовлетворительною, все пошло по-прежнему, "улей" зашумел в обычной работе.

Чтобы работа была обеспечена, нужен самый строгий порядок; нужно, чтобы все было определено с необыкновенною точностью: чтобы никто не позволял себе ни в чем ни малейшего произвола, ни малейшей перемены; чтобы все происходило одинаково, как раз заведено: китайское законодательство отличается точностью, обстоятельностью определений всего, относящегося к поведению человека, к его нравственным действиям и отношениям, к формам общественных приличий, к покрою одежды и стрижке волос. Закон соблюдается строго, произвола нет.

Демократическое начало господствует; все китайцы равны друг перед другом; наследственных сословий нет; подняться на высшие места, места надзирателей за рабочими, блюстителей установленного порядка на этой громадной фабрике, называемой Китаем, можно только посредством

испытанного знания, приобретаемого тяжелым трудом. Цель управления сознана ясно: "Хорошее управление должно доставить народу необходимые для жизни вещи: воду, огонь, металлы, дерево и хлеб; потом должно сделать его добродетельным и научить полезному употреблению всех этих вещей, должно остеречь его от всего того, что может повредить его здоровью и жизни".

И больше ничего не нужно для китайца. Громадная фабрика, наполненная трудолюбивыми работниками, идет века по раз заведенному порядку под строгим надзором знающих дело людей. Все, что может нарушить этот порядок, необходимый для спокойной и потому богатой результатами работы, отстранено:

рабочий не развлечен ничем; мысль его с малолетства приучена вращаться в тесном кругу одних и тех же предметов и направляться к одной цели исканию удовлетворения материальным потребностям; всякий выход отдельного лица из очерченного круга, всякое проявление личности, личной самостоятельности, новой мысли и взгляда не допускается, невозможно. Полицейский порядок развит был в Китае тысячи лет назад; тысячи лет назад ни один китаец не мог выйти без паспорта за городские ворота.

Правительственная система, которая недавно проповедовалась в Европе некоторыми государственными людьми и которая нравилась многим, измученным революционной качкой, — система ограничения народа заботами о насущном хлебе с исключением всех других потребностей, с удалением от него всего, что могло бы развлечь его внимание, возбудить мысль, нарушить спокойствие и порядок обычных занятий, — эта система, неприменимая в Европе, осуществлена с незапамятных пор в Китае, не выдумана здесь каким-нибудь богдыханом или мандарином, но вытекла из условий жизни народа, принята и усвоена им; народ воспитался, образовался по ней, она вошла в его существо, и может ли он когда-нибудь жить без нее — неизвестно.

Мы видели, что Китай испытывал потрясения, нарушения спокойствия и установленного порядка вследствие слабости и недостойнства богдыханов. Но эти потрясения, не могшие по характеру своему повести ни к каким живительным преобразованиям, не могшие расширить горизонт народной жизни, возбуждали только в народе желание возвратиться как можно скорее к спокойной и потому счастливой старине, восстановить все, как прежде было. Отсюда понятно, что имя человека, особенно потрудившегося над таким восстановлением старины в области мысли, знания и самопознания народа, будет особенно популярно.

Таково знаменитое имя Конфуция (жившего ок. 550–479 гг. до Р. Х.), собравшего и приведшего в порядок древние народные предания. "Мое учение, говорил Конфуций, — есть учение, переданное нам предками; я ничего не прибавил и не убавил, но передаю их учение в первобытной чистоте". Из этих преданий старины для нас важны религиозные представления по связи их с религиозными представлениями других языческих народов. В религиозных представлениях языческих народов, известных в истории, мы замечаем следующие общие основные черты: во-первых, дуализм, и притом двойной, именно — обоготворение двух начал" доброго и злого; во-вторых, поклонение

душам умерших предков. В различных отношениях того или другого народа к этим основным представлениям выражается характер народа и его историческое значение.

В китайской религии мы находим первый дуализм, поклонение мужескому началу, первоначальной силе — небу, и женскому началу, первоначальной материи — земле. Подле этого поклонения существует поклонение душам умерших предков.

Но, говоря о религиозном поклонении китайцев, мы не должны представлять себе форм поклонения, встречаемых у других народов: у китайцев нет ни храмов, ни жрецов, ни праздничных дней в неделе. Китаец — работник, погруженный весь в заботы о материальном существовании; он не чувствует потребности в освежении, восстановлении сил праздником, духовным занятием; праздник нарушает порядок и потому не полезен. Для китайца "небо не говорит, но заявляет свою волю только через народ или чрез людей!". Впрочем, в религиозной жизни китайцев не обошлось без протеста против этого пренебрежения духовными потребностями.

Самостоятельно или под влиянием учения, занесенного как-нибудь с юга, из Индии, — все равно, только протест явился в так называемом учении Тао, основанном Лао-Тзе, который подчинял физический дуализм неба и земли высшему началу Тао (разума). Протестуя против полного погружения в заботы о материальном благосостоянии и в чувственные наслаждения, господствовавшего в Китае, Лао-Тзе требовал освобождения от страстей и духовной созерцательной жизни в удалении от общества и его волнений, указывая на цель такой жизни — возвращение в лоно первоначального существа, из которого вышел человек.

Мы еще возвратимся к этим представлениям, в которых выказалась реакция чувственным стремлениям народов в различных странах Востока. Здесь же заметим, что в Китае учение Лао-Тзе явилось сектою и не могло сильно противодействовать господствующему направлению жизни; гораздо сильнее распространился искаженный буддизм, удовлетворявший потребности народа во внешнем богослужении.

Трудолюбивейший народ не мог предохранить себя от рабства. На это важное явление, как оно существовало в древнем мире, мы должны обратить особенное внимание. Происхождение рабства, происхождение разных видов частной зависимости человека можно проследить в преданиях народов. Конечно, война должна была доставлять значительное число рабов; победитель имел право или убить побежденного, или подарить ему жизнь, и в последнем случае побежденный делался рабом, собственностью победителя. Экономическая неразвитость первоначальных обществ содействовала сильно к распространению рабства: для человека было чрезвычайно удобно иметь разумное орудие, разумную животную силу для работ всякого рода при невозможности вольнонаемного труда.

Скоро оценили выгоду охотиться за человеком, добывать его с оружием в руках и торговать им. Но кроме захвата и купли число рабов увеличивалось и другим способом: обеднение от голода или другого физического бедствия,

лишение семьи или рода, бесплодность и безродность, страшное бедствие в древнем обществе, где человек мог держаться самостоятельно только с помощью первоначального кровного союза, — все эти бедствия должны были принуждать человека просить принятия в чужую семью или род для получения средства к существованию; но единственное условие, при котором он мог быть принят, это — работа, рабство; молодой человек для получения руки девушки должен был работать будущему тестю несколько лет, как мы это видим в истории патриарха Иакова.

Рабство продолжалось и в новом, христианском мире; мы с ним хорошо знакомы; но все же в христианстве, поднявшем личное значение человека как храма Духа Св., существа, искупленного кровию Спасителя, мы все более и более отвыкали от представления о рабе, господствовавшего в языческой древности. В древности мы видим, например, такое явление: жена дает в наложницы мужу рабу свою, и когда раба родит ребенка, то госпожа в восторге принимает его на колени и говорит, что Бог дал ей сына. Поймем ли мы теперь это явление?

Оно объясняется только таким представлением, что раб не имеет совершенно никакой личности и составляет часть господина, имеет с ним совершенно одно существование.

Знаменитый наблюдатель над общественными явлениями древнего мира Аристотель приходит к нам на помощь; он говорит: "Раб есть одушевленная собственность и как бы орган. Собственность есть как бы часть, ибо часть есть не только часть другого, но имеет с ним одно существование. Подобно тому и собственность; поэтому раб не только есть раб своего господина, но и имеет с ним одно существование". Это уяснение представления древности о рабе поможет нам объяснить и некоторые другие явления древней жизни. Если человек, сделавшийся собственностью, считался частью, имевшею одно существование с целым, с господином, то при отсутствии прав личности дети, обязанные существованием родителям, естественно составляли их собственность, часть, не могли иметь никаких прав, находились к родителям совершенно в отношении рабов.

Между китайцами, как народом мирным и земледельческим, сначала не было рабства; но оно явилось, когда вследствие тяжких бедствий родителям позволено было продавать детей своих.

2. ЕГИПЕТ

Мы переходим в Африку. Здесь, на северо-востоке, по берегам большой реки Нил, находим государство, подобное китайскому, такой же пчелиный улей или муравейник, но имеющее некоторые замечательные особенности. Египет с двух сторон окружен морем, и одно из этих морей — Средиземное историческое море древности по преимуществу; несмотря на то, египтяне питают отвращение к морю; страна их долго остается замкнутою, подобно Китаю. Народонаселение припало к своей реке Нилу, дающему своим разливом

необыкновенное плодородие стране, припало, как ребенок к груди матери, и ожирело, остановилось в своем развитии. Нил, заботы, с целью воспользоваться богатыми следствиями его разлива, поглотили все внимание народа.

Опять, как в Китае, мы имеем дело с народом земледельческим, рабочим по преимуществу, народом, который славился своею мудростью. Было время, когда и Китай славился в Европе мудростью своих учреждений и ставился в образец. Отцам-иезуитам особенно нравился китайский быт как соответствующий их общественному идеалу, нравилась огромная фабрика под строгим полицейским надзором, толпа людей, преданных в тишине материальной работе, не рассуждающих; нравился народ, похожий на труп или на палку в руках старика, и отцы-иезуиты прославили Китай в Европе.

Хотя заблуждение насчет превосходства китайского быта и не было продолжительно в Европе, однако и теперь еще есть люди, которым нравится кое-что китайское, которые, видя в китайских религиозных воззрениях условие отсутствия религиозного принуждения, восклицают: "Сколько времени, сколько фаз развития было необходимо, чтобы народ мог достигнуть до такого состояния, до такой терпимости!" Эти господа забывают, что для человека и народа, живущего не о едином хлебе, сильно принимающего к сердцу нравственные интересы, готового на все пожертвования для проведения своих убеждений, надобно долго жить и пройти много фаз развития, чтобы достигнуть убеждения в необходимости свободы для чужих убеждений.

Но человеку или народу, думающему только о хлебе, равнодушному к нравственным интересам, можно очень легко и скоро достигнуть религиозной терпимости; да ему и не для чего достигать ее, он с нею родится. Разве вы замечаете в ребенке религиозную нетерпимость? но попробуйте не накормить его вовремя!

Народ, который остановился на этой ступени, и будет отличаться религиозною терпимостью.

Но если заблуждение насчет китайской мудрости было непродолжительно в новой Европе, если вместо мудрого старца в Китае увидели едва лепечущего ребенка, то что же удивительного, что в древности сохранялось уважение к египетской мудрости. Древность народа, древность его муравьиной или пчелиной цивилизации, громадные постройки, исчерченные какими-то таинственными, никому не понятными знаками, фокусничество жрецов — все это воспламеняло воображение, заставляло видеть и предполагать чудеса.

Чудес не было, но все же Египет представляет любопытное явление. Прежде всего мы не видим здесь китайского равенства, не того равенства, которого достигает живой народ, прошедший строгую политическую школу, выдержавший долгую борьбу, ознаменовавший себя гражданскими подвигами, но равенства младенческого, господствующего в первоначальном обществе, не знающем движения, подвига. В египетской истории мы должны предположить движение, подвиг, поведший к выделу из массы лучших людей, более способных к подвигу, иначе мы не можем объяснить происхождения каст; притом же памятники указывают нам на различие племен, господствующего и подчиненных.

Произошло движение, произошло развитие, выдел различных органов из сплошной прежде массы, и вот уже работа для историка — узнать, в каком отношении находились эти органы между собою. Мы упомянули слово "касты", под которым понимаются части народонаселения, живущие в совершенной отчужденности друг от друга при невозможности перехода для членов их из одной в другую.

Различие племен и завоевание одного другим объяснят нам происхождение высших и низших каст, но не объяснят происхождение высших каст, жрецов и воинов, принадлежавших к одному господствующему племени.

Здесь, разумеется, прежде всего мы должны обратить внимание на экономическое положение частей народонаселения, являющихся нам в виде каст. Высшие касты, жрецов и воинов, по самому характеру своему должны получать содержание, обеспечивающее их в исполнении их обязанностей. В государстве первоначальном, земледельческом они должны быть наделены земельными участками. И действительно, в Египте мы видим этот надел для воинов и жрецов; они были помещиками на этих участках, которые таким образом были тесно соединены с исполнением известных обязанностей; переход из одной землевладельческой части народонаселения в другую произвел бы смуту в землевладении и потому не мог быть допущен.

Этому содействовало религиозное уважение к раз установившемуся, к старине, господствовавшее в древней жизни; для древнего человека идеал был назади, в далеком прошлом, которое было ближе к царству богов и богоподобных людей; в Египте сначала царствовали боги, отсюда нарушение старых, установившихся отношений было делом греховным. Такое религиозное освящение и неподвижность установившихся отношений, разумеется, более всего зависели от жрецов, а жрецы находили в них свою выгоду, потому что в их руках находилась большая часть земельной собственности, чем у воинов.

Когда народонаселение раздроблено на такие резко отделенные друг от друга части, или касты, то понятно, что для достижения государственных целей, для общего направления деятельности оно нуждается в объединяющей силе; таким образом, касты необходимо уже предполагают большую власть в руках царя. Действительно, египетский царь, или, как мы привыкли называть его, фараон (фра — солнце), имел в руках своих обширную власть, которая основывалась на землевладении: ему принадлежала третья часть всей земли; две трети ее были поделены в неровной, как мы видели, мере между жрецами и воинами. Фараон не упускал случая усиливать свои средства на счет землевладельческой касты воинов.

"Иосиф собрал все серебро, какое было в Земле Египетской, за хлеб, который покупали, и внес Иосиф серебро в дом фараонов. И серебро истощилось в Земле Египетской, и пригоняли они к Иосифу скот свой. И пришли к нему на другой год и сказали ему: "Ничего не осталось у нас, кроме тел наших: купи нас и земли наши за хлеб". И купил Иосиф всю Землю Египетскую для фараона, только земли жрецов не купил. И сказал Иосиф народу: "Я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю. Когда будет жатва, давайте пятую часть фараону"".

Влияние касты воинов сдерживалось влиянием другой, высшей касты, жреческой; пользуясь соперничеством этих землевладельческих каст, фараону легко было усиливать свою власть. Жрецы, представители нравственной силы, желая охранить себя и взять перевес над представителями силы материальной, воинами, должны были соединить свои интересы с интересами фараона, давши его власти религиозное значение; как наместник богов, фараон, естественно, сделался охранителем интересов служителей религии; из их касты назначались правители и судьи.

С торжеством жреческой касты и с упадком касты воинов соединен упадок внешнего блеска и могущества Египта. Встречаем любопытное известие о фараоне Сетосе из касты жрецов, который обнаружил свою вражду к воинам тем, что отнял у них земельные участки, и когда ассирийский царь Санхериб приблизился к границам Египта с завоевательными намерениями, то воины отказались выступить в поход против неприятеля и Сетос должен был набирать войско из людей низших каст. Встречаем также известие о покорении Египта эфиопскими царями, по изгнании которых Египет является разделенным на 12 отдельных владений.

Один из 12 государей, Псамметих, покоряет остальных и восстанавливает единовластие, но он это делает посредством иностранных наемных войск (ионийских и карийских) и возбуждает неудовольствие в касте воинов, которые в огромном числе удаляются в Эфиопию. Правнук Псамметиха, Гофра, лишился престола и жизни вследствие восстания воинов, заподозривших его в недоброжелательстве к своей касте и провозгласивших царем Амазиса. Но и Амазис был верен системе своих предшественников, которая состояла в недоверии и вражде к воинам; он образовал себе гвардию из ионийских и карийских наемников. При сыне Амазиса, Псаммените, Египет был покорен персами.

Таким образом, несмотря на скудость и мутность источников египетской истории, нельзя не усмотреть в ней этого внутреннего движения, бывшего следствием столкновения интересов фараона и двух высших землевладельческих каст, жрецов и воинов, причем именно земельное владение, имевшее такое важное значение в Египте, играло главную роль. Египет по физическим условиям был государством земледельческим по преимуществу; все внимание народа было обращено внутрь страны, на своего доброго кормильца плодоносный Нил, к которому необходимо явилось религиозное отношение.

Обращать внимание за пределы священной земли Нила было непростительно, греховно; отсюда торговля и городская промышленность не могли развиваться и не могла подняться часть народонаселения, которая основывала бы свое значение на богатстве движимом, не говоря уже о том, что по характеру племени, к которому принадлежат низшие касты Египта, они и не могли быть способны к широкой торговой предприимчивости. Благодаря этим условиям произошла замкнутость Египта и ожирение его народонаселения, привыкшего хорошо есть и пить и получавшего возможность к этому внутри страны.

Возможность движения, подвига, столкновения с другими народами лежала в касте воинов, и действительно, эта каста давала средства фараонам предпринимать походы, делать завоевания, но это явление было какою-то случайностью в истории Египта, — случайностью, остававшеюся без последствий: продолжительные и отдаленные походы фараонов в Азию не доставляли им более или менее прочных завоеваний, так что воинственное движение государей оседлого и цивилизованного народа совершенно сходно с опустошительными и бесплодными движениями номадов.

Можно подумать, что фараоны, охотники занимать и утомлять излишек народонаселения огромными постройками, египетскими работами, придумавшие умерщвлять новорожденных младенцев мужского пола в случае опасного размножения подданных, — можно подумать, что фараоны предпринимали походы с единственной целью занять и утомить касту воинов, уменьшить ее опасное число. Но воинственные фараоны — редкое явление в египетской истории; касте воинов редко дается возможность развить свои силы, приобрести важное значение посредством движения, подвига.

Жреческая каста сдерживает силы опасных воинов.

Наконец, Египет благодаря Псамметиху и последующим фараонам выходит из прежней замкнутости, сближается с иностранцами, но здесь не происходит никакого важного переворота в египетской жизни: прежний порядок вещей остается ненарушимым; вся новизна направлена против касты воинов, которые принуждены выселяться, и это обстоятельство, разумеется, должно было более всего содействовать падению Египта.

Жреческая каста явно берет преимущество перед кастою воинов: воины в презрении, у воинов отнимают земли, воины должны выселиться из Египта.

Относительно жрецов не встречается подобных известий: жрецы до конца сохраняют свое важное значение. Жрецы славились своею мудростью, своими обширными познаниями, но свою мудрость они берегли для себя, своих познаний они не распространяли в народе и не спасли государства от падения. Но каким же божествам служили жрецы египетские?

В Египте мы встречаем множество имен божеств; это множество происходит оттого, что одно и то же божество в разных местностях чувствовалось под разными именами. Из египетских мифов, наиболее известных, оказывается, что и здесь было поклонение началам мужескому и женскому — в Озирисе и Изиде и началам доброму и злему — в Озирисе и Тифоне. Мы имеем полное право успокоиться на известии Геродота, что из всех божеств только Изиды и Озирис пользовались одинаковым поклонением во всем Египте, тогда как о других божествах сказать этого нельзя.

Диодор Сицилийский говорит, что существует великое несогласие в именах египетских божеств: одно и то же божество называется Изидою, Церерою, Тесмофорою, Луною, Юноною, а некоторые величают ее всеми этими именами вместе. Озирис одно и то же, что Серапис, Вакх, Плутон, Аммон, Юпитер, Пан. Но из слов самого же Диодора оказывается, что великое несогласие разрешается в согласие, когда под разными именами является одно и то же божество. Для нас важно известие Геродота, что женское божество, Изиды, почиталось в

Египте более всех других божеств. В связи с этим находится известие, что женщины пользовались в Египте особенно выгодным положением, даже преимуществом перед мужчинами.

Несмотря на успехи, какие, по-видимому, сделаны в изучении Древнего Египта, мы знаем о нем немного более прежнего; разногласие, противоположность во мнениях ученых о Египте, о его историческом значении всего лучше показывают, на какой шаткой почве находимся мы здесь. Великие исторические народы не проживают молча, тайком от других, не оставляют в своих памятниках загадок для потомства и предмета для ученых споров. Несмотря на наше убеждение, что дело не в количестве, а в качестве, громадность всегда сохраняет способность поражать воображение; так поражают воображение рукотворные горы Египта, пирамиды, переживающие тысячелетия, и вселяют невольное уважение к цивилизации, высказавшейся в таких памятниках.

Но Египет внушал уважение не одними своими громадными бессмертными могилами; греки, которые так хвастались обыкновенно своею цивилизацией, преклонялись пред мудростью жрецов египетских. Посмотрим же, что такое египетские жрецы, скрывавшие свои знания от своего народа, сообщали из них чужим, грекам.

Мы не будем отвергать предания о египетских колониях в Греции и о том, что эти колонисты сообщили сведения о разных полезных вещах дикому еще тогда народонаселению Греции. Но дело идет о другого рода заимствованиях, именно о заимствованиях в области религии и философии.

Мы не отвергнем и этих заимствований, только позволим себе сказать несколько слов насчет осторожности, какую историк должен соблюдать в вопросах о заимствовании.

Мы привыкли рассматривать племена и народы в их отдельности, и действительно, мы должны обращать особенное внимание на их особенности, различия друг от друга; но при этом мы не должны упускать из виду общечеловеческого, не должны забывать, что имеем дело с человеком, который повсюду, в каких бы обстоятельствах ни находился, смотрит на известные явления и действует в известных случаях одинаково, выражает при известных условиях одинаковые нравственные требования.

От этого мы необходимо должны встречать у различных народов одинаковые представления, должны встречать одинаковые рассказы в произведениях фантазии, одинаковые известия в памятниках исторических. На каком же основании мы, встретив у двух различных народов два одинаковые рассказа, известия, воззрения, предполагаем сейчас же заимствование, предполагаем, следовательно, что самое простое, естественное отношение могло раз произойти только у известного народа и никак не могло произойти у другого; если же встречаем известие о нем у другого, то это будет непременно заимствование?

Но этого мало; если мы встречаем у разных народов и в разные времена известия об одинаковом явлении, то, вместо того чтобы увериться в возможности этого явления, мы немедленно отвергаем эту возможность, из

действительности переносим явление в область вымыслов и здесь заставляем один народ непременно списывать у другого. Таким образом, выходит, что если один только свидетель говорит нам о явлении, то мы признаем возможность этого явления, но стоит только явиться нескольким свидетелям, которые скажут нам, что явление повторилось в разные времена у разных народов, как мы сейчас же начнем отрицать возможность явления и передадим его в область вымыслов.

Хотят, чтобы греки заимствовали у египтян верование в бессмертие души, потому только, что греческий миф о Миносе, судье мертвых, сходен с египетским мифом об Озирисе, исправляющем ту же должность! Отнять у греков верование в бессмертие души было бы слишком странно. Но как скоро допускается верование в бессмертие души, то естественно рождается представление об отчете, который должны отдать души по разлучении с телом, о суде. От суда необходим переход к судьям; почему же такое движение мысли, возможное у одного народа, было невозможно у другого?

Хотят, чтобы и перевозчик душ, Харон, с его лодкой были заимствованы греками у египтян, потому что миф носит отпечаток местности Египта, изрезанной каналами, но известно, что представление о реке как пути для душ в недра земли и обратно есть представление общее, встречающееся у народов, не имевших никакого соприкосновения с египтянами. Геродот пустил в ход мысль, что все заимствовано у египтян. Громадность египетских памятников произвела на восприимчивого грека самое сильное впечатление. "Ни одна страна не заключает в себе столько чудес! ни в одной другой стране нельзя найти таких удивительных памятников!" Всмотревшись внимательнее, он находит сходное со своим. "Не может же это сходство быть случайным, — рассуждал он, — и, так как Египетское государство древнее всех государств, следовательно, все заимствовано из Египта". Жрецы ловко берутся за дело: "Все, что занято у нас, все ваши поэты и мудрецы были у нас и у нас выучились всему". Жрецы ни перед чем не останавливались в развитии своего основного положения.

Упомянет им грек о древнем афинском устройстве. "Да это все взято у нас, — говорят они. — Эвпатриды — да это наша каста жрецов!"² Геродот не уступает жрецам и серьезно утверждает, что египтяне первые установили праздники, религиозные процессии и все богослужебные приемы и греки все это заимствовали у них. Утверждают, что учение о переселении душ Пифагор и Платон заимствовали у египетских жрецов, но этого предмета мы еще коснемся в наблюдениях над историческою жизнью греков.

3. АССИРИЯ И ВАВИЛОН

В Китае мы видели народ, тихо, незаметно в продолжение веков наполнивший огромное пространство земли, удаленный от сообщения с другими народами; в Египте мы видели завоевание с поселением победителей

² Об этом любопытном сближении, сделанном жрецами, говорит Диодор Сицилийский.

среди побежденных, отчего произошло разделение на касты; но физические условия страны препятствовали дальнейшему воинственному движению египтян: с одной стороны, все внимание народонаселения было обращено внутрь страны, к кормильцу-Нилу; потом с севера море, с востока и запада пустыня защищали Египет и давали его жителям возможность сосредоточивать свое внимание внутри страны. Истории Китая и Египта похожи тем друг на друга, что обе страны, имеющие в соседстве пустыни, подвергаются иногда нашествию и даже игу диких жителей пустыни, но это нашествие, это иго не изменяет ничего в быте обеих стран.

Теперь с берегов Нила перейдем на берега Евфрата и Тигра и здесь уже встретим другое явление. Здесь на относительно небольших пространствах сталкиваются два сильные народа семитического племени, ассирияне и вавилоняне, развившиеся благодаря выгодным физическим условиям, ибо плодородная область двух великих рек рано пригласила народонаселение к деятельности.

Но жители берегов Евфрата и Тигра не могли, подобно жителям Нильской области, ограничиться одной внутренней деятельностью, ибо, как уже было сказано, здесь один подле другого жили два сильные народа, не могшие не вступить в борьбу друг с другом. Борьба требовала сосредоточения сил народных, требовала вождя, царя с большой, неограниченной властью, храброго человека, который бы умел защищаться от неприятеля, дать победу; и есть известие, что первый вождь вавилонян был богатырь-ловец Немврод. Борьба у ассириян и вавилонян шла с переменным счастьем: сперва одно государство брало верх благодаря преимущественно личности своего царя и подчиняло себе другое.

Здесь было покорение не народа народом, причем победители, оставившие почему-либо свою сторону, селились между побежденными; здесь было покорение одного государства другим, завоеванное государство превращалось в провинцию государства покорившего. Царь направлял движение, набирал войско из целого народа и распускал его по миновании нужды; здесь, следовательно, не могло образоваться касты воинов. Покорение одного государства другим, разумеется, увеличивало силы царя-победителя: он располагал теперь средствами двух государств, что давало ему возможность покорять другие государства, присоединять их в виде провинций к своему.

Но то самое обстоятельство, что покорялся не дикий народ цивилизованному, а покорялось одно цивилизованное государство другим цивилизованным, — это самое обстоятельство вело к тому, что покорение не могло быть прочно: при первом удобном случае покоренное государство возвращало себе независимость и, усилившись, в свою очередь подчиняло себе государство, прежде господствовавшее.

Сначала поднимается Ассирия; ее цари подчиняют себе Вавилон и широко распространяют свои завоевания вокруг, присоединяя к своим владениям в виде провинций более или менее цивилизованные государства. По истечении известного времени Вавилон возвращает себе независимость и снова теряет ее; потом опять восстает вместе с мидянами и снова принужден покориться;

наконец, Вавилон восстает в третий раз: Мидия, Вавилон и Киликия вступают в союз против Ассирии; это государство падает, великолепная столица его Ниневия разрушена. Черед усиливаться пришел Вавилону; Навуходоносор своими завоеваниями основывает обширную монархию.

Таким образом, из области Евфрата и Тигра произошло движение, произведшее сильную историческую жизнь и во всех окрестных областях к северу, востоку и западу. Здесь несколько государств начинают жить общей жизнью, хотя эта жизнь и обнаруживается преимущественно в борьбе. Несмотря на покорение одного государства другим, несмотря на образование обширных монархий, народности не исчезают, но стремятся при благоприятных обстоятельствах вернуть себе независимость. С этой целью заключаются союзы между народами, как, например, союз мидян, вавилонян и киликийцев против ассириян; даже привыкший к одинокой жизни Египет в последнее время втягивается в эту общую жизнь народов: против союза мидян, вавилонян и киликийцев ассирийский царь Сарданапал ищет союза египетского фараона Нехо, но тот, задержанный борьбой с народами, находившимися на дороге, не поспел вовремя на защиту Ниневии.

Свидетельства о цивилизации Ассирии и Вавилона, цивилизации более живой и человечной, чем цивилизация Египта, остались в развалинах громадных и великолепных памятников. Что касается до религии, то и здесь мы видим поклонение мужескому, производящему началу, которое обоготворялось в Беле, господине неба и света, и женскому, воспринимающему и рождающему, которое обоготворялось в Милитте. Известно, что в Вавилоне был обычай, по которому каждая женщина раз в жизни должна была отправиться в храм Милитты, чтобы там отдать себя иностранцу, который бросит ей деньги, призывая имя Милитты.

В этом обычае нельзя не видеть средства религиозной пропаганды: вавилонянка, раба Милитты, вступая в связь с иностранцем, этим самым делала и его рабом своей богини, заставляла его приносить ей жертву; она допускала иностранца не прежде как он призовет имя Милитты; простым стремлением приносить в жертву богине любви самое драгоценное благо целомудрие — объяснить явление нельзя, потому что именно требовался иностранец.

Что религиозная пропаганда шла посредством женщин, это ясно видно из истории евреев. "И приглашали они (моавитянки) народ (израильский) к жертвам богов своих, и кланялся народ богам их. И вот, некто из сынов израильских пришел и привел к братьям своим мадианитянку... Финеес, сын Елеазара, пронзил обоих их... Имя убитой мадианитянки Хазва... И сказал Господь Моисею: "Враждуйте с мадианитянами и поражайте их. Ибо они враждебно поступали с вами в коварстве своем, прельстив вас Фегором (божеством) и Хазвою, дочерью начальника мадиамского".

4. ФИНИКИЯ

До сих пор мы видели две формы жизни у рассмотренных нами народов: или народы живут замкнутою жизнью исключительно; или — преимущественно жизнью внутреннею, избегая сообщества других народов, таковы китайцы и египтяне; или несколько равносильных по физическим и нравственным средствам народов живут вместе, сталкиваются, вступают в борьбу, то один, то другой берет верх, является завоевание, образование обширных государств, восстания государств покоренных, союзы их для освобождения себя от чужой зависимости. Эти явления представляет нам западная часть Азии, где два народа семитического племени, ассирияне и вавилоняне, играют главную роль, сменяя друг друга в господстве над окрестными государствами.

Теперь переходим мы к третьей форме, представляемой историей народа также семитического племени — финикиян. Загнанные, припертые к морю, в стране бесплодной, рано, не успевши еще образовать из себя государственного тела, живя еще отдельными родами, финикияне должны были заняться торговлею и промышленностью. Явились богатые города, из которых каждый со своим округом составил отдельное владение.

Происходят явления, обыкновенные во всех подобных малых владениях, состоявших преимущественно из одного богатого торгового города: сильная торговля и промышленность ведут к резкому различию между богатыми и бедными, образуются партии с противоположными интересами, аристократическая и демократическая, и вступают в борьбу друг с другом. Один из богачей-вельмож усиливается и приобретает верховную власть, становится царем, но власть этого царя не может быть так неограниченна, как власть царя у больших земледельческих народов, здесь уже прежде выработалась сильная аристократия, которая и ограничивает власть царя.

Борьба между аристократическим и демократическим элементами в городах вела к усобицам в царских семействах. Так, по смерти известного тирского царя Хирама, современника и друга Соломонова, сын его был умерщвлен родственниками, которые овладели верховною властью, опираясь на низшие классы народонаселения.

Подобные события, низложение той или другой стороны вело к выселению побежденных в отдаленные страны, к основанию колоний, что было возможно благодаря обширному мореплаванию финикиян, знакомству их с далекими землями; так, основана была знаменитая финикийская колония Карфаген благодаря усобице и низложению аристократической партии в Тире.

Мы обыкновенно говорим, что горы и степи разделяют народы, а моря соединяют их, но к этому надобно прибавить, что горы и степи не удержат народы, движущиеся по сильным побуждениям внутренним или внешним, равно как моря соединяют только те народы, которые сами стремятся к соединению, и притом первоначально только нужда могла заставить народ пуститься в море. Финикияне должны были сделать это, и Средиземное море

стало их областью. Благодаря им Средиземное море впервые получило то важное значение, какое оно удерживало за собою так долго, — значение исторического моря по преимуществу.

Несмотря, однако, на важное значение деятельности финикийян, мы видим в ней одностороннее направление, направление изначала исключительно торговое и промышленное; и здесь мы видим хотя сильное и широкое движение, но без подвига; не видим движения, совершающегося по высшим побуждениям и совершающегося совокупными силами народа или его представителей, лучших людей. Исключительная торговля и промышленная деятельность дробна и мелка, а потому не может вести к высокой степени человеческого развития. Финикия — это Голландия древнего мира.

Религия финикийян представляет тоже поклонение началам, во-первых, мужескому и женскому (Ваал и Ашера); во-вторых, добру и злу: Ваалу, божеству производящему, зиждительному, противопологалось божество злое, разрушительное — Молох, имевший соответствующее ему женское божество Астарту. Служение мужескому и женскому началам и здесь, как везде, по самой сущности своей отличалось чувственностью, и финикийки заставляли иностранцев служить своей богине теми же средствами, как и вавилонянки. Служение противоположному божеству, Астарте, божеству разрушительному, должно было, разумеется, сопровождаться противоположными действиями: если служение одному божеству требовало усиления жизни, усиления производительности, то служение другому, разрушительному, уничтожающему жизнь, требовало именно уничтожения средств производительности, и Астарте служили оскотлением, Молоху — человеческими жертвами.

Здесь, следовательно, мы имеем дело с чистым, полным дуализмом; начало или божество злое, разрушительное, стоит рядом с божеством добрым, зиждительным, на совершенно равных правах; человек одинаково служит им обоим и нисколько еще не сознает своей обязанности служить исключительно добру началу и под его знаменем ратовать против злого, как мы это увидим в религиозном учении арийского племени, к наблюдениям над историческою жизнью которого мы теперь и переходим.

5. АРИЙЦЫ В АЗИИ

а) Индийцы

Мы теперь начинаем иметь дело с знаменитым племенем, которое можно назвать любимцем истории. При каких бы то ни было местных условиях всюду это высокочаровитое племя оставило по себе заметный след, всюду заявило свое существование чем-нибудь таким, что навсегда останется предметом изучения для историка.

Мы не станем вдаваться в исследования о первоначальном месте жительства арийцев; для нас важно одно, что богатая явлениями историческая

жизнь в Азии начинается движением арийского племени с севера на юг точно так, как история новой Европы начинается движением с севера новых народов того же племени, которые обновили одряхлевший греко-римский мир.

До сих пор мы произвели наблюдения над историческою жизнью нескольких народов под различными местными условиями. Мы видели страны богатые, призвавшие свое народонаселение к ранней цивилизации, но вместе с тем обособившие это народонаселение, удовлетворившие его вполне, не давшие ему побуждений к внешней деятельности, к подвигу, заставившие его поэтому заснуть и остановиться в развитии: таковы Китай и Египет. Потом мы наблюдали за жизнью народов, столкнувшихся с разными средствами на небольших пространствах, и видели, что следствием была сильная борьба между ними, сильная внешняя деятельность, обхватившая целый ряд народов в одной общей жизни. Мы видели, наконец, народ, не успевший образоваться в одно значительное целое, в одно государство, и увлеченный близостью моря к широкой, но рассыпной торговой и колониальной деятельности.

Теперь перед нами новое племя, которое явится во всех рассмотренных нами условиях и в странах, подобных Китаю и Египту, и в Передней Азии там, где совершали свои подвиги ассирияне и вавилоняне, и в стране приморской и вместе с тем препятствующей образованию большого государственного тела, приглашающей к рассыпной деятельности. Посмотрим же, как это племя заявит свои особенности при всех этих условиях, чем отличится от других племен, нам уже знакомых.

Одно из арийских племен проникло в Индию, которая, подобно Китаю, составляет особый, отдаленный, обширный и богатый мир. Но разница с Китаем состояла в том, что арийцы нашли Индию уже занятою другим, черным племенем, с которым пришельцы должны были вести продолжительную борьбу и наконец подчинили себе. Здесь сходство Индии с Египтом, и потому в обеих странах замечаем одинаковое явление: разделение на касты, различие между покорителями и покоренными, причем последние принадлежали к иному племени, различия по цвету кожи (*varna* — краска и каста) легли в основание деления; "черные судрасы", низшее народонаселение, противопоставляются высшему "мужественным" ариям.

Между ариями и судра находился особый отдел народонаселения, войсия, занимавшийся промыслами: по всем вероятностям, войсия первоначально происходили от браков ариев с женщинами судра, — браков, которые не считались законными.

С течением времени благодаря более резкому разграничению каст вследствие религиозных представлений люди, происшедшие от родителей, принадлежавших к разным кастам, считались нечистыми, отверженниками и вели самую печальную жизнь.

Но и между господствующим племенем, между ариями, образовались две касты — воинов (кшатриа) и жрецов (браминов). Первоначально, в эпоху движения и завоевания, это разделение ариев на воинов и жрецов если и существовало, то не могло быть резко: в древних поэтических памятниках встречаем известия о жрецах, которые вместе были и воинами. Когда

воинственное движение успокоилось и начали устанавливаться порядок, гражданские отношения, скрепляющиеся обычным религиозным цементом, когда начало развиваться и общественное богослужение, то жреческое сословие должно было выдвинуться и обособиться.

Усилению его значения и уменьшению значения воинов благоприятствовало стремление общества успокоиться после смут и движения, завоевания и усобиц, происходивших непосредственно после завоевания, громадность, отдаленность, замкнутость и богатство страны, что все отнимало побуждение к новым движениям и подвигам, отодвигало, следовательно, подвижников, воинов, на второй план.

Но, как видно из намеков древних памятников, воины не без боя уступили жрецам первое место.

Таким образом, арийское племя в Индии, попавши в обширную, отдаленную и богатую страну, подпало влиянию местности, вследствие чего Индия относительно политического развития своего представляет одинаковые явления с Египтом.

Но особенности арийского племени не дали изгладить себя и тут местным условиям; они высказались не в громадных только и немых или полунемых памятниках; они высказались в богатой литературе; высказались в религиозно-философском миросозерцании и в религиозных движениях. Арийцы в Индии не молча прожили свой героический период, период движения, подвигов; они рассказали о них в Магабгарате и Рамаяне, дающих знать, что это то же самое племя, которое рассказало нам про свой героический период в Илиаде и Одиссее.

Когда прекратились движения политические, когда государство и общество остановились в своем развитии, мысль не переставала работать, и следствием этой работы было сильное религиозное движение, обхватившее не одну Индию и не ограничившееся одной религиозной сферой.

Арийцы принесли с собой в Индию представление о добрых и злых божествах и, что всего важнее, принесли представление о непрестанной борьбе их между собой, представление об Индре, небесном воителе, поражающем злого Вритру, который покрывает небо черными облаками. На индийской почве с течением времени выработалось представление о двух началах: благодетельном, зиждительном и хранительном — Вишну, и злом, разрушительном — Шива, и оба начала, как у других народов, стали друг подле друга в равносильном положении. Но индийские арийцы на этом не остановились; они не успокоились на дуализме и начали стремиться подчинить оба противоположные начала третьему, высшему, и явились представления о Бrame, "из которого все существа происходят, которым живут по рождении, к которому стремятся, в которого снова возвращаются". "Как искры из пламени, исходят все существа из неизменяемого, возвращаются в него".

Это представление, разумеется, не могло быть достоянием большинства, относившегося равнодушно к божеству, которому не приносили жертвы, не строили храмов, и продолжавшего поклоняться божествам добрым и злым мужеского и женского пола. Но жрецы (брамины) воспользовались этим

представлением, чтобы освятить существующий политический порядок вещей как происшедший из Браммы, освятить преимущества своей касты; они воспользовались представлением о Брамме, чтобы утвердить и нравственный порядок: только чистая душа человека могла возвратиться к своему чистому источнику; душа же, оскверненная преступными деяниями, должна была пройти прежде чрез ряд низших существ, что повело к верованию в переселение душ. Но мысль не могла остановиться и на этом.

Явились неизбежные вопросы: как и зачем? Как и зачем из единого, сверхчувственного и неизменяемого произошел этот многообразный, чувственный и изменяемый мир, которого целью все же осталось возвращение в единое и неизменяемое?

Придумано было такое объяснение, что первоначальное, единое, истинное существо, душа вселенной, актом самообольщения развилось в мире многообразия, который потом сохранил как существенное качество свое обман; мир не имеет истинного существования, никакого права на него. Такое уже слишком смелое объяснение происхождения чувственного мира не могло быть принято многими; явилось другое учение, учение Капилы, где утверждалось, что материя вечна и чувственный мир заключает в самом себе жизненное начало.

Подле этого самостоятельного материального мира существует самостоятельный мир духовный, которого бесконечные частицы бескачественные, бездеятельные и неразличимые — вращаются в мировых пространствах и только посредством соединения с материальным миром получают сознание, силу воли и другие качества.

Но, раз сознавши самого себя, свое превосходство над материей и свою особенность от нее, дух стремится к освобождению себя от материи.

Уже в учении Капилы мы видим прямое отступление от браминского учения о происхождении или истечении всего существующего из Браммы как души вселенной:

в учении Капилы мир духовный и материальный существуют самостоятельно один подле другого и вопрос о божестве обходится. Но это учение, достояние немногих людей мысли, не имело влияния на политическую сферу, на тот мир отношений, который если бы не был создан, то по крайней мере был освящен брамаизмом.

Но вот явилось учение, которое не ограничилось сферой мысли, но вооружилось против существующего порядка, освященного господствующей религией: то было знаменитое учение Будды.

Особенность движения религиозной мысли арийцев в Индии состояла в том, что она не могла успокоиться на дележе окружающих явлений между двумя началами, двумя божествами, добрым и злым, на этом узаконенном, освященном раздвоении мира и человека, обязанного поклоняться одинаково обоим противоположным началам. Для освобождения от этого двойства, которое было тяжело и для нравственного чувства человека, начали искать третье, высшее начало, высшее божество; но где было его найти вне природы, как его определить, какие дать ему качества?

До представления о Творце, отдельном от творения, человек сам собой достигнуть не мог; так называемые языческие религии именно и состоят в поклонении божеству в известном образе, идоле, в известном явлении физическом или нравственном; вне этих явлений или образов язычники бога не искали и найти не могли, и потому, поднимаясь к единому и наивысшему божеству, они не могли иначе представить его себе как изображающимся, воплощающимся в целой вселенной, находящимся к ней в таком же отношении, как душа к телу.

Явился пантеизм. Но Брама не могла успокоить возбужденную мысль арийца, ибо страшный вопрос поднимался с новой силой, вопрос: как вечное, истинное, доброе могло выразиться в изменяемом, погибающем, ложном, злом? Неотвязный вопрос о происхождении зла, страдания, смерти не давал покоя, и вот является учение о том, что мир не имеет истинного существования, что он произошел вследствие обмана, от которого надобно как можно скорее избавиться. Другое учение, учение Капилы, опять пришло к двойству, сопоставив мир материальный с миром духовным, обойдя вопрос о божестве и закончив необходимостью для душ освободиться от оков материального мира.

Оба учения одинаково подрывали браминский взгляд на освящение и неприкосновенность известного политического порядка как истекшего непосредственно из Браммы.

Отсюда понятно, почему третье учение, учение Будды, могло отвергнуть религиозное освящение кастного состояния и провозгласить равенство прав для всех относительно средств освобождения от зла. Молодой царевич Будда, проводивший жизнь в наслаждениях, встретил однажды на прогулке старика, больного, труп и жреца.

Эти четыре явления, как говорит предание, возбудили в молодом человеке не усыпавшую между арийцами Индии мысль о происхождении зла, о средствах избавления от него.

Эта мысль овладела Буддой, и он посвятил себя всецело решению великого вопроса. Все в здешнем мире суета, все проходяще, и сознание этого есть начало премудрости. Мир не имеет никакого основания, никакого права существовать; он есть произведение мрачной силы и есть зло. Четыре главных источника зла в мире: рождение, старость, болезнь и смерть; сюда для человека присоединяются еще тревожения бытия, исполненного стремлений и планов, обманов и потерь.

Все беды проистекают для человека от внешнего мира, от чувств, от тела; отсюда необходимое стремление освободиться от них, освободиться от всех связей, склонностей, привязанностей к миру и вкушать счастье и радости покоя. Задача жизни состоит в отрешении души от вещей внешнего мира чрез созерцание их ничтожества и преходчивости; потом в уничтожении личности, в уничтожении самосознания, чтобы душа погружалась в абсолютную пустоту (нирвана), где нет никаких элементов существования, где нет формы, чувства, мысли, сознания и откуда нет возможности возвращения.

Здесь в основании учения нет ничего нового в сравнении с учениями предшествовавшими, которые хотели объяснить происхождение зла, указать на

невозможность мириться с ним и определить отношения духа и материи. Но важная новизна учения Будды состояла в том, что он признал равенство всех людей относительно средств освобождения от бедствий и тревог мира, для всех людей было возможно погашение личности в нирване; таким образом, религиозная основа каст, установленная в брамаизме, исчезала; Будда обратился со своим учением ко всем кастам, ко всем людям без исключения. Другие учения были для немногих, не для массы; учение Будды было для всех и потому подрывало религиозное и тесно связанное с ним политическое здание, возведенное брамаизмом.

Это, разумеется, произвело столкновение; старый брамаизм вооружился против опасного соперника, и началось гонение на буддистов, которые должны были оставить отечество и нести свое учение к чуждым народам. В Передней Индии, или западном полуострове, буддизм был истреблен кровавыми средствами, но зато распространился в соседних странах, по островам, начиная с Цейлона, по восточноиндийскому полуострову, в Китае, в Японии, Тибете, Монголии, причем это учение подверглось сильному искажению.

Китай, Египет, Индия представляют нам одну особую группу стран. Обширность, богатство и отдаленность делают их особыми замкнутыми мирами с богатой, но окаменевшей цивилизацией вследствие отсутствия сообщений с другими народами, вследствие отсутствия постоянного подвига, исторической жизни. Это три очарованные замка спящей красавицы. Но при всем сходстве этих трех стран одна между ними, Индия, представляет особенность, которой она обязана арийскому племени. Это даровитое племя, племя подвижников, вошедши на очарованную почву Индии, в усыпленный волшебницей замок, также подверглось чарам; несмотря, однако, на силу этих чар, оно не утратило своего характера и выказало необыкновенную энергию в области мысли.

Оно схватывается с основными представлениями естественной религии о божествах добрых и злых, на одинаковых правах сопоставленных друг с другом; оно не переносит этого дуализма, этого страдательного, безразличного поклонения добру и злу вместе и снова бросается на решение вопроса о происхождении добра и зла, причем резко ставит вопрос об отношении духовного и материального мира. Мало этого, благодаря движению мысли, смене космогонических представлений происходит сильный переворот в обществе, вследствие которого часть народонаселения принуждена выселиться и несет свое учение в ближние и дальние страны; таким образом, движение не ограничивается одним народом, одной страной, но обхватывает многие народы и страны: явление, с которым мы встречаемся здесь впервые в истории.

б) Мидяне и персы

От далеких стран Китая, Египта, Индии, составивших по самому положению своему особые замкнутые миры, мы переходим в Переднюю Азию, где на небольшом относительно пространстве сталкиваются несколько

отдельных народов и где вследствие этого столкновения происходит сильное воинственное движение.

Мы видели, что это движение исходило из области Евфрата и Тигра и принадлежало народам семитического племени, ассириянам и вавилонянам. Но и на эту сцену скоро являются народы арийского племени. Какая же будет здесь их роль?

Говоря о борьбе между ассириянами и вавилонянами, мы уже упомянули о мидянах, народе арийского племени. Сначала мидяне, явившиеся, как видно, недавно в стране, обхватываемой Тавром и Антитавром, не успевшие сомкнуться в одно сильное государственное тело, не выдержали воинственного натиска семитов и подчинились ассирийским царям. Но мидяне, по словам Геродота, первые стали подниматься против ассириян и, сражаясь таким образом за свободу, сделались добрыми мужами и свергли иго; за ними и другие народы сделали то же самое. Таким образом, арийцам принадлежит здесь почин освобождения.

Освободившись, добрые мужи в свою очередь становятся завоевателями при царях своих Фраоте и Киаксаре, но при сыне последнего, Астиаге, происходит переворот между арийскими племенами: племя персов, прежде подчиненное мидянам, приобретает независимость при царе своем Кире и подчиняет себе Мидийское государство. Но мы уже заметили, что государства Передней Азии составляют систему государств, живут общей политической жизнью, блюдут друг за другом при опасности от чрезмерного усиления одного, другие составляют союзы, скрепляемые брачными союзами государей.

Опасность начала грозить теперь от Кира Персидского, и вот против него восстает самый могущественный из владельцев Малой Азии, Крез, царь Лидийский, которого сестра была замужем за Астиагом Мидийским, но при этом Крез заключил союзы с Набонетом, царем Вавилонским, и Амазисом Египетским, даже с спартанцами.

Успех союза, разумеется, прежде всего должен был зависеть от личности союзников.

Крез не дождался ни Набонета, ни Амазиса, хотя, как видно, поджидал их движений к Каппадокии.

Союзники не двигались, но Кир воспользовался временем и приготовился к походу один на один. Он остался победителем в борьбе; Лидия и вся Малая Азия покорена была персами; потом точно так же, в борьбе один на один, пало перед Киром и Вавилонское государство; Финикия перешла в такое же подчиненное отношение к персам, в каком прежде находилась к вавилонянам.

Таким образом, семитическое племя, которому до сих пор принадлежало господство в Передней Азии, должно было уступить это господство арийцам; при сыне Кире, Камбизе, и Египет был присоединен к персидским владениям.

Итак, обративши внимание на движения и столкновения племен в древней Азии и отчасти в Африке, мы скоро усматриваем, что одно племя, именно арийское, получает господство над другими. Оно господствует в отдаленной и замкнутой Индии, но и отсюда распространяет свое духовное влияние,

духовное завоевание на окрестные и отдаленные страны посредством сильного религиозного движения:

вся Юго-Восточная и Средняя степная Азия составляют область, подчиненную влиянию арийского племени или западного полуострова Индии. В Передней, или собственно исторической, Азии то же племя, явившись на сцену, подчиняет себе все другие и образует небывалое по всей громадности государство.

Внутренняя и внешняя жизнь этого государства нам гораздо более известны, чем жизнь других азиатских и африканских государств, и потому на Персии мы можем изучить это древнее восточное государство, представляющее такое различие от государства западного, европейского.

Персы завоевывают многие обширные и цивилизованные государства, но при этом не должно забывать, что эти завоевания совершаются царем персидским, по его начинанию, направлению, воле. Персы, как завоеватели, становятся народом привилегированным, не платящим податей, но они остаются у себя, в своей стране, в прежнем положении; они не переселяются в страны покоренные, не получают здесь богатого земельного надела, не становятся через это самостоятельным высшим сословием, не составляют исключительной военной силы, с которой царь должен считаться.

Царя окружают вельможи из знатных персидских родов, но эти люди не имеют самостоятельного значения в целой монархии, которая подчинена царю персидскому, а не народу персидскому. Царь рассылает этих вельмож сатрапами, правителями областей с богатым кормлением, но это только кормление: постоянных, наследственных владений они не имеют, следовательно, не имеют самостоятельного значения. Таким образом, вследствие акта завоевания из завоевателей-персов не могла образоваться аристократия в нашем, европейском смысле; перс считался выше вавилонянина и лидийца, он не платил податей; ему, следовательно, было лучше жить, но относительно царя он был такой же раб, как лидиец или вавилонянин.

После прекращения Кировой династии беспотомственной смертью сына его Камбиза мы видим аристократическое движение, стремление представителей знатнейших персидских родов приобрести особые права относительно царя.

Это движение не могло иметь последствий, потому что персидское могущество подверглось в это время страшной опасности: покоренные народы восставали со всех сторон, и персам для удержания своего значения, для единства в движениях и успеха в борьбе необходимо было отдать власть в одни руки; и во все время существования Персидского государства опасность от восстания покоренных народов была постоянной; сюда присоединилась еще опасная борьба с греками; а государство, основанное на завоевании или окруженное опасностями, принуждаемое к постоянной борьбе, требует постоянной диктатуры.

Что касается жреческого класса, то, сколько можно заметить из источников, в Персии жрецы не имели важного значения; жрецы, или маги, имеют важное

значение в Мидии и с самого начала ведут себя враждебно относительно персов.

Их попытка возвести на престол одного из своих под именем сына Кирова не удалась; против них направилось национальное персидское движение, кончившееся истреблением магов и царя их самозванца. Это событие, истребление магов, торжествовалось потом персами ежегодно, и, конечно, такой национальный праздник не мог содействовать поднятию значения жреческого класса; во время этого праздника ни один маг не мог показываться на улице. С представлением о древних персах тесно связано представление о так называемой Зороастровой религии, или учении.

Мы видели, что арийское племя, поклоняясь божеству в проявлениях физических сил, не могло не признать, подобно другим племенам, различия между полезными и вредными действиями этих сил и борьбы между благодетельными и вредными силами: отсюда дуализм в религии, или поклонение двум началам, доброму и злему. Мы видели, что другие племена, несмотря на то что заметили борьбу между обоими началами, отнеслись одинаково к обоим; арийское племя в Индии массой признало два начала и отнеслось к ним одинаково, но некоторые из племен не могли на этом успокоиться, и мы видим ряд попыток объяснить этот дуализм, причем одинаковость отношения человека к обоим началам исчезла, законность существования зла была отвергнута, и предложено средство избавления от него: это средство есть бегство от зла, бегство из чувственного мира, пропитанного злом. Но куда бежать?

В противоположность существующему эта противоположность иначе не могла определиться, как уничтожением всех известных условий существования. Арийцы, с которыми мы имеем дело в Передней Азии, также пришли к признанию двух противоположных начал, доброго и злого, но также не успокоились на безразличном отношении человека к ним. Признавши незаконность существования зла, они отправились от борьбы между добром и злом, признали, что борьба должна кончиться необходимо торжеством добра над злом, и признали за человеком обязанность не оставаться безучастным в этой борьбе, но становиться на сторону доброго начала и воспользоваться плодами его победы.

Такова сущность так называемого Зороастрова учения. Когда сложилось это учение, какую долю участия имел здесь Зороастр, когда жил он, каким чуждым влияниям подверглось это учение в своих подробностях — этого наука по настоящим своим средствам решить не может. Как видно, учение Зороастра было протестом против тех чуждых влияний, которым первоначальная арийская религия подверглась вследствие столкновения арийского племени с другими племенами при известном движении мидян и персов. О степени распространения Зороастрова учения в персидских владениях и даже в собственно Персии судить трудно; любопытно, что Геродот, говоря о религии персов, описывая поклонение их физическим божествам, небу, солнцу, луне, земле, огню, ветрам, указывая на ту особенность, что персы не воздвигают

своим божествам статуй, храмов, алтарей, не упоминает о Зороастре и его учении.

Как бы то ни было, у западной азиатской отрасли арийского племени мы видим стремление выйти из дуализма, встречаем верование, что борьба между добром и злом должна кончиться торжеством первого, исчезновением последнего.

Ариец Индии бежит от чувственного мира, в котором видит зло; ариец Персии не бежит от врага, но хочет бороться с ним: здесь высказалось различие в характере двух отраслей племени, различие их исторической деятельности, причем местные условия и характер народов, с которыми сталкивалось племя, разумеется, играют важную роль.

Мы видели, что случилось с арийским племенем в отдаленной, обширной и богатой Индии: несмотря на усыпление, от этих условий происходившее, характер племени высказался в силе религиозно-философской мысли и в силе религиозного движения. В Западной Азии, вступивши в общество народов, издавна мерявших свои силы в борьбе за самостоятельность и первенство, арийцы в лице персов принимают участие в этой борьбе и побеждают всех, становятся господствующим народом и теряют это господство в борьбе с отраслью своего же племени, получившей высшее воспитание при более благоприятных условиях, с арийцами европейскими, к истории которых и обращаемся.

II. ЗАПАД

1. АРИЙЦЫ ДРЕВНЕГО МИРА

а) Греки

На Востоке, в Азии и Африке, мы встретили три формы исторической жизни народов: мы встречали здесь народы, замкнувшиеся в отдаленных, обширных и богатых странах; потом встречались с народами, жившими на относительно небольших пространствах и находившимися в постоянной борьбе друг с другом, что вело к образованию больших государств и к их распадению; наконец, мы встретились с народом, который жил на морском побережье, на небольшом пространстве, вследствие чего представил нам особенные формы исторической жизни. Наблюдая за арийским племенем в Азии, мы видели его только в двух первых формах, видели его в замкнутой Индии и потом в Передней Азии, в победоносной борьбе с другими племенами; видели его здесь основателем огромного, пестрого по своему составу государства. Но мы не видели еще его в третьей форме, в форме морского народа. В этой форме оно явилось не в Азии, но в Европе под именем греков.

Из сказанного прямо следует, что для уяснения себе результатов греческой жизни нам очень важно сравнить условия исторической жизни греков с условиями исторической жизни финикийцев, народа, наиболее к ним подходящего. С первого раза сходство большое: оба народа живут на морских берегах и знамениты своим мореплаванием, торговлей, выводом колоний. Относительно политических форм оба народа на небольшом пространстве земли представляют несколько самостоятельных городов или республик со всеми волнениями свободы, с борьбой партий.

Но вместе со сходством видим огромную разницу в результатах исторической жизни. Вникая в причины этой разницы, мы останавливаемся на различиях местных, племенных и собственно исторических. Финикийцы занимали узкую полосу по берегу моря, а сзади них происходила страшная борьба между могущественными народами, от напора которых финикийцы не были ничем ограждены и по своим ничтожным военным средствам, разумеется, никогда не могли защитить себя от завоевания. Построение нового Тира на острове всего лучше показывает нам, как важно было финикийцам отдалиться от континентальной Азии; показывает также, что судьба финикийцев была бы другая, если бы они были отделены морем от Азии.

Судьбу финикийцев всего лучше объясняет нам судьба малоазиатских греков, которые находились точно в таком же отношении к Азии, как и финикийцы, и подверглись такой же участи, подпали сначала под власть лидийцев, а потом персов; независимость же европейских греков была ограждена морем, кораблями, деревянными стенами оракула. Итак, чрезвычайно важное значение в истории греков имеет положение их страны, отделение морем от Азии, ограждение им от напора сильных азиатских монархий.

Второе условие, останавливающее наше внимание, есть условие племенное.

Треки принадлежали к арийскому племени; мы видели это племя в Азии в различных условиях и видели, как везде оно выказало свою силу, свое превосходство над другими племенами. В Европе оно получило наиболее благоприятные условия для развития своих сил. Какие же были эти условия?

Обращая внимание на воспитание племени или народа, мы должны различать, воспитывается ли народ сиднем на одном месте, вдали от других народов, в стране обширной и богатой, при жирном питании. В этом случае народ необходимо представит нам вялость, отсутствие энергии, отсутствие широты взгляда, отсутствие высших побуждений, побуждений к подвигу, и далеко в своем развитии не пойдет. Другой народ воспитывается в хорошей школе: нужда заставляет его двигаться из одной страны в другую, что развивает его физические и нравственные силы, расширяет его горизонт, делает его народом смелым, бывалым, заставляет преодолевать препятствия природные и бороться с другими народами, которых он встретит на пути; крепость душевная и телесная, энергия, способность к сильному развитию являются естественными следствиями такого воспитания.

Но приобретенные силы сохраняются и развиваются посредством упражнения, поэтому важно, народ, хорошо воспитанный в школе подвига,

поселяется ли в такой стране и при таких условиях, которые приглашают его успокоиться, прекратить движение, борьбу. В таком случае и народ хорошо воспитанный подвергается с течением времени влиянию покоя, жиреет и не идет далее известных ступеней развития. Следовательно, для народа мало еще получить хорошее воспитание в подвиге, нужно еще, чтобы при окончательном поселении в известной стране народ не успокаивался, не жирел и не засыпал; надобно, чтобы подвиг, борьба продолжались и приобретенные силы получали постоянное упражнение.

Часть арийского племени, известная под именем греков, прежде чем явиться в Европе, южной оконечности Балканского полуострова; должна была совершить далекое странствование, где бы мы ни полагали первоначальное жилище племени и какое бы ни предположили направление движения (по всей вероятности, оно шло по северному берегу Черного моря). Это продолжительное странствование уже должно было развить силы народа; сюда присоединилось еще то, что греки поселились в стране, представляющей чрезвычайно выгодные условия для народного воспитания: страна небольшая, изрезанная морем, с полуостровами и островами, с благоуханным воздухом, богатая только при усиленной деятельности человека. Море, неширокое, усеянное островами, тянуло на подвиг войны и торговли и между тем защищало от напора сильных народов. Но кроме этого были еще другие благоприятные условия для развития греческой жизни.

Мы знаем два слоя греческого народонаселения: слой первичный, пелазгический, и слой позднейший, или эллинский. Отвергать различие, и довольно сильное, между пелазгами и эллинами нет возможности по слишком ясному свидетельству древних греческих писателей, но в то же самое время есть прочное основание считать их обоих принадлежащими к арийскому племени. Если мы предположим, что между ними было такое же различие, какое существует между кельтами, германцами и славянами, то нам понятно будет указание древних писателей на их различие, причем нисколько не нужно будет отвергать племенного единства.

Но кроме этого соединения пелазгов с эллинами после первого движения эллинов мы видим еще другое движение, дорическое. Таким образом, в Греции мы видим тройной слой народонаселения. Этот постепенный наплыв одной части народонаселения на другую, разумеется, служил к возбуждению исторической жизни в стране, а с другой стороны, чрез постоянную подбавку свежих сил выковывалось крепкое народонаселение, тем более что материал был постоянно хороший — одно даровитое, энергическое племя. Начало греческой истории в малом виде представляет нам то же, что после в обширных размерах повторилось в начале новой европейско-христианской истории: как здесь, так и там государства образовались из столкновения и смешения разных народов, но принадлежавших к одному высокодаровитому арийскому племени — кельтов, германцев, славян, литовцев.

Из известий о пелазгах мы легко признаем в них первоначальное арийское племя, которое поклоняется физическим божествам на возвышенностях и в лесах, без храмов и изображений. К этому пелазгическому периоду относится

столкновение греческого народонаселения с финикийцами и подчинение его как материальное, так и духовное по крайней мере в известных местностях приморских, наиболее доступных мореплавательному народу. Но финикийцы не могли долго держаться на греческой почве, где арийское племя постоянно усиливалось материально и нравственно. Началось эллинское движение.

В этом движении мы различаем два направления, которые проходят потом через всю греческую жизнь: одно сухопутное, представляемое подвигами Геркулеса, с которым в тесной связи находится последующее дорическое движение, или так называемое возвращение потомков Геркулеса, гераклидов, а с этим возвращением в непосредственной связи находится основание Спарты, сильнейшей сухопутной республики греческой.

Но как бы ни старались возвеличить значение дорического племени, всякий, однако, невольно видит преимущественное развитие греческой жизни в Афинах, морской республике. Это направление к морю представляется в деятельности Тезея, героя ионического племени. Тезей знаменит морскими подвигами, в которых нельзя не видеть борьбы с финикийцами, очищения от них греческой почвы и первого наступательного движения греков на восток. Как Спарта тесно связана с Геркулесом, так Афины тесно связаны с Тезеем, который является устройтелем Афинского государства.

Но как образовалось это маленькое государство? Оно образовалось из слияния двух местечек: Элевзиса и Афин; первое было пелазгическое, второе — эллинское.

Пелазгический слой афинского народонаселения был так силен, что Геродот прямо называет афинян и вообще ионян пелазгами в противоположность спартанцам, которые были эллины. Афиняне, по словам Геродота, будучи пелазгами по происхождению, позабыли свой язык и стали эллинами. Что один народ, подчиняясь материальной и нравственной силе другого, принимает язык и вообще национальность последнего, в этом нет ничего удивительного: история представляет тому много примеров, но для нас важно узнать, не осталось ли у афинян чего-нибудь пелазгического кроме камней.

Пелазги поклонялись физическим божествам без изображений, храмов и алтарей; финикийцы способствовали развитию этого поклонения; явилось поклонение двум началам — мужескому и женскому, Дионису и матери-земле, Геметере, или Деметере; последним поклонением был знаменит пелазгический Элевзис, тогда как на другой, эллинской половине покровительствующим божеством была воинственная дева Паллас-Афина, от которой и город получил свое название и которая принадлежала к совершенно другому разряду божеств, к эллинскому Олимпу, а с ним Деметера и Дионис не имели ничего общего. Таким образом, в пелазго-эллинских Афинах рядом существовали две различные религии, старая и новая; и мы увидим впоследствии, как эта старая, пелазгическая, элевзинская религия при благоприятных обстоятельствах получит силу.

Но теперь мы должны заняться эллинской религией, которая имела такое могущественное влияние на греческую жизнь во всех ее проявлениях, во всем

том, что оставлено греками нам в наследство. Отличительный характер эллинской религии составляет очеловечение божества, или антропоморфизм. Появление религии с таким характером, разумеется, предполагает сильное развитие человеческой личности, чрезвычайные подвиги человека, посредством которых он поднялся высоко в собственных глазах. Сначала человека поражают физические явления, и он преклоняется пред ними как пред божественными, но потом человек посредством подвига развивает свои физические и нравственные силы, борется с природой, побеждает ее, и эта новая сила поражает воображение, становится божественной.

Подвижник, герой поднимает человека на небо; и как скоро это совершилось, то человек становится исключительно образом божества уже по той легкости, по тому удобству, какие чувствует человек и своих отношениях к человекообразному божеству. Прежние божества физические принимают человеческий образ; между ними начинают господствовать человеческие отношения, вследствие чего боги рождаются с людьми, лучшие из которых, герои, являются смешанного происхождения.

Таким образом, чрезвычайное подвижничество, которым отличаются греки при своем вступлении в историю, естественно вело к сознанию превосходства человека над всем окружающим и вело, следовательно, к антропоморфизму в религии.

Но при этом еще не должно упускать из виду, что у народов арийских было сильно развито поклонение душам умерших, которые становились божествами-покровителями своего потомства, рода. Здесь мы видим высокое понятие о личности человеческой, которая не гибнет, но получает важнейшее значение по смерти, но для того, чтобы это верование повело к антропоморфизму и к тому развитию личности, какое мы замечаем у греков, нужно было сильное подвижничество, ибо и китайцы поклоняются душам умерших, но у них из этого поклонения ничего не вышло.

Как скоро явился антропоморфизм, то сопоставление двух начал, двух отдельных божеств, доброго и злого, естественно должно было исчезнуть, ибо в природе человека оба начала находятся в смешении.

Очеловечив богов своих, грек должен был установить между ними те же отношения, какие господствовали в человеческом обществе. Какие же это были отношения?

Мы видели, что Аристотель противоположил восточную монархию греческому городу, или республике, и объяснял происхождение первой тем, что она составила из семей или родов, управляемых отцовскою или родоначальническою властью монархически, и потому эта форма правления перенеслась на целый народ, составившийся из этих семей или родов. Но как же произошло греческое общество в противоположность восточному?

Разумеется, не из семейств, не из родов или по крайней мере с привнесением к семейному или родовому началу другого, которое оказало могущественное влияние на общественный строй, условило его дальнейшее развитие. Родовой быт требует спокойствия, мирных занятий, и когда это спокойствие нарушено, то является стремление восстановить его учреждением

крепкого, общего правительства по данной форме семейного или родового управления. Это стремление благоприятствует появлению одного сильного человека, который и становится наверху, но неблагоприятно появлению многих сил.

Вообще родовой быт не благоприятствует развитию личности, здесь господствуют спокойствие, обычай отцов, естественные бесспорные отношения старшего к младшему; здесь господствует охранительное начало. Явится человек сильный физически или нравственно — ему тесно в обществе, и волевым усилием он должен выйти из него. Но человек, как животное общественное, не может жить один, и беглец из родового общества стремится к соединению с подобными себе людьми; чрез это соединение образуется новое общество, которое в противоположность родовому или из родов составившемуся назовется дружинным, основанным не на кровной связи, но на товариществе.

Как родовое общество есть охранительное по преимуществу, так дружина требует движения, подвига. Прежде всего она составляется из людей, не терпящих покоя, не способных к мирным занятиям и по природе своей стремящихся добывать с бою средства к жизни. С самого начала между этим новым обществом и старым завязываются уже неприязненные отношения, с самого начала новое общество стремится жить на счет старого; сперва борьба происходит в мелких размерах, пока дружина еще слаба; она разбойничает на сухом пути или на море, нападает в одиночку на слабых, но с течением времени, усилившись, она может предпринять сильное наступательное движение, предпринять завоевание известной страны, известного народа.

Дружина требует вождя. Около знаменитого своими подвигами богатыря, героя, собирается толпа людей, ему подобных, и провозглашает его своим вождем. Но большое различие существует между царем народа, составившегося из управляемых, по выражению Аристотеля, из родов, и между вождем дружины, избранным товарищами в подвигах. Многочисленное и мирное народонаселение избирает правителя и спешит дать ему как можно более власти, чтобы не тревожиться заботами правления, избежать смуты внутренней, от врагов внешних иметь защитника, обладающего всеми средствами к успешной защите.

Дружина храбрецов выбирает вождя не для успокоения, не для возвращения к мирным занятиям, не для отдыха, а для подвига; тут силы напряжены, каждый чувствует в себе силу, каждый сознает свое достоинство; эту силу каждого, это достоинство каждого хорошо сознает и вождь, и потому отношения его к другим членам дружины — отношения старшего товарища. Тацит, описывая народ, двигавшийся, подобно эллинам, с севера на юг и постоянно выделявший из себя дружины, делает верное различие между царями, издавна начальствовавшими в племенных массах, и между вождями дружин: цари имеют свое значение по благородству, вожди — по храбрости (*reges ex nobilitate, duces ex virtute*).

Таковыми вождями по храбрости были и те начальствующие лица между эллинами, которых мы привыкли называть царями.

И после утверждения в Греции они не могли принять того значения, какое имели цари восточные. Во-первых, в Греции на небольшом пространстве, среди немногочисленного народонаселения царей было много, и это одно обстоятельство уже не позволяло им получить того значения, какое имели цари Востока — единовластители обширных стран и многочисленных народов, окруженные необыкновенным блеском, удаленные от взоров большинства подданных, сокрытые и от ближайшего к ним народонаселения в великолепных чертогах, менее доступных, чем храмы божеств. Простота жизни греческих царей приближала их к подданным, приравнивала к ним.

С другой стороны, движения, подвиги не прекратились: Греция была не такая страна-волшебница, которая своими чарами скоро бы истощала нравственные силы человека; напротив, своими природными условиями, умеренностью в плодородии, небольшим пространством и близостью моря не останавливала развития сил поселившихся в ней богатырей, а приглашала их к новой деятельности, к новым подвигам. Отсюда постоянное движение, постоянное выделение из народа богатырей, героев, которые становятся естественными представителями народа, становятся наверху, и цари должны с ними считаться; чтобы не потерять своего значения, цари сами должны быть героями, начальниками геройских предприятий, а для успеха в этих предприятиях они опять нуждались в храброй дружине.

Предприятия эти совершались соединенными силами, многими царями вместе, что уже необходимо приучало их и дружинников их к равенству, тем более что тут личные достоинства, личная храбрость и искусство постоянно на первом плане, дают право на видное, высокое место, на самостоятельность, и личность развивается, человек сознает свое достоинство, зависящее от его личных качеств, а не от каких-либо других отношений.

В подвигах геройского периода образовался и окреп греческий дух, образовались и окрепли греческие общественные отношения; знаменитое слово (эпос) о самом знаменитом из этих подвигов, "Илиада", выразив вполне этот дух и эти отношения и ставши главным воспитательным средством для греческого народа, в свою очередь могущественно содействовала развитию того же духа и тех же отношений; здесь же, в "Илиаде", с отношений между людьми сняты были и отношения между богами и отношения богов к людям.

Таким образом, "Илиада" есть источник греческой истории, но не в обыкновенном смысле слова: она есть источник греческой жизни. Чтобы познакомиться с греческой жизнью в этом источнике, не нужно изучать подробно всю поэму, можно остановиться на первых стихах, в которых излагается завязка дела:

жрец Аполлона просит о возвращении из плена дочери; с этой просьбой он обращается ко всем ахейцам и только преимущественно к атридам. Ахейское войско соглашается вернуть жрецу дочь, но главный предводитель Агамемнон не соглашается и грозит жрецу, но Агамемнон не один; подле него есть другая сила, есть человек, выдавшийся вперед личными достоинствами, богатырь, герой Ахилл. Жрец прибегает под защиту этой силы.

Но подле Агамемнона и Ахилла есть еще третья сила, выработанная дружинной жизнью эллинов: Ахилл созывает круг (агору). Происходит столкновение между Агамемноном и Ахиллом; герой, оскорбленный главным предводителем, отказывается действовать, и от этого бездействия предприятие останавливается, греки терпят неудачи, и дело поправляется только тогда, когда герой снова начинает действовать.

Таким образом, главный смысл эпоса, имевшего такое громадное значение в греческой жизни, вполне ее отражавшего, — главный смысл эпоса есть борьба человека, богатого личными средствами, с человеком, могущественным по своему положению, и победа остается на стороне первого, Ахилл оказывается важнее Агамемнона.

Подвиги, предприятия, совершаемые товариществом героев, а не одним лицом,двигающим народ свой на другие народы, и совершаемые морским путем, — суть главные события начальной греческой истории; они ясно показывают нам, с каким народом мы имеем дело и каково должно быть развитие этого народа. Мы не будем отвергать влияния мелких форм греческой страны как способствующих дробности политической, образованию многих мелких государств, но, допустив это содействие, мы укажем на главную причину политической дробности в первоначальной форме появления эллинов в истории: не один народ с одним главою является на историческую сцену, но несколько дружин со своими вождями; с самого начала видим множество действующих сил, много людей на виду, на первом плане.

Но мы не должны успокаиваться на указании этой главной причины: ни природа страны с дробностью своих форм, ни политическая дробность, зависящая от дружинной формы, развития личности и геройства, или богатырства, не могут помешать политическому единству народа, как бы продолжительна и упорна ни была борьба при установлении этого единства, борьба, от вышеозначенных условий происходящая. Стоит только одной единице усилиться вследствие каких-нибудь условий — и она естественно начинает стремиться к подчинению себе всех других единиц, что и прокладывает путь к единству; препятствием к достижению этого единства может служить то только, что не будет единицы достаточно сильной; что одновременно образуются две или несколько одинаково сильных единиц, которые вступят друг с другом в борьбу; и эта борьба будет продолжаться до падения самостоятельной жизни народа, способствуя этому падению истощением сил его в усобице.

Так, в Греции препятствием к объединению страны служило то, что подле Спарты, стремившейся подчинить себе все другие области, существовала другая сильная республика, Афины. Это были два глаза Греции, по выражению оракула; и действительно, Греция представляется нам не иначе как в этом двойственном образе — Спарты и Афин; борьба их кончилась истощением сил обеих, что и содействовало падению самостоятельной Греции.

Троянская война истощила силы Греции, но скоро они прилили снова с севера, где произошло движение одного народа на другой, поведшее необходимо к образованию дружин, ибо все не хотевшие подчиняться игу

завоевателей, то есть все храбрейшие, лучшие люди, оставляли прежнее место жительства. Это сильное движение, поведшее к окончательному определению греческих отношений, известно под именем дорийского движения. Доряне (копейщики) путем завоевания основали в Пелопонезе сильное государство Спартанское, которое с первых же пор начало стремиться к первенству в Греции. Но в каких же формах основалось это государство?

Этому определению форм предшествовала смута, именно усобица в царском роде. На Востоке подобная усобица не могла повести ни к какой перемене, потому что на Востоке народ составлялся из управляемых, из родов, но в Спарте подле вождей, царей, была дружина, развившая свои силы подвигом завоеваний, первенствующая среди покоренного народонаселения, привыкшая считать вождя только старшим товарищем. Здесь, следовательно, ослабление значения царей вследствие усобицы необходимо ведет к усилению значения дружины, и это выразилось в Спарте тем, что явились постоянно два царя, что, разумеется, сильно ослабляло их значение.

Как во всех государствах, основавшихся при посредстве не одних родов, но дружины, мы видим и в Спарте Совет старшин, стариков буквально, и вече, или общую, черную раду из всего; здесь мы говорим "войско" потому, что государство было основано на завоевании и завоеватели, доряне, считали себя одних вправе управлять страной, не давая покоренному народонаселению никакого участия в управлении, резко отделяясь от него и строго наблюдая, чтобы цари не позволяли себе попыток усиливать свою власть посредством этого покоренного народонаселения.

Благодаря этому строгому наблюдению Спарте и удалось сохранить характер чисто аристократического государства. Военное народонаселение, потомки завоевателей управляли и владели землей; потомки покоренных обрабатывали на них эту землю. Все это устройство приписывается Ликургу. Разумеется, Ликург не придумал сам основных элементов спартанского устройства и не взял их из Крита; эти элементы присущи везде, где является дружина с вождем, старшими и младшими товарищами.

Но из этого не следует, чтобы Ликург не существовал и не имел того значения, с каким является в спартанской истории. Была смута; кроме междоусобия князей, как видно, было сильное неудовольствие на неравное распределение земель; после завоевания уже успело явиться различие между богатыми и бедными в самой дружине завоевателей; благоприятные обстоятельства сосредоточили большие земли в руках одних, неблагоприятные уменьшили земельную собственность других или совсем лишили ее их. При подобных обстоятельствах обыкновенно или усиливается власть царя, если он умеет воспользоваться разделением и представить сосредоточение власти в одних руках как единственное средство для установления порядка, или богатый всякого рода средствами честолюбец станет вождем недовольных и тем проложит себе путь к верховной власти.

Но Греция благодаря сильному развитию своего народа путем подвига представила в своей истории и другой способ выхода из смуты. Здесь на небольших пространствах сосредоточена деятельность энергического

народонаселения, получившего путем подвига сознание о своем человеческом достоинстве, народонаселения, не расплывающегося, не спешащего разъезжаться по отдаленным домам для мирных занятий, но всегда пребывающего налицо с привычкой к общему действию, к товариществу. При таких условиях является возможным требование, чтобы прежние свободные отношения сохранились, но чтобы прекратилась смута уничтожением произвола сильных лиц, подчинением воли каждого закону.

Требование вызывает предложение; является человек, богатый нравственными средствами, которому поручают написать законы. Но эта новая сила, сила законодателя, так велика, что не может быть достигнута одними человеческими средствами, одним человеческим авторитетом, как бы он силен ни был. С законом человек соединяет понятие о чем-то твердом, вечном, божественном. Человек подчиняется обычаю, ибо он ведет свое происхождение из глубины веков и передан людьми, имевшими непосредственно сообщение с богами. Дружина подвижников оставила прежнее отечество, прошла много стран, находилась в разных новых условиях, что более или менее должно было заставить позабыть многое из старого, отвыкнуть от него, — и вот такая дружина находит себе наконец новое удобное жилище, утверждается в нем, но здесь встречается она с новыми условиями, новыми отношениями; нужно создать новый порядок вещей. Человек не создаст, а если создаст, повиноваться ему не будут.

В эти-то времена обыкновенно и являются на сцену жрецы и приобретают важное значение законодателей как провозвестники воли богов. Но жрецы могут приобрести важное значение политических законодателей только при известных условиях, именно когда движение уже остановилось, подвижники разбросались на обширных пространствах, силы их ослабли, когда на виду одна сила, необходимая для сосредоточения всех других сил в обширной стране, — сила царя, и с ней одной жрецы считаются, заключают с ней обыкновенно тесный союз для взаимного охранения выгод. Но когда общество находится в движении, когда налицо много сил и все они соединены в общем деле, тогда жреческая власть не может получить большого развития, ибо всякая сила развивается вследствие незначительности других сил.

Так, в Греции воинственное, геройское движение вначале, потом сильные внутренние движения в небольших областях, городах, причем силы не разбрасывались, но были все налицо в общей деятельности, произвели то, что влияние жрецов не могло усилиться, как на Востоке; притом же свойственное арийскому племени поклонение душам умерших предков, которые становились богами-покровителями потомков своих, сообщало каждому домовладыке жреческий характер при непосредственном отношении к божеству. И относительно общих, высших божеств греки не допускали посредничества жрецов, но требовали заявления божественной воли чрез оракулов; познание же об этих божествах греки получили не из уст жрецов, но из поэтических произведений.

Таким образом, в Греции мы видим отсутствие жреческого влияния, и если предположить, что оно выражалось в оракулах, то и тут мы увидим, что

жречество должно было уклоняться от непосредственного влияния на политические дела, стоять поодаль, дожидаясь, когда к нему обратятся за решением важных вопросов, и загораживая себя пифией, приведенной в непосредственное сообщение с божеством.

Но отсутствие могущественного жреческого влияния не исключало религиозности народа и стремлений его дать своим новым учреждениям божественное освящение, которое должно сообщить им авторитет и прочность; отсюда происходит то явление, что греческие законодатели обращаются к оракулу за освящением своих постановлений.³

Спартанское, или так называемое Ликургово, законодательство действительно получило по крайней мере относительную прочность, которой так завидовали в других государствах Греции. Эта прочность обуславливалась чисто аристократическим устройством: небольшое число потомков завоевателей совершенно выделилось из массы покоренного народонаселения, которое при более или менее тяжких условиях зависимости потеряло всякое участие в управлении страной.

Главной целью выделившихся завоевателей было сохранение своего положения среди покоренного народонаселения, принадлежавшего к тому же сильному народу эллинскому и потому вовсе не охотно сносившего свое подчиненное положение, готового восстать при первом удобном случае. Для завоевателей, следовательно, единственным средством поддержания своего положения было сохранение своего первоначального военного, дружинного устройства во всей его чистоте и строгости.

Спарта представляла военное поселение, казацкую сечь со своими общими столами, с разделением членов по палаткам, по-нашему буквально сотовариществу (ибо "товар" в нашем древнем языке значит "палатка"); женщина была допущена в эту сечь, но употреблены все старания, чтобы приспособить ее к лагерной жизни, отнять у нее как можно более женственности.

Прочность спартанского устройства была, как уже сказано, относительная; в государственной жизни Спарты мы видим перемены, которые изобличают борьбу, именно стремление царей, несмотря на невыгодное условие двойственности, усилить свою власть, против чего аристократия спешила принять свои меры.

Первоначально цари назначали себе пять наместников, или посадников, так называемых эфоров, или надзирателей для суда и полиции; но, как в некоторых древних русских городах посадники, назначавшиеся первоначально князем, потом стали сановниками народными, от веча избираемыми, и стали подле князя в качестве блюстителей народных интересов против него, так и в Спарте эфоры перестали назначаться царями, стали избираться на вече, или в народном

³ Первоначально глава рода есть жрец; жречество происходит, когда божество известного рода, кумир, храм случайным образом получает особенное значение и члены рода, среди которого он находится, получают исключительно жреческое значение. Образование дружины из членов различных родов, разумеется, способствует более всего появлению общих божеств, общего богослужения, причем вождь, естественно, является жертвоприносителем, жрецом; отсюда царь, когда он образуется из вождя, всегда полководец и жрец.

собрании, и получили обязанность надзирать над всем и над всеми, не исключая и царей.

Эфоры имели право требовать у царей отчета в их поведении, ежемесячно брать с них присягу, что они будут управлять согласно с законами, доносить на них собранию стариков, сажать их под арест; двое из эфоров сопровождали войско в походе для надзора за поведением царя и полководцев.

Такими средствами спартанская аристократия охраняла себя и свое устройство от тех волнений и перемен, которые происходили в других греческих государствах, особенно в Афинах. Здесь мы уже на другой почве. Здесь после первого наплыва эллинов и смешения их с пелазгами мы не видим завоевания; дорическое нашествие тем или другим способом было отбито; было сильное движение, сильный прилив пришельцев в Аттику, подавший повод, с одной стороны, к выходу колоний, а с другой — ко внутренним движениям; но эти пришельцы были изгнанники, искавшие убежища в Аттике от ига завоевателей в других странах Греции.

Таким образом, в Аттике изначала мы не видим разных отношений завоевателей к покоренным, видим многочисленное свободное народонаселение, делящееся по месту жительства, по занятиям, по знатности происхождения, по богатству.

Родовая связь еще крепка, но в такой небольшой стране, как Аттика, роды не могли обособиться и сохранить равенство и в этом обособлении и равенстве полагать препятствие дальнейшему общественному движению. Эллинская жизнь уже оставила следы: подле царя были потомки героев, гордые своим происхождением и богатством. Неравенство состояния скоро оказало обычные последствия.

В обществах первоначальных, где государственная связь еще слаба, преобладают частные союзы, и прежде всего, разумеется, родовой; члены рода находят друг у друга подпору, покровительство, обеспечиваются священной обязанностью родовой мести; безродность, бессемейность, лишение рода по каким бы то ни было обстоятельствам, сиротство было величайшим бедствием для древнего человека. Но это бедствие постигло людей и вело к особого рода отношениям.

Человек безродный должен был вступать под защиту чужого рода, примкнуть к нему, но, разумеется, он не мог этого сделать на равных правах с остальными членами рода, и отсюда различные степени зависимости. Чужой человек закладывался за другого сильного человека, за хребтом его (захребетник).

Степени зависимости, как сказано, были разные: человек, имевший семейство, и даже развитое; род, имевший и средства к жизни, нуждался, однако, в покровительстве сильнейшего и входил к нему в известную степень зависимости, которая в древнем русском обществе выражалась словом сосед, которому в греческом обществе соответствуют буквально слова перийок, метойк; с усилением государства последнее стремится повсюду перевести этих соседей и вообще закладчиков из частной зависимости в свою. Самая сильная степень зависимости есть рабство: человек, не имея никаких средств, идет в

рабы к другому, кабалит себя; повсюду средством перевести вольного человека в рабство служит ссуда денег богатым бедному: невозможность заплатить имеет следствием насильственные меры со стороны заимодавца и, наконец, рабство должника.

Это явление в обществах небольших, как в Греции или Риме, в странах, где природа не дает слишком роскошных средств для удовлетворения первых потребностей и где народонаселение вследствие известных причин по привычке к подвигу и по развитию личности, отсюда происходящему, дорого ценит независимость и свободу, — это явление в таких странах ведет к сильной борьбе. С увеличением народонаселения, с образованием неравенства в состояниях, при движении к увеличению своего благосостояния посредством различных предприятий и при слабом обеспечении успеха этих предприятий в новорожденном обществе является много людей, которые лишаются средств к жизни, лишаются возможности исполнять общественные обязанности (война особенно разоряет их, ибо кроме издержек на нее она отрывает человека от занятий, губит его хозяйство); они занимают деньги у богатых и, не имея возможности заплатить долга, видят пред собою истязание и рабство.

Некоторые из них решаются покинуть отечество; действительно, мы видим в Афинах сильное стремление к колонизации, но не все могут решиться на это, и, таким образом, вывод колоний не избавляет государство от внутренних движений, порождаемых указанными отношениями. Царь — естественный посредник в этом случае; его значение, его власть необходимо усиливаются и тем самым возбуждают опасения в людях знатных и богатых, которые стремятся поэтому ограничить царскую власть или совершенно от нее освободиться. Это тем легче им сделать, что свободные отношения к царской власти и важное значение царских приближенных, дружинников, значение самостоятельное, не зависящее от царской воли, суть предания, в которых воспиталось эллинское общество.

Предание говорит, что во время нашествия дорян на Аттику афинский царь Кодр погиб для спасения отечества и афиняне воспользовались этим для уничтожения царского достоинства, провозглашая, что никто не достоин занять место спасителя отечества. Сын Кодра Медон был избран в пожизненные правители, или архонты, и, как видно, по характеру своему не был способен возбуждать опасения в аристократии, тогда как двое других, более энергичных сыновей Кодра, Нелей и Андрокл, с толпою переселенцев отправились за море для основания колоний. Это удаление их показывает, что аристократия одержала верх; впоследствии упоминается о борьбе, когда около 754 года один из потомков Медона, Алкмеон, потерял звание архонта и на его место был возведен брат его, но только уже на 10 лет и с обязанностью отдавать в своем управлении отчет аристократии, или эвпатридам. Впоследствии потомство Кодра потеряло исключительное право на архонтство: верховная власть, поделенная между девятью сановниками, ежегодно избираемыми, сделалась достоянием всех эвпатридов.

В других государствах Греции произошла подобная же перемена, но эта перемена несколько не уничтожила борьбы, которая происходила вследствие

стремлений сильных материальными средствами лиц к верховной власти; некоторые из них и достигают своей цели, являются царями, хотя греки и делали различие между законными царями и этими похитителями власти, называя последних тиранами.

Спартанцы охранили себя от этого явления именно тем, что удержали царей, подвергнув только их власть сильному ограничению. Это ограничение, впрочем, состояло не столько в учреждении строгого надзора за поведением царей посредством эфоров, сколько в сущности самого спартанского устройства, в равном выделении полноправного, равно обеспеченного имуществом правительствующего класса из массы остального народонаселения, бесправного, враждебного, чуждого, тогда как в Афинах отсутствие резкого разделения между потомками завоевателей и потомками завоеванных подле знатных и богатых людей обуславливало существование относительно многочисленного класса людей недостаточных, низко поставленных, стремившихся к улучшению своего положения при сознании одинаковости своих прав с эвпатридами. При этом стремлении они нуждались в вождях, и эти-то вожди пользовались своим значением для достижения верховной власти, или тирании.

Для предотвращения подобных покушений, которые уже увенчались успехом во многих городах Греции, единственным средством было установление прочного порядка посредством закона; в Спарте господствует закон, Спарта сильна и спокойна, а в других городах — тирания; выбор был легок, и афиняне начали требовать закона, законодателя. Но в Афинах задача законодателя была не так легка, как в Спарте: в Спарте было легко выделить небольшую дружину завоевателей, уравнивать их права, уравнивать их материальные средства, восстановить или освятить дружинное устройство, которое по самому существу своему, выдвигая на первый план товарищескую жизнь, отодвигает на задний план семейство и собственность.

Привыкшие к этой жизни доряне легко приняли ее освящение законом, были довольны, а до неудовольствия других законодателю не было дела; для сдержания этого неудовольствия у победителей было оружие в руках, и горе всегдашняя участь побежденных. Другое дело в Афинах, где могущественные интересы сталкивались в народе, части которого не признавали себя победителями и побежденными, где путем естественного развития подле аристократического элемента образовался демократический, с которым надобно было считаться, где с незапамятных пор, со времен Тезея, свободный, равноправный народ был разделен на эвпатридов, земледельцев и ремесленников, причем "эвпатриды отличались славою, земледельцы — пользою, ремесленники — многочисленностью, и этим устанавливалось между ними равенство" (Плутарх).

В Спарте законодателю нужно было удовлетворить только одной части народонаселения; в Афинах — двум: аристократической и демократической, лучшим и меньшим людям. Попытка установить порядок, прекратить волнения, давши силу существующему порядку, существующему правительству террором, эта попытка не удалась, и виновник этой попытки Дракон перешел в

историю с кровавою памятью, а между тем попытки к тирании оказывались ясно; медлить было нельзя для аристократии, надобно было приступить к соглашению интересов двух сторон, к сделкам, и за дело принялся Солон.

Первым делом его законодательства было удовлетворение меньшим, снятие с них тяжестей, освобождение должников из кабалы; все попавшие в рабство за долги были освобождены, проданные за границу выкуплены на счет казны, и на будущее время заимодавец лишился права обращать неплатящего должника и его семейство в рабство; при платеже долга должник выигрывал 27 процентов вследствие изменения монеты. Спартанское уравнивание земельных участков было невозможно; можно было только постановить, что ни один землевладелец не имеет права распространять свою землю далее положенного предела. чтобы таким образом остановить исчезновение мелких земельных участков и обезземеление меньших людей. Но меньшие люди беднели и должны были вследствие служебных военных обязанностей, нести которые у них не доставало средств. Солон отстранил это неудобство, разделив всех граждан на четыре класса — по средствам, по доходам, и военные обязанности и подати были разложены соответственно этим средствам.

Но, кто имел больше обязанностей, тот должен был иметь и больше прав:

так, достоинство архонтов и места членов в Верховном совете (ареопаге) могли получать только члены первого класса. В большой Правительствующий совет четырехсот избирались граждане только трех первых классов, но Правительствующий совет не мог издавать нового закона, не мог объявлять войну и заключать мир; это принадлежало народному собранию, а в члены высшей судебной инстанции, в так называемые гелиасты, избирали по жребию из всех граждан без различия классов. Гелиастам же принадлежало право поверять, способно ли известное лицо к отправлению правительственной должности.

Таким образом, целью Солонова законодательства было установить равновесие между аристократическим и демократическим элементом, "чтоб ни один не одержал над другим неправильной победы, ибо народ только тогда повинуется вождям, когда он ни слишком разнуздан, ни слишком поработчен".

Распадение афинского народонаселения на две части, противоположные в своих интересах и потому долженствующие бороться, заставило законодателя признаться, что "в важных делах всем угодить трудно". Всем угодить было трудно: легко было угодить одной стороне, и, разумеется, должны были найтись люди, которые принялись за легкое и выгодное дело. Угодить было легче стороне меньших людей, которые были только облегчены и желания которых были возбуждены сопоставлением с людьми, более удовлетворенными, возбуждены уступкою им известной доли государственной деятельности, возбуждены самым переворотом, который мы называем Солоновым законодательством.

Следствием этих возбуждений всегда и везде бывает демократическое движение, стремление к равенству, стремление, которое в Спарте было уничтожено уравниванием всех спартанцев, всех завоевателей и отнятием прав у побежденных. В Спарте вследствие постоянного общения, постоянного

сожития немногочисленных членов правительствующей части народонаселения было равномерное развитие понимания государственных дел и интересов, вследствие чего для каждого возможно было являться в народное собрание с определенным мнением и отвечать прямо согласием или несогласием на известное предложение, что в свою очередь развивало в каждом самостоятельность взгляда и мнения.

В Афинах сравнительно слишком большая масса народонаселения была призвана к участию в государственной деятельности, масса несосредоточенная, разбитая по известным местностям, развлекаемая различными занятиями и потому неразвитая, неприготовленная, нуждавшаяся в разъяснении дела; отсюда необходимость в народных ораторах, внушителях и руководителях. Это обстоятельство, разумеется, содействовало сильно развитию ораторского искусства, выделению из массы даровитых людей, но, с другой стороны, содействовало и появлению демагогов или так называемых тиранов в более или менее утонченной форме. Еще при жизни Солона один из самых знатных людей, Пизистрат, начал стремиться к власти и средством к тому употребил слово, как свидетельствует сам Солон, остерегавший сограждан от льстивых речей говоруна, от темного смысла, скрывавшегося под блестящими словами. Предостережения были напрасны; "тиранство выросло и укрепилось" благодаря постоянному войску, которое завел у себя Пизистрат, и захвату денежных средств, на которые содержалось это войско.

Но то обстоятельство, что Пизистрат не мог принять название царя, что прежнее государственное устройство оставалось ненарушимым, показывало ясно, как трудно было теперь в греческих государствах дать торжество монархическому началу. Мы говорим "трудно" и этим ограничиваемся; слово "невозможно" употребить не решимся, ибо знаем, что тирания в Афинах была сокрушена не внутренними средствами, а помощью, пришедшею извне. Пизистрат успел передать свои средства и с ними свое значение сыновьям; таким образом уже начиналась наследственность.

Один из сыновей его, Гиппарх, погиб вследствие личной вражды, и это обстоятельство дало другому брату, Гиппию, возможность сосредоточить все средства в одних своих руках и вместе дало предлог усилить свою власть преследованием всех подозрительных ему людей. Произошло явление, с которым мы часто встречаемся в истории Греции и в истории других европейских государств:

в обширных государствах Азии людям, преследуемым верховною властью, трудно скрыться от нее, притом здесь нет политических партий и борьбы их, власть одного признается всеми законною, и человек, столкнувшийся с этой властью, гибнет одиноко.

Но в мелких государствах Греции образовались стороны в народонаселении, стороны лучших и меньших людей, или аристократическая и демократическая, и вступили в борьбу. Люди побежденной, притесненной стороны бегут из отечества, иногда составляют значительные толпы и начинают действовать против стороны победившей обыкновенно с чужой помощью;

помощь эту легко добыть точно так же, как легко и убежать, потому что подле другие государства, родственные.

Бегут за чужою помощью обыкновенно лучшие и богатые люди, потому что они имеют средства жить вне отечества, средства действовать в свою пользу, имеют известность, знаменитость, тогда как темному и бедному человеку трудно решиться покинуть отечество и найти гостеприимство и помощь; если он убежит, то примкнет к дружине людей, живущих на чужой счет, разбоем сухопутным или морским.

Люди знатные, спасшиеся от преследований Пшпия, обратились за помощью к Спарте. Спарта приняла их сторону, и не должно непременно полагать, что это делалось из сочувствия спартанской аристократии к афинской, ибо спартанское устройство стояло таким особняком, так разнилось от афинского и других, что трудно сопоставлять спартанскую и афинскую аристократию, даже трудно говорить об аристократии там, где нет демократического элемента, а в Спарте его не было. Дело объясняется проще: Спарта вмешивалась во внутренние дела греческих государств, пользовалась их усобицами для усиления своего влияния, теперь она заступилась за аристократическую партию против тирана, потом она заступится за того же самого тирана, потребует его восстановления.

Гиппий был прогнан из Афин благодаря помощи Спарты и случайности: семейство тирана попало в руки к врагам его, и Гиппий для освобождения семейства принужден был обязаться оставить Афины. После этого надобно было бы ожидать усиления аристократии, но видим наоборот: усиливается демократия посредством нового разделения, при котором знатные и богатые роды должны были утратить свое влияние; посредством свободных выборов в члены Правительствующего совета, без обращения внимания на состояние, причем число членов увеличено до 500; посредством выбора судей по жребию; посредством увеличения числа годовых народных собраний до 10 вместо прежних четырех. И это усиление демократии было результатом деятельности одного лица, Клисфена, опять человека знатного и богатого.

О личных целях Клисфена при этом мы должны остеречься сказать что-нибудь; мы никак не скажем, что ему, если бы он хотел, легко было бы сыграть роль Пизистрата и Гиппия; это было очень трудно именно потому, что тирания только что была уничтожена; аристократия была сильна и в союзе со спартанцами.

Не забудем, что Пизистрат начал с того, что успел убедить город позволить ему завести стражу, постоянное войско около себя, то же самое, что рассказывали о Дейоке Мидийском; и мы не будем отвергать этих рассказов потому только, что в них рассказывается одно и то же относительно двух разных лиц; напротив, мы должны их принять, потому что в них указывается на естественный и необходимый ход дела где бы то ни было.

Завести себе постоянное войско и ограничиться одними льстивыми словами, не приводя обещаний в исполнение, как сделал Пизистрат, было теперь очень трудно, и теперь с Клисфена уже начинается другого рода тирания,

демагогия, причем человек, желающий стоять наверху, должен усиливать демократическое начало, чтобы держаться посредством него.

Клисфену приписывается также установление остракизма, посредством которого человек, становившийся очень видным и потому опасным для свободы сограждан, удалялся на известное число лет из Афин, что, однако, не приносило никакого вреда его чести и имуществу. Разумеется, с первого раза кажется, что это средство было направлено против тирании, но, с другой стороны, человеку, получившему сильное влияние на толпу, успевшему уверить ее, что его бояться нечего, легко наустить народ на людей, ему, собственно, опасных и враждебных, и избавляться от них посредством остракизма, не прибегая к насилию, особенно когда для насилия нет еще силы.

Аристократической партии не понравилось Клисфеново устройство и остракизм, который, разумеется, грозил ее членам; она обратилась опять к Спарте: Клисфен должен был оставить Афины. Но дело было сделано, демократическое начало усилено, что сделалось скоро в маленьком государстве, и когда произошла аристократическая реакция, когда лучшие люди захотели уничтожить новое устройство и стали гнать главных его приверженцев, то произошло сильное движение с противоположной стороны, причем аристократы проигрывали свое дело тем, что опирались на чужих, на спартанцев. Спартанцы были выгнаны, аристократы подверглись преследованию, Клисфен со своими возвратился из изгнания. Но теперь, если бы даже и хотел, он никак не мог сыграть роли Пизистрата и Гиппия: тиранство отыграло свою роль и было возможно только в смягченной форме демагогии, то есть сильное лицо не могло непосредственно распоряжаться, но только посредством народной массы, посредством установленных форм.

Таким образом, афинская демократия была воспитана аристократами, которые вследствие уничтожения царского достоинства не могли сосредоточиться в одно сословие, в котором преобладало бы равенство и общий интерес господствовал над личным. Праздное царское место манило из них тех, которые были сильнее других средствами; для собственного возвышения, которое могло быть достигнуто только с помощью враждебного элемента, они выходили из аристократических рядов и служили в виде тиранов и демагогов к возбуждению и развитию демократического элемента.

Но для развития сил известного народа или известного элемента в народонаселении, получившего преобладание, как элемент демократический в Афинах, необходим подвиг, сильная внешняя деятельность, сильная борьба. В этом отношении развитию и укреплению афинской демократии способствовали две такие борьбы:

одна — со спартанцами, другая — с персами, непосредственно следовавшая за первой. Спарта, раздраженная неудачей, не оставила намерения снова утвердить свое влияние в Афинах посредством поднятия аристократической партии, но у Спарты не было достаточно сил для успешной борьбы. В Греции, поделенной на множество мелких государств, одному из них, как бы оно относительно сильно ни было, трудно было непосредственно подчинять себе, покорять другие, даже и ближайшие; здесь

делалось так, что слабейшие волей-неволей втягивались в союз, в котором сильнейшее государство получало первое место, предводительство.

Это предводительство не было господством, и союзники иногда позволяли себе действовать самостоятельно относительно главного члена союза; так, во время нападения спартанцев на Афины с целью восстановить здесь аристократическую партию союзники их, коринфяне, ушли и тем помешали успеху, который и перешел на сторону афинян, то есть тамошней демократической стороны. Видя силу последней и слабость стороны аристократической, помощь которой оказывалась бесполезной, спартанцы попытались подойти с другой стороны, призвали к себе Гиппия и хотели с его помощью войти в Афины, но союзники Спарты и тут отказались следовать за нею для восстановления тирана.

Борьба между Спартой и Афинами должна была на время остановиться, и этим перемирием обе республики воспользовались, чтобы усилиться: Спарта бросилась на Аргос; Афины, как держава морская, устремили свое внимание на море и далее на восток, тут они вмешались в борьбу малоазиатских греческих колоний с персами и этим накликali бурю на себя и на всю Грецию.

Здесь мы впервые встречаемся со знаменитою борьбою между Европою и Азией, — борьбою, которая продолжается тысячелетия с переменным счастьем, смотря по тому, на какой стороне оказывается более нравственных сил. Мы уже видели, что в Греции борьба с Востоком была необходима по самому положению ее; в глубокой древности эта борьба происходила между народами, принадлежавшими к двум различным племенам: семитами — финикийцами и арийцами — греками.

Последним удалось сбить со своих берегов финикийцев. Потом вследствие приплыва новых сил к эллинам, вследствие усиленного движения народной жизни среди них они выходят из своих границ и перебрасывают свои колонии в Азию, но последняя не снесла этого наступательного движения со стороны Европы.

Греческие малоазиатские колонии, разделенные морем от метрополии, растянутые по берегу, подобно Финикии, не могли защититься от сильных напоров могущественных азиатских государств и подпали власти сперва Лидии, а потом Персии. Эллинский дух, эллинская энергия могли выразиться только в том, что малоазиатские греки не могли спокойно сносить ига и восставали, причем получали помощь от европейских собратий. Персидские цари не могли не обратить внимания на это обстоятельство: пока за морем существовала свободная Греция, до тех пор малоазиатские берега не могли быть в спокойном владении у персов, и царь отправил большое войско в Грецию против афинян.

Но здесь были другие условия. Конечно, для объяснения неудачи персов мы должны обратить внимание на состав их громадных ополчений: собственные персы могли сдерживать натиск своих соплеменников-греков и меряться с ними силами, хотя и не в равной степени, но персов было немного, остальные же части ополчения великого царя представляли стадо людей, согнанное из разных частей громадного царства, не могшее выдерживать

натиска греков, развитых в высшей степени физически и нравственно, противопоставлявших качество количеству.

Но, кроме того, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что Греция была за морем, а персы не были морским народом, море для них было чуждою, неприятною и страшною стихиею; завезенные в неведомую страну, отрезанные от отечества страшным морем, они находились не в своей сфере и, естественно, теряли дух, ибо вспомним суеверный страх древних перед морем, границею, которую безбожно было для человека переступить. Мы теперь говорим, что моря соединяют народы, горы и степи разделяют их; мы имеем право говорить это, но с ограничением.

Когда известный народ вынужден преодолеть свое отвращение к морю, тогда, разумеется, оно становится посредником между народами, соединителем их; если же необходимости нет, то народ, живущий на морских берегах, не займется мореплаванием, будет питать отвращение к морю и море разделяет народы точно так же, как и степи разделяют их. При одном и том же царе персы напали на Европу: в Скифии остановили их степи, от Греции отбило море.

Марафонская победа, несмотря на все ее значение как первой победы европейского качества над азиатским количеством, несмотря на все одушевление, какое она внесла в победоносный город, не спасла Афин и Греции в сознании лучших ее людей, ибо надобно было ждать, что великий царь не замедлит наводнить маленькую страну своими полчищами, причем никакая храбрость и никакое искусство не помогут, как и доказали Термопилы. Великий человек указывает афинянам на море, требует усиления флота; оракул указывает на деревянные стены, которые должны спасти Афины, и Фемистокл толкует, что эти деревянные стены означают корабли. Море начало свое дело, начало крушениями персидских кораблей уравнивать силы врагов, по словам Геродота; афиняне покинули свой город, перебрались на корабли, и Саламин оправдал их надежды на деревянные стены; великий царь оставил злую страну, покинув свое войско на жертву расслабляющему чувству тяжести своего положения в далекой, потому что заморской стране, среди народа, страшного своим качеством, и качество во второй раз восторжествовало над количеством, лишенным нравственных сил, искусства, лишившимся и вождя в начале битвы.

Афиняне, жители города, дважды истребленного врагом, делаются главным народом Греции благодаря морю, которое дало им такое важное значение, помогло так скоро восстановить и увеличить свои силы. Подобно Спарте, Афины по условиям, господствовавшим в Греции, пролагают путь к своему могуществу посредством союза, во главе которого становятся, материальными силами которого пользуются для своего блестящего развития. Но Спарта тут в челе своего пелопонезского союза; столкновение между ними было неизбежно. Борьбу между Афинами и Спартою можно разделить на две половины: до Персидских войн и после них, или так называемую Пелопонезскую войну.

В первую половину спартанцы чувствовали свою силу и цари их отважно вводили войско в Аттику, тем более что в Афинах были преданные им люди, но после Персидских войн обстоятельства переменились: Афины стали сильнее, и в Спарте медлят начатием войны; Спарту торопят союзники, которым страшно

могущество Афин, стремление их к преобладанию и захвату; коринфяне играют тут главную роль: по своему положению между Пелопонезом и Аттикою, между двумя самыми сильными республиками, они хотят поддержать свою самостоятельность и благосостояние, не допуская до преобладания ни Афин, ни Спарты. Мы видим, что в первую половину борьбы коринфяне не допускают спартанцев до торжества над Афинами; теперь же, когда могущество Афин стало страшно, те же коринфяне побуждают спартанцев вооружиться против Афин.

После долгой борьбы Спарта восторжествовала; оракул воспретил победителям воспользоваться своею победою, разрушить падший город. "Не должно выкалывать у Греции одного из двух глаз", — говорил оракул. Но у Греции были повреждены оба глаза; и победители и побежденные были одинаково истощены страшною борьбою, и это истощение их вело Грецию к падению. Бессилие победительницы — Спарты высказалось в ее неудачной борьбе с Фивами, которые сами обязаны своим возвышением только личным достоинствам Пелопида и Эпаминонда, после которых они возвращаются к прежней незначительности. Мы видели, что после Троянской войны истощение в Греции было восполнено приливом эллинского воинственного народонаселения с севера, движение возобновилось и усилилось дорическим нашествием.

И теперь после истощения Греции от Пелопонезской и других междоусобных войн происходит движение с севера — македонское движение, которое, по-видимому, дало новое значение греческой жизни, собравши ее силы для наступительного движения на Восток, имевшего следствием разрушение Персидской монархии и господство европейских ариев в Азии и Африке. Но это македонское движение было не чисто греческое и происходило в таких формах, от которых давно отчуждилась Греция; оно происходило вследствие только личных стремлений двух варварских царей, усыновленных греческой цивилизацией; наконец после кратковременного македонского влияния Греция явилась с прежней слабостью.

Мы в другом месте взглянем на подвиг Александра Македонского и его следствия, а теперь обратимся к движению греческой мысли и влиянию его на общество.

Мы видели, что греческое общество основалось на других началах, чем общество восточное; в основу общества восточного легло начало семейное или родовое, в основу общества греческого — начало дружинное, товарищество.

В огромных монархиях Востока целое слишком сильно давило на части, вследствие чего личность не могла развиваться; целое, единство преобладало, и превозмогал один человек, представитель этого целого, этого единства; государство — это был он, один человек; все другие были части целого, живою собственностью одного, рабами, частью и даже не только частью, но и полною принадлежностью.

имевшей одно с ним существование, по приведенному выше выражению Аристотеля.

Но в мелких государствах Греции, основанных богатырскими дружинами, этого давления целого на части быть не могло; вместо впечатления единой силы, поднимавшейся над всеми и пред которою все равно исчезали в своем ничтожестве, являлось впечатление равенства многих сил вследствие равенства многих вождей, собиравшихся для общего предприятия; подле вождей — толпа храбрых товарищей, которыми силен и славен вождь, с которыми он должен считаться. Идет движение непрерывное, подвиг совершается постоянно, в ограниченной местности, на виду у всех; человек личными достоинствами может подняться высоко, герои включаются в число богов. Кроме борьбы настоящей человек может выказать свои достоинства на играх, куда собирается народ из целой Греции, победитель превозносится похвалами, получает важное значение.

победы на играх прокладывают дорогу к победам на другом поприще.

Наконец цари исчезают, аристократия уступает демократии, и это дает новое побуждение к развитию личности указанием каждому сильному личными средствами человеку высшей цели. достижения первого места в государстве с каким бы то ни было значением и именем или и без имени. Искусство, служа выражением народной жизни, является для того, чтобы дать новую силу началам, уже обнаружившимся в жизни. Мы говорим о значении "Илиады" для греческой жизни — поэмы, на которой воспитывались греки и содержанием которой служило описание бедствий, происшедших от бездействия оскорбленного героя, не хотевшего признать право сильного. Впоследствии драматические произведения, к которым были так страстны греки, воспитывали в них то же чувство личной независимости.

Эсхил выставил это чувство в Прометее, который не хотел преклониться пред Юпитером; Софокл пошел еще дальше: он оставил сферу богов, титанов и героев и выставил чувство независимости, непреклонность пред силою в слабой девушке, которая, невзирая ни на какие запрещения, исполняет то, что считает своим долгом. "Илиада", "Прометей" и "Антигона" представляют самые сильные проявления греческого духа в мире искусства. Наконец, Персидские войны, эта знаменитая борьба развитой личности, борьба качества с подавляющим количеством опять могущественно содействовала развитию личности, особенно у тех из греков, которые купили торжество с наибольшими пожертвованиями, которые два раза видели истребление своего города и потому могли так прометеевски отвечать персидскому вождю на его предложение отдельного мира.

Таким образом, в Греции, и преимущественно в Афинах, все соединилось для того, чтобы дать личности самое сильное развитие. Но известное начало, пользуясь благоприятными условиями, стремится развиться до крайности, так и в Греции мы видим крайнее развитие личности. Зло было понятно, и греческая мысль выставила противодействие, но безуспешно: откуда же проистекла эта безуспешность?

Личность при благоприятных условиях в обществе для своего развития сдерживается в своих крайних стремлениях нравственным началом, которое тогда только сильно, когда находится в связи с началом религиозным. Но

греческая религия не могла дать нравственно крепкого основания. Грек благодаря развитию своей жизни освободился от азиатского представления о божестве как о гнетущей силе природы, которая действует деспотически, пред которой человек ничто, в угоду которой женщина считает обязанностью жертвовать своим стыдом, а мужчина — полом. Греческий антропоморфизм вносит на Олимп человеческие отношения, сдружает человека с божеством, приравнивает их друг к другу; человек благодаря героизму поднимается до божества, но зато божество понижается; грек живет со своими божествами слишком по-товарищески, запанибрата.

Греческие божества — изящные люди, но не безгрешные, не внушающие уважения своею высокою нравственностью и не требующие в этом отношении подражания себе; у греческих богов дети на земле, следовательно, у них здесь свои личные интересы, борьба за эти интересы, а подобные отношения, разумеется, уничтожают божественное, независимое положение. Восточные боги, как восточные деспоты, жили в отдалении от простых смертных, окруженные обаянием таинственности; даже египетское божество-животное сохраняло это обаяние, ибо человек не мог проникнуть во внутренний мир таинственного существа. Грек нарушил обаяние таинственности, вывел наружу все олимпийские проказы. Унижение божества чрез придание ему человечности не в высших, нравственных, духовных проявлениях естественно вело к отрицанию такого божества, давало выход разлагающей силе мысли, а греки принадлежали к тому племени, которое и в отдаленной Азии, в замкнутой и богатой Индии, дававшей дух громадностью и роскошью природных форм, умело обнаружить деятельность мысли, не ограничиваясь переданными религиозными воззрениями.

Тем более эта деятельность должна была обнаружиться у греков при особых условиях их исторической жизни, и прежде всего при условии движения, перемены политических форм. Греческий религиозный процесс закончился гомеровским временем, но греческая политическая жизнь продолжала развиваться; те земные отношения, по которым образовались отношения олимпийские, изменились, и, естественно, не могло быть сочувствия к тому, что представляло уже прошедшее, отвергнутое, а между тем разлагающая сила мысли получала все большее и большее развитие. Прежде всего греки по своему положению в небольшой приморской стране, находящейся в близком расстоянии от Азии и Африки и волнуемой внутренними движениями и столкновениями народов, должны были выселяться, заводить колонии, знакомиться со многими чуждыми народами.

Это обстоятельство, расширявшее горизонт, сильно действовало на даровитое, живое, пытлиное и впечатлительное племя, представителями которого были поморцы — ионяне, афиняне. Грек на Востоке встречается с богатою цивилизациею, производящею сильное впечатление громадностью и особенно древностью своих памятников; его внимание останавливается на религии; язычник легко подчинялся чуждому верованию, легко поклонялся чуждому богу, потому что убеждение в единстве бога ему не препятствовало. Грек также с уважением относился к религии чуждых народов, но он смотрел на

дело иначе; он сильно развит вследствие движения своей жизни, он привык думать, привык критически относиться к таким явлениям, к каким на Востоке критически не относились, как, например, к политическим формам.

Разнообразие этих форм на малом пространстве Греции дало ее жителям возможность сравнивать и рассуждать о достоинстве или недостоинстве той или другой формы, что, разумеется, сильно развивало мыслительную способность и приготовило то философское настроение, которым отличаются греки: "Эллины премудрости ищут". С этим-то исканием премудрости, с этою-то развитою мыслительною способностью, с привычкою критически относиться к явлению, допросить, как, что и почему, является грек на Востоке. Путешествующий грек-мыслитель, мудрец, представляет нам в высшей степени любопытное явление.

Привычка видеть разнообразие форм народной жизни у себя тянет грека с возбужденною мыслию дальше, посмотреть другие народы, познакомиться с другими формами жизни, посравнить, найти сходство и отличие, тогда как для восточного человека однообразие политических форм необходимо уничтожало подобное стремление. С исканием премудрости грек отнесся и к религиям Востока, начал сравнивать, находить общие черты со своими, греческими верованиями, искать одного общего источника; здесь, как обыкновенно бывает, мысль останавливается прежде всего на заимствовании; при виде двух одинаковых явлений у разных народов первое, легчайшее объяснение состоит в том, что один народ заимствовал известное верование, обычай у другого; возвыситься до предположения общих законов, производящих одинаковые явления всегда и повсюду, человек сначала не может.

Таким образом, грек при объяснении одинаковых религиозных воззрений, одинаковых мифов у разных народов остановился на заимствовании одним народом у другого. Младший по происхождению и по цивилизации народ должен был заимствовать у старшего, греки должны были заимствовать у восточных народов, у последних надобно доискаться источника.

Уже одно убеждение, что верования, в которых воспитался человек, заимствованы, чужие, ослабляет эти верования, делая их предметом исследования, заставляя следить, как с течением времени они изменялись, как древнейшим, заимствованным присоздавались новые. Мысль берет верх, чувство ослабляется. А тут еще новый удар. Пытливость влечет в страну чудесных памятников древнейшей цивилизации, в Египет, а здесь жрецы внушают, что все заимствовано от них, но чему верует народ, это только символы, что суть всего дела известна им одним, жрецам, что, пожалуй, они скажут на ухо умному человеку, который уже и без того подозрительно посматривает на разные религиозные обычаи и обряды, но объявлять об этих вещах всем бесполезно и опасно, народ должно держать в неведении, оставляя мудрость для посвященных.

Геродот представляет нам образец грека, который благодаря знакомству с чужими религиями и внушениями египетских жрецов относится скептически к народным верованиям греков, древнейшие верования пелазгов считает заимствованными из Египта и в эллинском Олимпе видит создание поэтов. Он

объясняет мифы, говорит, что черные голуби додонские были две иностранные женщины, которых чуждый язык мог показаться языком птичьим, ибо как в самом деле могло быть, чтобы голубь издавал членораздельные звуки; и так как говорится, что голубь был черный, то это значит, что женщина была египтянка. Проговариваясь подобным образом в разных случаях, высказывая свое свободное отношение к религиозным преданиям, Геродот простодушно оговаривается, что о таких вещах не следует распространяться: "Если бы я захотел сказать, почему египтяне воздают животным божеские почести, то я бы коснулся религии и вещей божественных, но я особенно избегаю таких разговоров, и если я кое-что сказал, то должен был сделать это по необходимости".

Таким образом, сближение с Востоком и его религиями наносило удар греческой религии, эллинскому антропоморфизму, разлагало его. Но греческая мысль не могла остановиться на этом отрицании, на этом разложении, и вот среди азиатских греков, на которых восточные воззрения прежде всего подействовали и у которых по их страдательному политическому положению было более возможности отрешаться от практической жизни, начинается такая же умственная работа, какую мы уже видели у арийцев в Индии, "работа над объяснением происхождения мира".

Народные религиозные воззрения не стесняют этих мыслителей; они не верят в олимпийцев, знают, что эти народные греческие верования суть искажения первоначальной религии, в большей чистоте сохранившейся на Востоке и состоявшей в поклонении силам природы. Но что такое природа и ее силы? как произошли они? Одни объявили, что все существующее произошло из влаги, что божества, в которые верит народ, суть басни; божество есть душа вселенной, движущая сила вещей, отдельно от них не существующая. Таким образом, мы опять встречаемся с знакомым нам брамаизмом или пантеизмом. По другим, это управляющее, божественное начало мира, противоположное материи, был воздух как дух; по иным — огонь, творческая, всепроникающая и всепоглощающая сила, которая преимущественно проявляется в душе человеческой.

Некоторые указывали на происхождение мира из атомов, простых, неделимых первоначальных тел; все существующее проникается тонкими огненными атомами, которых всего более находится в человеке. По иным, первое движение атомам дано было высшею разумною силою, существующею отдельно от материи; иные принимали четыре основных элемента: огонь, воздух, землю и воду, которые приводятся в движение двумя силами — любовью и ненавистью или борьбою; из соединения и разделения произошло все существующее.

Все эти мнения или учения исходили от мудрецов или философов, которые провозглашали их как произведения свободной мысли лица, не давая им никакого религиозного освящения, противопоставляя их народной религии, прямо вооружаясь против них, провозглашая Гомера и Гезиода искажителями религии, которые в своих поэмах приписали богам то, что считается постыдным между людьми.

Были попытки в Южной Италии, или в так называемой Великой Греции, дать одному из философских учений, именно Пифагорову, религиозное освящение, составить орден из лучших, образованнейших людей, посвященных в тайны учения, которые бы управляли непосвященной и потому презираемую толпою, но эта попытка не увенчалась успехом.

Вообще же все эти философские учения или мнения были следствием сильного развития личности в Греции и, как обыкновенно бывает в истории, в свою очередь содействовали сильнейшему ее развитию. Разрушение народных религиозных верований, произведенное философией, которая на их место не могла поставить ничего прочного, освященного, имевшего всеобщий авторитет, дававшего правило жизни, но породила множество разнородных, спорных мнений о важнейших вопросах жизни, должно было естественно навести многих на мысль, что всеобщих истин нет, нет и общих нравственных правил, сдерживающих каждого человека и определяющих его деятельность. Следовательно, каждый человек составляет отдельный, вполне независимый мир, имеет свой собственный взгляд на все и свои исключительные личные цели, достижение которых есть главная его задача; объективной истины нет; истинно то, что отдельный человек в известное время считает истинным; средства отдельного человека составляют мерило всего; если средства отдельного человека велики в сравнении с средствами других людей, то он имеет полное право стремиться к господству над ними, к тирании.

Таков был необходимый результат, к которому должно было прийти крайнее развитие личности в Греции, и преимущественно в Афинах. Разумеется, подобные мнения, как всякие мнения, должны были распространиться между людьми мыслящими или так называемыми образованными, способными останавливать свое внимание на высших вопросах жизни, должны были распространиться между людьми, посвятившими себя наставлению, обучению других преимущественно в ораторском искусстве, которое так надобилось в Греции, и особенно в Афинах. Такие люди назывались софистами, от которых изложенное учение и получило свое название.

Но разрушительное влияние на общество так называемого софистического учения вызвало противодействие, которое явилось из среды тех же софистов, то есть людей, занимавшихся наставлением других. Сократ, в школе которого обнаружилось это противодействие, являлся для современников таким же софистом, какой выведен был и на сцену Аристофаном, несмотря на все старание его выделиться из среды софистов учением и поведением; например, он не брал денег за свое учение и не странствовал из города в город, подобно другим знаменитым софистам.

Противодействуя господствующему между софистами учению, Сократ должен был вооружиться против доведенного до крайности развития личности, то есть должен был утверждать, что есть общие, непреложные истины, есть нравственные правила, обязательные для всех, правила, без признания и соблюдения которых общество не может существовать. Он полагал различие между "благочестием и безбожием, благородством и неблагородством, справедливостью и несправедливостью, храбростью и трусостью" и т. д.;

рассматривал все это независимо, признавая в каждом человеке врожденную способность дойти до правильного различения всего этого при хорошем руководстве, тогда как в господствующем между софистами учении все это смешивалось, могло переходить одно в другое, смотря по обстоятельствам, и в человеке не признавалась способность различения хорошего от дурного независимо от его непосредственного чувства.

Последователь так называемого учения софистов говорил: "В большинстве вещей природа и закон находятся в противоположном отношении друг к другу; по природе хуже всего претерпеть несправедливость, а по закону хуже всего сделать несправедливость. Претерпеть несправедливость от другого недостойно свободного человека; несправедливость может снести только раб, которому лучше умереть, чем жить, ибо, претерпевая несправедливость и оскорбления, он не в состоянии защитить себя и тех, кого любит. Законы произведение людей, слабых личными средствами, но многочисленнейших. Постановляя законы, они думали только о себе, о своих интересах; чтобы напугать людей, сильных личными средствами, которые могли бы приобрести власть над другими, они говорят, что преимущество есть вещь нехорошая и несправедливая и что человек, стремящийся к могуществу, поступает несправедливо; по своей слабости они стремятся к равенству. Таким образом, по закону несправедливо приобретать власть над другими, но по природе справедливо, чтобы лучший и сильнейший имел более, чем худший и слабейший. Мы берем с детства лучших и сильнейших между нами, образуем их и укрощаем, как лвят, внушаем им, что надобно чтить равенство и что в этом заключается прекрасное и справедливое. Но как скоро явится человек с могущественною природою, разобьет он все эти оковы, потопчет ногами наши писания, наши законы, противные природе, и возвысится над всеми как господин, он, которого мы сделали рабом, — тогда-то воссияет справедливость по закону природы. Для счастья жизни нужно разнуздывать свои страсти, а не сдерживать их и посредством своего мужества и ловкости быть в состоянии удовлетворять им. Большинство людей не в состоянии этого сделать, и поэтому-то они осуждают тех, которые этого достигнуть могут.

Они говорят, что неумеренность есть вещь дурная, сковывают людей, имеющих лучшую природу, и, не будучи в состоянии удовлетворять своим страстям, воспевают умеренность и справедливость. А для тех, которые имели счастье родиться в семействах царских или которые от природы получили способность сделаться вождями, тиранами или царями, "для таких что может быть постыднее и вреднее умеренности? Тогда как они могут беспрепятственно наслаждаться всеми благами жизни, неужели сами свяжут себя законами, суждениями и порицаниями толпы?"

Сократ и его ученики именно хотели овладеть львенком, укротить разнуздавшуюся личность, которая, опираясь на природу, грозила разрушением обществу. Софисты поставили вопрос о противоположности между природою и законом, то есть между стремлениями отдельного лица и стремлениями общества, — вопрос, который вызовет знаменитый ответ, что человек есть животное общественное, что общество условливается природою человека и

потому природа не может находиться в противоположности с законом. Вследствие крайнего развития личности и ее неумеренных требований, высказанных софистами, поставлен был вопрос об отношении личности к обществу, великий вопрос, который находится на первом плане в истории человечества. Вполне удовлетворительного решения его мы не можем ждать на земле при сознании несовершенства всякого дела человеческого, сознании, горечь которого подслащивают указанием на бесконечность развития, хотя и не все могут удовлетвориться этим подслащиванием.

Мы можем только наблюдать, как и где вопрос решался более или менее удовлетворительно. Мы должны признать за греческими мыслителями заслугу постановки вопроса, причем они сейчас же и принялись за его решение, но сколько-нибудь удовлетворительного решения его мы ожидать не вправе, потому что мы присутствуем здесь при борьбе мнений и направлений, причем одно направление, доведенное до крайности, вызывало реакцию. Реакция крайнему развитию личности, вызвавшемуся в учении софистов, высказалась в учении Сократовой школы.

В политическом устройстве, предложенном этою школою, дуга была перегнута в противоположную сторону. Желая противодействовать крайнему развитию личности, перешли должные границы и не признали прав личности, слишком стеснили ее в пользу общества; на человека взглянули как на несовершеннолетнего, неспособного, иметь семейство и собственность и устроили общество, как школу с учителем, философом в челе управления. Понятно, что это устройство, предложенное знаменитым учеником Сократа, должно было остаться в числе утопий, но мысль о подобном устройстве не умирает, а заявляет себя всякий раз, когда ум человеческий, истомленный трудностью задачи определить сколько-нибудь правильно отношения отдельного лица к обществу, прибегает к отчаянным средствам выйти из затруднения.

Человек по природе своей должен жить в обществе, но, вступая в связь с другими людьми, он необходимо должен поступиться частью своей свободы, частью своих прав в пользу других, в пользу общества. Но сколько он должен уступить и сколько оставить за собою для сохранения равновесия между личностью и обществом — в этом весь вопрос. Софисты говорили, что человек не должен ничего уступать обществу, если он родился львом в сравнении с другими, то и должен брать львиную часть, не делясь с другими, слабейшими. Сократ и его ученики, вооружаясь против этого учения, заставили человека уступить слишком много, заставили его идти в кабалу к обществу за обеспеченное содержание.

Эта обеспеченность содержания так привлекательна, что в обществах неразвитых заставляла свободного человека продаваться в рабство, идти в кабалу, в обществах же развитых, где рабство человека другому человеку уже немыслимо, заставляет мечтать о рабстве более благовидном, рабстве обществу. При определении отношений отдельного лица к обществу не должно упускать из виду, что для благосостояния этого общества права личности должны быть строго охранены, чтобы отдельное лицо, ведя общественную жизнь, служа

обществу, сохраняло при этом свою самостоятельность, свой отдельный, независимый мир.

Для этого три средства, три, так сказать, замка или крепости, которые защищают свободу и самостоятельность отдельного лица: это религия, семейство и собственность.

Религия поддерживает в человеке сознание своего нравственного достоинства, не позволяя ему уступать несправедливым требованиям общества, ставя перед ним высший мир, высший суд, к которому он апеллирует, будучи недоволен земною неправдою. Вера в духовное начало, в личное бессмертие дает человеку свободный, самостоятельный, царственный взгляд на общественные отношения, заставляет его требовать только такого определения их, какое согласно с человеческим достоинством, не позволяет рабствовать пред земною силою.

Семейство есть самостоятельное общество в обществе, необходимое для поддержания в человеке его самостоятельности. В это убежище стремится он от порабощения и поглощения, которым грозит ему общество, если он постоянно пребывает в нем; здесь он дышит свободно, чувствуя себя не частью огромного целого, в котором он исчезает, не колесом, не винтом в машине, но существом самостоятельным, центром особого мира, здесь он сам, по русскому народному выражению.

В обществах неразвитых семейство имеет уже слишком большое значение; здесь оно слишком обширно, развиваясь в род, который заслоняет для человека общество, суживает развитие его сил. Общество, развиваясь, теснит род, обрывает его, переводит обязанности человека к роду на обязанности к себе.

Все это очень хорошо, но есть предел развитию общества в этом отношении; горе ему, если оно захочет перейти законную грань и нарушить святыню семейства.

Что касается отдельной собственности, то она неразрывно связана с семейством и вместе с ним поддерживает самостоятельность человека, давая ему сильное побуждение к деятельности в возможности располагать результатами этой деятельности.

Семейство и собственность будут всегда отличием совершеннолетнего человека, и стремление отнять семейство и собственность будет всегда противно человеку, как стремление низвести его из совершеннолетия в положение недоросля, школьника.

Сократова школа в своем политическом учении перешла законную грань:

стремясь сдержать безграничное развитие личности, в пылу спора с поборниками этого развития она не заметила, как вместо сдержки провозгласила порабощение личности. В республике Платона нет ни семейства, ни собственности, но Платон имеет дело с одними воинами и тем дает знать, что при построении своей республики он имел в виду военное братство, лагерь или казацкий кош, называвшийся Спартою. Философ предполагал и уравнение полов, указывая на собак, у которых и самцы и самки одинаково пригодны на охоте и для охранения стада. Философ забыл, что

человек не собака, что он подчиняется закону развития, по которому различие полов необходимо предполагает разделение занятий.

В истории Греции, и преимущественно Афин, Сократова школа имеет то значение, что в ней высказалась реакция национальному направлению, которое состояло именно в развитии личности. В этом отношении греческая жизнь представляла противоположность жизни восточной: на Востоке человек не сознал своей личности относительно божества и при всех усилиях мысли решить вопросы о происхождении сущего, о происхождении добра и зла кончил тем, что отрекся от личного существования как ложного и поставил целью жизни — прекращение его, слияние частицы с целым.

Это восточное представление о человеке как о части целого, о собственности, о рабе (мы видели связь этих представлений у Аристотеля), господствовавшее в религии, господствовало и в мире политическом: и здесь человек является частью целого, собственностью, рабом, а это целое, государство, было олицетворено, воплощено в одном человеке; то стремление, которое высказалось в знаменитых словах "государство — это я", было на Востоке осуществлено. Панархизм соответствует пантеизму — и оба убивают личность; поэтому Гоббес, проводивший всюду панархический взгляд, совершенно последовательно говорил, что государь не есть глава государственного тела, а душа его; точно так и в пантеизме божество есть душа вселенной, своего, на Востоке — от старческой дряхлости: отжившая Греция и мертворожденные государства, образовавшиеся из распада Александрической монархии, были легкой добычей римских легионов, и, таким образом, одно из арийских племен, поселившееся в Европе, в Италии заканчивает историю древнего мира образованием всемирного государства.

б) Рим

Относительно внешней истории Рима можно и ограничиться этим кратким очерком, но внутренняя его история представляет любопытные стороны, на которых должно остановиться. С малолетства привыкли мы представлять себе Рим двойственным городом, в котором жили две постоянно враждовавшие между собой части народонаселения — патриции и плебеи. Но откуда же эта двойственность и эта борьба? Мы не считаем себя вправе усваивать легкие приемы позднейшей исторической критики относительно древней римской истории: после разрушительной оргии, начавшейся с легкой руки Нибура, уставши рубить направо и налево, растерявшись в мелочах, превративши все в хаос разноречивых мнений и толкований, некоторые историки приняли легкий способ разделаться с этой путаницей и зачеркнули древнейшую историю как баснословную. Мы не осмелимся отнять смысл и историческую основу у представлений великого народа о своем прошлом, несмотря на разноречия и вымыслы, от которых, впрочем, не свободны бывают и известия о событиях вчерашнего дня; мы дерзнем обратиться к известиям о римских царях, даже к известиям о Ромуле!

Известия о древнейшем периоде римской истории, о царском периоде, драгоценны для нас потому, что нигде нагляднее не представляется борьба между началом родовым и дружинным. Как в Греции в преддверии ее истории мы видим сильное движение народов с севера на юг, движение, всегда благоприятствующее выходу из родового общества людей, наиболее способных к движению, подвигу и образованию из них дружин, так и в Италии в преддверии римской истории мы видим такое же сильное движение с его последствием образованием дружин. По обычаю так называемой священной весны (*Ver sacrum*), часть молодых людей высылалась за границы известного владения и должна была сама отыскать новое отечество и овладеть им. Эти изгнанники, долженствовавшие необходимо образовать из себя завоевательную дружину, были посвящены подземным богам, преимущественно Марсу.

Предание указывает в Италии народ бруттиев, составившийся из сбродной дружины, из беглецов всякого рода, и герой, давший свое имя этому народу, был Брут, сын Марса; указывается еще другой подобный же народ, мамертинцы, также ведший свое происхождение и имя от Мамерса, или Марса.

Но понятно, в какой противоположности и враждебности должны были находиться эти сбродные дружины к родовому обществу. Члены рода кроме кровной связи были соединены общим служением одним и тем же домашним богам, то есть душам предков. Где предки-боги преданы земле, там устраивается неподвижный очаг, огнище, жертвенник для этих божеств; около этого жертвенника живет семья, развивающаяся в род, все члены которого находятся под покровительством родных своих богов, душ умерших предков, сожительствующих с ними, но за это покровительство домашние боги требуют от своих потомков постоянного покорма, поминок. Человек, удалившийся из рода, тем самым лишался покровительства родовых богов, являлся не только сирым, беспомощным относительно людей, но и относительно богов, человеком без предков, оторванным от всех самых священных связей, он был чужой для всех.

Понятно, что такое беспомощное положение заставляло человека искать помощи в самом себе, развивало его силы, заставляло его искать связи с людьми себе подобными и устраивать общество на других началах; но понятно также, с каким презрением и отвращением должны были смотреть на такого безродного и вместе безбожного человека отцы (*patres*) и отецкие дети (*patricii*). Они могли принять еще такого человека, приобщить к семейству, то есть допустить до семейного богослужения, если он соглашался принять подчиненное положение или раба, или работника, клиента, но никак не могли спокойно допустить, чтоб такой чужой, безродный и безбожный человек помышлял о равенстве с ними, отецкими детьми.

Первоначальная история Рима указывает нам живущими вместе, в одном только что основанном городе, эти два рода людей, столь противоположных друг другу; с одной стороны, указывает общество, основанное на строгих родовых началах, общество патрицианское, с другой, подле него — толпу людей пришлых, безродных, всякий сброд, *plebs*. И эти два рода людей не

вступают в явную борьбу между собой; связью между ними служит одна общая власть, царь.

Первый царь — Ромул, которому приписывается основание города. В каком же отношении находится он к обоим началам: родовому, патрицианскому, и дружинному, плебейскому? Предания выставляют его явно враждебным первому, явно доброжелательным второму. Прежде всего кто он, этот Ромул с братом своим Ремом? Они безродные, не могут указать отца, не отецкие дети; они дети преступления, дети весталки, нарушившей обет девства, и хотя предание дает им в отцы Марса, но мы уже знаем, что это значит, и в глазах патрициев они остаются рожденными от блуда.

Таким образом, в Ромуле мы имеем дело с представителем дружинного начала, с вождем дружины. Он в своем городе открывает убежище для всех безродных и бездомных, для всех добровольных изгнанников, убежище, которое в глазах патрициев является не иначе как поганым (*infame asylum*). Разумеется, отецкие дети не могут выдавать своих дочерей за такую голытьбу, за таких безродных и безбожных людей, и плебеи похищают себе женщин, отчего у них происходит борьба, а потом сделка с сабинцами, отличавшимися строгим родовым бытом.

Но борьба не прекратилась: "Ромул был приятнее толпе, чем отцам, и более всего был приятен воинам". Отцы убили неприятного им покровителя толпы и вождя дружины. Отцы возводят в царя своего — Нуму Помпилия, "мужа благочестивого и боголюбивейшего", первым делом которого было уничтожение целеров, избранной дружины Ромула. Но борьба между родовым и дружинным началом только что начинается, и смена царей соответствует торжеству того или другого: после Нумы видим Тулла Юстилия — потомка товарища Ромулова; после Тулла Юстилия видим Анка Марция, внука Нумы. Но Анк принужден принять дружину, вождем которой был этрусский изгнанник Тарквиний (Приск). Тарквиний становится начальником, трибуном целеров и по смерти Анка становится царем, тогда как сыновья Анка принуждены бежать. Тарквиний убит, но царем является трибун целеров, Сервий Туллий.

Происхождение этого знаменитого царя так же таинственно, как и происхождение Ромула; одна сторона приписывает ему божественное происхождение, другая — незаконное: он сын рабы, плод любодеяния, но сохранилось предание, что он был товарищ целера Вибенны, трибуна целеров при Ромуле, принужденного удалиться из Рима. Сервий Туллий с остатками целеровой дружины пришел снова из Этрурии в Рим; Сервий Туллий гибнет от внука Тарквиния. Этот внук, Тарквиний Второй, или Гордый, становится царем, при нем дружина, и при дружине необходим трибун целеров, Юний Брут, который уже ссорится с царевичами за наследство престола, но дело оканчивается тем, что Брут почему-то отказывается от этого наследства и соединяется с патрициями для изгнания Тарквиния и для уничтожения царского достоинства.

Каковы бы ни были побуждения, заставившие трибуна целеров и родственника Тарквиниев, Юния Брута, войти в сделку с патрициями и вместо царского достоинства удовольствоваться временным преторством или

консульством, сознание ли невозможности бороться с Тарквинием, не соединивши тесно своих интересов с интересами патрициев, только благодаря этому соединению интересов царский период римской истории прекращается, Рим является республикой аристократической, потому что у патрициев все права, почести и выгоды, а плебеи лишались в царе человека, который, опираясь на них в борьбе с отцами и отецкими детьми, естественно, старался дать им значение и силу. Такое поведение царей относительно плебеев необходимо развивало в последних сознание своего гражданского значения, заставляло тем более оскорбляться неравенством своего положения с патрициями и стремиться к уравниванию.

Эти стремления и борьба за права с целью уравнивания прав представляют явление западное, европейское, которое в древнем мире особенно выпукло выказывается в римской истории, что и дает ей важное значение. На Востоке — или касты, которые вечно остаются в разрозненности, низшие вечно довольствуются своими правами или терпеливо сносят отсутствие всяких прав, здесь религия, имевшая преобладающее влияние при определении общественных отношений, дала им характер неподвижности; или, там, где не образовались касты, все народонаселение было уравнено общим бесправием перед одним человеком, который по произволу мог возвышать и понижать, рабу, даже иностранцу давать первенствующее значение и потом в минуту гнева казнить, терзать его как последнего раба.

Только в поморских государствах Азии и Африки (Финикии и Карфагене), и особенно на европейской почве, в Греции и в Риме личное движение человека, а следовательно, и движение общественное так сильны, что ни жрец во имя божества, ни властитель светский не могут остановить их, отчего происходят столкновения прав, борьбы, стремления к уравниванию и усиленная жизнь общественная.

В Риме мы видим людей полноправных и бесправных, одних подле других, причем последние не рабы, потерявшие сознание о праве и человеческом достоинстве, а свободные, развившие свои силы движением, подвигом. Полноправные для сохранения своего положения хотят стать на религиозной почве как члены освященных родов; почва действительно твердая, преимущество громадное, но нет твердыни, которая бы устояла против постоянного приboя волн европейской жизни. Подле сбродная толпа пришельцев, безродных, а потому безбожных; они стучатся в святилище; не пустят волею, не пойдут на сделку — войдут и силою.

Древнейшие предания Рима указывают нам прямо на сделки, обличающие практический смысл народа и в свою очередь развивающие практический смысл. Сам царь по его отношениям к патрициям и плебеем был результатом сделки. Патриции — естественные охранители существующего порядка, враги движения, друзья покоя, мира, но царь хочет силы, которая дается военными подвигами, завоеваниями; для этого он нуждается в дружине, войске, плебеех; ему легко относиться к ним: это люди бесправные, несамостоятельные, они смотрят только из рук царя, своего покровителя; плебеи для царя — свои люди.

Царю важно дать большое значение плебеям, прорвать ими сплоченные ряды патрициев, ввести их в совет стариков, отцов, в сенат.

В древнейших преданиях интересы войска прямо противопологаются интересам отцов, сената. Всегда и везде при общественных движениях, при борьбе полноправных граждан с неполноправными последние стремятся к уравнению с первыми посредством подвига (причины и следствия развития личности), посредством собственности (опять часто причины и следствия развития личности), наконец, посредством могущественных по своим личным средствам и по своему общественному положению людей, которым выгодно или изменять существующий порядок поднятием новых общественных элементов, или по крайней мере выгодно этим поднятием уравновешивать, ослаблять значение людей, издавна пользующихся известными правами.

На Востоке при одной бесправности, при рабстве всех перед одним этот один не имеет побуждений производить общественные движения. перемены: существующий порядок вполне его удовлетворяет. и ему нужно одно упрочить, освятить его религиозным освящением, причем необходима сделка со жрецами, уступка им известной доли власти, влияния, выгод. На Западе перед человеком, поставленным наверху, несколько различных элементов, неровных, находящихся в столкновении друг с другом и находящихся в различных отношениях к нему; отсюда и невозможность безразличия отношений его к ним, он необходимо принимает участие в общественном движении.

Важнейший вопрос в жизни государства, на какой бы степени развития оно ни находилось, — вопрос, который поднимает так много других важных вопросов и способствует тому или другому решению их, есть вопрос о внешней безопасности.

Первой обязанностью гражданина есть обязанность защищать свою землю. свое государство от неприятельского нападения. Но все ли равно должны нести эту обязанность? Решение этого вопроса зависит от государственного устройства и, как обыкновенно бывает. в свою очередь могущественно действует на формы этого устройства, на их изменение.

В первоначальном обществе, состоявшем из свободных и рабов, поднимался первый вопрос: можно ли допустить раба к защите земли, раба, у которого нет прав. который не имеет никаких побуждений охранять тяжкий для него порядок вещей, который ничего не потеряет от перемены господ. которому опасно, наконец, дать оружие в руки? Отсюда исключение раба от обязанности военной службы, которая, таким образом, делается уже правом свободного; раб вооружается только в крайнем случае, и тут необходимое условие этого вооружения — свобода. Но вопрос об обязанности или праве военной службы тесно соединен с финансовым вопросом: война требует издержек. Положим, что в случае успешной войны ратник кормится на счет неприятелей и получает добычу, но все же он должен выходить в известном вооружении, иметь коня.

Таким образом, право военной службы необходимо соединяется с правом иметь средства для нее, иметь более или менее значительную собственность.

Мы уже сказали, что уравнение неполноправных граждан с полноправными происходит посредством собственности, то есть человек

богатый, но худородный и потому неполноправный стремится в ряды родовитых, знатных и полноправных. Это стремление достигает своей цели именно потому, что человек худородный, но богатый равняется, а иногда и превосходит родовитого человека своими средствами нести военные тягости, защищать землю.

Так, во имя этой-то способности произошло в Риме поднятие богатых плебеев в высшие классы, характеризующее так называемое устройство Сервия Туллия.

В древнейший, следовательно, период римской истории, в период царей, уже произошло это движение лучших, то есть богатейших, плебеев в верхние ряды, произошло уравнение. Это уравнение относится к царствованию предпоследнего царя, и потому понятно, почему свержение последнего царя, Тарквиния Гордого, совершилось так легко, не встретило сопротивления в плебейских, которые были лишены своих представителей, лучших, богатейших людей, довольных своим положением, не нуждавшихся в дальнейшем движении, имевшем совершаться с помощью царя.

Кроме того, согласие плебеев на переворот было обеспечено тем, что при изгнании Тарквиния лучшие, то есть богатейшие, из них были приняты в число сенаторов, хотя бы и с названием приписных (*conscripti*), но это нисколько не умаляло их значения. Таким образом, знатность и богатство сосредоточивались теперь у патрициев, которые представили настоящую аристократию, лучших людей; понятно, почему теперь попытки к восстановлению царской власти не удались и Брут должен был удовольствоваться консульством и казнить собственных сыновей.

Наконец, не должно забывать приплыва новой силы к патрициям: в Рим переселился могущественный сабинский родоначальник с целым родом своим, Аппий-Клавдий.

Но так как в обществах, об одном из которых идет речь, сильный род обыкновенно обростает, так сказать, людьми, не связанными кровными узами, но вошедшими извне к членам рода в более или менее подчиненные отношения, закладниками, захребетниками или, как они назывались в Италии, клиентами, то Аппий-Клавдий привел около 5 000 людей, способных носить оружие.

Таким образом, Рим в начале республики представляет нам наверху патрициев, то есть знатных и богатых людей, внизу — плебеев, то есть худородных и бедных людей, и борьба, знаменитая борьба между патрициями и плебеями, начинается вовсе не стремлением плебеев к уравнению в правах с патрициями, но столкновениями богатых с бедными, заимодавцев с должниками: беднякам не до уравнения прав, им нужно только обеспечить себя от рабства.

Плебеи были совершенно свободные люди и землевладельцы. Но относительно землевладения различие между ними (или по крайней мере многими из них) в начале республики и патрициями состояло в том, что плебеи, как беднейшие, не имели средств ни увеличивать своей земельной собственности, ни обрабатывать землю посредством рабов, что могли делать богатые люди, а богатство в описываемое время было сосредоточено в руках

патрициев, которые могли занимать и часть публичной или государственной земли (*ager publicus*), ибо имели средства ее возделывать; одного права, которое они себе присвоили, — права занимать государственные земли, было бы недостаточно без средств пользоваться этим правом.

Плебеи если бы даже и имели это право, то им не для чего было брать государственные земли, ибо они не имели средств к их обработке. А тут военная служба: плебей со взрослыми сыновьями сам обрабатывает свою землю и должен покинуть земледельческие занятия при объявлении войны, должен выступить в поход со взрослыми сыновьями вооруженный и содержать себя во время похода; земля остается необработанной; чем же кормить и платить подать? Необходимо входить в долги. Деньги можно занять только у людей богатых, то есть у патрициев, которые не беднели от войны, ибо земли их обрабатывались рабами и за пользование государственными землями они не платят податей.

Патриций даст денег займы плебею, но возьмет 8 1/2 процентов; не будет должник в состоянии выплатить денег — обращается в рабство. Скоро положение плебеев, из которых многим, если не большинству, рано или поздно грозило рабство, сделалось невыносимо; которые оставались на свободе, имели средства содержать себя и платить долги — у тех родственники томились в рабстве.

От заимодавцев нечего ждать пощады: это не только богатые люди, это люди знатные, стремящиеся замкнуться в заколдованный круг, куда никто снизу не должен прорываться, которые захватили себе все права, которые считают всех не своих другими людьми или даже не людьми и потому не могут иметь к ним сочувствия, сострадания.

Люди, которые недавно попали в патриции, разумеется, должны были относиться к плебеям хуже старых патрициев, чтобы заставить забыть о своем происхождении, тем более что они-то, вышедшие в знать по богатству, и должны были составлять наибольшее число заимодавцев. Наконец, сострадание, нежелание пользоваться своим правом во всей строгости было опасно для патриция: оно возбуждало подозрение, что патриций желает снискать расположение бедных, толпы для своих властолюбивых целей, для восстановления царского достоинства.

Итак, бедным плебеям нет выхода спокойного, естественного; в таком случае прибегают или к восстанию, или к бегству; плебеи выбирают последнее и целою массою, в 18 000 человек, выходят из города. Патриции должны идти на сделку и согласиться на установление плебейских защитников, или трибунов, которые одним словом: "запрещаю" (*veto*) — могли останавливать сенатское решение или консульский приговор, враждебные плебейским интересам, и, если бы патриции не обратили внимания на их запрет, отказывать со стороны плебеев в платеже податей и в военной службе.

При этом установлении плебейских трибунов мы не видим стремления плебеев к уравнению прав, не видим стремления установить новый порядок вещей, новые законы, которые были бы благоприятны для бедных плебеев, для должников.

Мы видим только поднятие из среды плебеев нескольких лиц — пяти, десяти, которым поручается охрана плебейских интересов, причем они должны действовать, руководясь своим крайним разумением, не имея никакого правила, никакого закона, никакого наказа. Этот личный, так сказать, характер трибунства ведет необходимо к мысли, что все дело сделалось под влиянием известных лиц. Общие выражения: борьба патрициев с плебеями, угнетение плебеев, бедных, должников патрициями, богатыми, заимодавцами эти общие выражения не должны отвлекать наше внимание от подробностей, необходимых по естественному закону явлений.

Как не все патриции были богаты, так не все плебеи были бедняки, задолжавшие патрициям. У патрициев неравенство личное и имущественное сглаживалось равенством прав, общими интересами, участием в правлении, широкостью горизонта как необходимым следствием этого участия; отсюда известное сходство между членами патрицианского круга, — сходство, присущее обыкновенно аристократии, сплоченность между ее членами, возможная уже по самой немногочисленности их, равенство и стремление поддержать это равенство против стремления отдельных лиц к первенству, к господству.

В многочисленнейших низших рядах, среди плебеев, другое: здесь из толпы людей бедных, притесненных, заботящихся только об удовлетворении первых потребностей, о хлебе насущном, выделяются люди достаточные, обеспеченные относительно первых потребностей и естественно стремящиеся к удовлетворению других, новых потребностей, стремящиеся к большему значению, к более широкой деятельности. Это стремление усиливается междуумочностью их положения; равенство между ними и собратиями их исчезло вследствие неравенства имущественного, а плебейское равенство бесправия, конечно, не могло успокоить богатых плебеев; они, естественно, должны были стремиться к уравниванию прав, к возможности войти в высшие ряды, получить большое значение; самое простое средство для этого — сделаться официальными представителями плебеев, охранителями их интересов, их вождями.

Такое значение имели трибуны, в которые, естественно, выбирались самые представительные люди, самые богатые и самые способные.

Патриции очень хорошо поняли характер явления, поняли, что Рим нажил себе пять, десять демагогов, из среды которых легко могли явиться тираны; и действительно, трибуна́т заключал в зародыше империю, отсюда вечное беспокойство и волнение патрициев, ненависть их к учреждению плебейского трибуна́та, стремление уничтожить его. Разумеется, значительное количество плебейских трибунов (пять, десять) было выгодно для патрициев, давая возможность улаживаться с одними против других; не говоря уже о подкупе материальными средствами, между трибунами естественны были соперничество, зависть и вражда за влияние, притом плебею бывает всегда так приятно, когда знатные люди за ним ухаживают.

Наконец, не имеем никакого права предполагать, чтобы все те трибуны, которые не поддерживали своих собратий в борьбе с патрициями, были

непременно так или иначе подкуплены и вообще действовали по дурным побуждениям; они могли действовать по личному характеру своему и по убеждению, что такой товарищ или такие товарищи их без нужды волнуют народ. Если патриции видели в том или другом беспокойном трибуне демагога, будущего тирана, то и некоторые плебеи, трибуны, ревностные прежде всего к свободе, могли смотреть точно так же.

Но что могло быть всего хуже для патрициев, так это то, что это новое могущество, это соблазнительное указание на возможность волновать толпу и достигать известных целей могли подействовать на самих патрициев и выставить из их собственной среды демагогов, которые найдут такие средства для приобретения популярности, какие не могли прийти в голову плебеям, воспитанным в узкости взглядов. Человек, наполненный патрицианским духом, отъявленный враг трибунов и всех плебейских притязаний, Кориолан испытал на себе силу плебеев: как бы дело ни было, он умер в изгнании.

Этот пример Кориолана показывал ясно патрициям, что и для достижения консульства надобно приобретать расположение плебеев и, чем большее расположение плебеев приобретет какой-нибудь патриций, тем большего значения мог достигнуть; и вот патриций Спурий Кассий придумывает самое сильное средство приобрести расположение плебеев и нанести страшный удар патрициям.

Патриции понимали очень хорошо, что одною своею родовитостью, хотя и при религиозном освящении, нельзя было долго поддерживать своего значения, своих прав, что для этого необходимы были материальные средства, богатство, отсюда стремление захватить в свои руки как можно более земельной собственности.

Патриции отчасти достигали своей цели, отбирая у плебеев земли за долги, но этому помешало восстание плебеев и учреждение трибунов.

У патрициев оставалось, впрочем, средство сосредоточивать в своих руках земли: это право владеть государственными землями, которые постоянно увеличивались посредством завоеваний. Понятно, что теперь, когда с установлением трибуната так уяснились отношения между двумя частями римского народонаселения, когда патриции должны были уже вести оборонительную войну против плебеев, им нельзя было нанести более чувствительного удара, как посягнутием на это право их исключительного владения государственным полем (*ager publicus*) с возможностью избывать платежа податей, ибо контроль был в их же руках.

И вот этот удар намеревался нанести им их же собрат Спурий Кассий предложением закона об уступке части государственного поля плебеям. Спурий Кассий был обвинен в измене, в стремлении захватить верховную власть и казнен, но ядом полевого закона (*lex agraria*) уже заразились трибуны.

Трибуны стали требовать принятия Кассиева закона, но патриции выставили сильное, непреодолимое сопротивление и указали на обычное средство для бедных и безземельных приобретать земли — вывод колоний, что было также и средством для удаления из общества самых беспокойных людей, лучшего материала для трибунских поджогов. Но здесь, разумеется, мы не

должны упускать из внимания этого любопытного явления, что полевой закон не прошел. Положим, что патриции отчаянно противились, но мы знаем, что плебеи умели побеждать сопротивление патрициев не только когда им становилось нестерпимо, как в двух случаях удаления из Рима, но и в проведении всех других законов, уравнивавших положение обеих частей народонаселения.

Из этого имеем полное право заключать, что полевой закон не был очень нужен плебеям, то есть, другими словами, их материальное положение не было дурно.

Гораздо сильнее, как видно, была потребность в писаном законе, и эта потребность была удовлетворена. Мы знакомы с обычаем древних обществ, соблюдавшимся в подобных случаях: в Спарте, в Афинах поручалось написание законов одному; в Риме поручили десяти, давши им неограниченную власть с упразднением всех других властей. Но и это разделение властей между десятью не спасло от преобладания одного и злоупотреблений с его стороны, что повело к сильному волнению, ко второму удалению плебеев из Рима и к восстановлению прежнего государственного устройства с консулами и трибунами; из этой смуты, впрочем, Рим вынес законы XII таблиц.

Потом мы видим проведение Канулеева закона, по которому браки между патрициями и плебеями становились законными; рушилась, следовательно, кастовая преграда между двумя частями народонаселения, основанная на религии: плебеи перестали считаться погаными, безродными и потому безбожными. Возможность проведения этого закона показывает нам образование многочисленной и богатой плебейской аристократии, с которой выгодно было родниться.

Кроме того, родовое и религиозное основание могло иметь большую силу вначале, когда безродность плебея была в свежей памяти, но должно было ослабевать с течением времени, когда и плебей забывал время поселения своего предка в Риме, так оно было отдаленно, и культ общих божеств необходимо ослаблял культ божеств родовых. Родовое и религиозное основание если и не исчезло, то с течением времени должно было уступить в силе основаниям политическим, а последние доступны для сделок.

Кто мог настоять на проведении Канулеева закона? Самая богатая и потому знатная часть плебейского народонаселения с трибунами, избранными, разумеется, из нее же. Но она не настояла бы, если бы сопротивление патрициев было дружно, если бы в их рядах не было людей, благоприятствующих закону; испугать же патрициев третьим удалением плебеев из города было нельзя: масса плебеев не удалась бы из-за Канулеева закона, который до нее не касался, ибо и не для нее было право равного брака с патрициями, а только для людей, находящихся наверху, подле патрициев.

Получив право брака, этому верхнему слою плебеев последовательно было требовать консульство, и непоследовательно было со стороны патрициев выставлять препятствия этому требованию, но тут дело шло не о родовом и религиозном основании, а о привилегии, которою пользовалось ограниченное число фамилий и которую нужно было разделить с другими фамилиями. Делать

было, однако, нечего, надобно было идти на уступки, на сделки; в высших рядах плебеев были такие богачи, которые могли кормить целый город во время голода; лучше было допустить таких людей к правлению, чем дожидаться, когда они станут кормить народ, и иметь с ними тогда дело на площади. Замаскировали лишение привилегий отменой консулов и установлением военных трибунов с консульскою властью; потом установили цензоров, которые могли избираться только из патрициев.

Впрочем, сначала напрасно много беспокоились: плебеи выбирали в военные трибуны патрициев, а не плебеев. Выставляют скромность плебеев в этом случае.

Но взглянем проще на дело: нет никакого основания предполагать между массою плебеев и людьми, выскочившими из них наверх, той сословной сплоченности, того единства интересов, какое обыкновенно существует в высшем сословии, в аристократии. Здесь это возможно благодаря малочисленности членов и относительному равенству между ними; там невозможно по самой многочисленности членов.

Люди, выделившиеся из массы плебеев по богатству и стремившиеся войти в правительственные ряды, были так же чужды остальным плебеям, как и патриции; в последних уважали наследственную правительственную опытность и выбирали их, плебея обходили свои же по нерасположению к выскочке, по неуважению к человеку, отличавшемуся преимущественно только своим богатством. Положение большинства плебеев объясняется также следующим происшествием: в 439 году, во время страшного голода, богатый плебей Спурий Мэлий скупал хлеб, продавал по дешевой цене, а бедным раздавал и даром. Явилось обвинение, что Мэлий стремится к захвату верховной власти, что в его доме происходят тайные сборища, что приготовлено оружие, наняты воины и подкупленные трибуны будут действовать против свободы.

Сенат поспешно назначает диктатора (знаменитого Цинцинната), и главный исполнитель диктаторских распоряжений, начальник конницы, нападает на Мэлия на площади и убивает его. Плебеям раздается безденежно хлеб из житниц убитого, и они остаются спокойными.

Теперь из известных нам главных событий так называемой борьбы плебеев с патрициями мы имеем возможность вывести заключение, когда именно затрагивались существенные интересы целого плебейства; это было только два раза: перед установлением трибунов и перед уничтожением децемвирата, когда все плебеи вставали как один человек и решались оставить Рим; в остальном же мы должны разуметь борьбу верхнего слоя плебеев, богатейших и виднейших из них, которые хотели получить одинаковые права с патрициями. Дважды правительство, то есть патриции, разделяется энергически с людьми, обвиненными в искании популярности: со Спурием Кассием и Мэлием, — и плебеи остаются спокойными даже во втором случае, когда умертвили его кормильца. Эта странность должна вести также к заключению, что на обвинение, выставленное сенатом против обоих названных лиц, едва ли мы имеем право смотреть как на клевету, изобретенную патрициями для их погубления.

После галльского разоренья опять жалобы должников на жестокость заимодавцев, но третьего ухода плебеев из Рима не видим, из чего заключаем, что беда не была так велика, как прежде. И при этом случае встречаемся со знакомым явлением: один из патрициев, знаменитый своими заслугами Манлий, становится чрезвычайно популярным, выкупая собственными средствами должников, клянясь, что, пока у него есть пядь земли, до тех пор не позволит, чтобы римлянина взяли в кабалу за долги. Манлий погиб, подобно Кассию и Мэлию, обвиненный в государственной измене. И опять не было ухода плебеев из Рима: или масса была равнодушна, или вожаки не считали Манлиева дела своим.

Другое дело, когда два трибуна Лициний Столон и Люций Секстий потребовали, чтобы восстановлено было консульство и один из консулов должен быть из плебеев. К этому требованию, важному для немногих, было присоединено другое — ограничивалось количество земли, какое можно было занимать из общественного поля, остальная часть которого долженствовала быть разделенною на небольшие участки и розданною плебеем в собственность. Наконец, трибуны требовали смягчения долговых обязательств. Два последние требования были так важны для большинства, что трибуны могли смело надеяться на его поддержку и действительно были поддержаны, но при этом они сумели настоять, чтобы все требования были нераздельны, и таким образом одержали полную победу.

Естественно было вождям победителей первым воспользоваться плодами победы, и Люций Секстий выбран был в консулы; что же касается товарища его Лициния Столона, то он был осужден за нарушение собственного закона, то есть за занятие лишней казенной земли.

После допущения плебеев к консульству допущение их ко всем другим должностям последовало скоро: последовало уравнивание в правах, исчезли патриции и плебеи в Риме. Дело произошло таким образом — существовали одна подле другой две части народонаселения: привилегированная, имевшая исключительное право на занятие правительственных должностей, и непривилегированная. В старые времена пополнению, поддержанию сил первой содействовали против ее воли цари, вводившие в сенат новых членов из плебеев; тотчас после изгнания царей нужда заставила сделать это и самих патрициев; плебей, раз сделавшись одним из отцов, то есть сенатором (*pater*), тем самым необходимо становился родоначальником отеческих детей, патрициев. Но потом патриции по естественной неохоте, укрепляемой религиозно-родовыми представлениями, перестали употреблять это средство, снимать сливки плебейского общества к себе в сенат, и этим заставили верхний слой плебейского общества стремиться туда силою.

Это стремление увеличивалось постепенно вместе с увеличением средств плебеев, то есть вместе с умножением среди них числа богатых и наиболее готовых к правительственной деятельности людей, которые не могли оставаться покойны, видя себя осужденными на бездействие, на роль избирателей и никогда избираемых. Победа этого верхнего слоя плебеев показывает нам, что на их стороне были большие средства, средства, постоянно увеличивавшиеся, а

на стороне патрициев средств было меньше, и если даже они увеличивались, то не в одинаковой пропорции со средствами противников. Мы уже показали, что под этими средствами не должно разуметь одного численного большинства плебеев.

С уравнением прав обеих частей римского народонаселения правительство римское получило возможность черпать силы из двух источников, потому неудивительно, что мы видим такое блестящее проявление этих сил. Но под этим блеском, при этом распространении римского владычества на весь известный тогда свет мы уже замечаем признаки ослабления, упадка нравственных сил и вместе древних форм жизни. Какие же были причины этого явления?

Мы видели, что борьба между патрициями и плебеями была искони борьба между началами родовым и дружинным, или личным. Родовое начало со своим религиозным цементом держалось крепко и долго; самая борьба с плебеями, это постоянное пребывание подле враждебного лагеря, условливала крепость патрицианской общины, сомкнутость, единодушие ее членов, верность своему началу, отсюда строгость этого начала, строгость отцовской власти, проявлявшаяся так резко в известных случаях, отсюда та строгая дисциплина, которою была проникнута жизнь римлян и которая дала им господство над народами.

Эта дисциплина необходимо условливала нравственную силу, нравственное влияние в частых столкновениях, волнениях, борьбе; самое сильное восстание плебеев против патрициев ограничивалось решением уйти из города; патриции казнят людей, действовавших в пользу плебеев, и последние остаются покойны.

Но с течением времени плебеи все более и более берут верх в борьбе, получают право брака с патрицианскими семействами, получают уравнение прав относительно занятия правительственных должностей и поэтому самому место в сенате.

Не забудем, что торжество плебеев было торжеством личного начала над родовым и вело необходимо к сильнейшему развитию личности. Мы видели, что плебеи, стоявшие наверху и толкавшиеся первыми в двери заветного святилища, не могли иметь такого отношения к своей общине, какое патриции имели к своей, по многочисленности и неравенству плебеев; следовательно, в стремлениях этих передовых плебеев необходимо преследовались преимущественно личные цели. С привычкою к этим личным стремлениям, к плебейской широте и бессвязности явились знатные плебеи наверху, на правительственных местах и в сенате; при этом не забудем также одного чрезвычайно важного обстоятельства: вместе с ударом родовому началу подкапывалось и начало религиозное, служившее ему основанием; особенное значение здесь имело право брака между патрициями и плебеями.

Отсюда уже будет понятно если не появление, то усиление демагогических стремлений, кончившихся явлением цезарей. Но должно обратить внимание и на другие обстоятельства. После торжества над карфагенянами Рим стал всемогущ:

народы известной тогда Европы, Азии и Африки один за другим подчинялись ему; сфера римлянина чрезвычайно расширилась, и он должен был выдержать натиск множества чуждых явлений и понятий; борьба с ними была не так легка, как материальная борьба с Аннибалами, Митридатами и Антиохами, особенно когда пришлось вести дело с народом, представителем тогдашней европейской цивилизации — с греками.

Несмотря на отчаянную борьбу охранителей с греческим влиянием, последнее восторжествовало, и завоеванная Греция подчинила себе завоевательный Рим.

Знакомство с разными толками греческой философии подорвало веру во все то, чему прежде верилось, что считалось священным и потому неприкосновенным.

Сомнение начало свою разрушительную работу, а для создания нового, лучшего порядка вещей не было материала. Прежде равенство между членами правительственных, патрицианских фамилий поддерживалось узкостью сферы, малочисленностью отношений, отсутствием образования. Теперь с расширением сферы деятельности в трех частях света, с усложнением отношений открылось гораздо более простора для развития личных способностей, особенно когда это самое расширение сферы и усложнение отношений потребовали научного приготовления, развивавшего мысль, давшего ей силу, смелость и дерзость.

Человек, приготовленный таким образом, легко выделялся из среды своих собратьев, не сдерживался уважением к существующему, которое в его глазах было результатом варварского прошедшего, не сдерживался никаким уважением к людям, которые в его глазах проповедовали бессмысленное поддержание старины.

Так мог относиться к существующему порядку и человек, который не руководился своекорыстными целями; тем более относился так человек, который имел в виду получить господство или по крайней мере видное и выгодное участие в правительстве.

Наконец, должно всегда обращать внимание на взаимодействие внутренней и внешней жизни народа, государства. Когда римляне жили в постоянной борьбе с чужими народами, в постоянном опасении от них, то это возбуждало их энергию, развивало их силы и обнаруживало влияние и на внутреннюю борьбу, умеряя ее крайности, принуждая к сделкам. Но потом с прекращением внутреннего движения, борьбы между патрициями и плебеями, прекращается и трудная, по крайней мере близкая борьба внешняя; Рим не имеет более соперников, силы его вследствие того не натягиваются более, как прежде; нет более тех важных вопросов, тех трудных положений, которые необходимо у народов выставляют общее дело на первый план и таким образом сдерживают частные интересы.

Рим стал празден, ему нечего было больше делать.

Ставши владыкою тогдашней вселенной, он очутился в одиночестве и праздности, а праздность есть мать всех пороков, то есть относительно целых народов с исчезновением важных общих вопросов частные интересы начинают

господствовать, нарушается необходимое для народной жизни равновесие между частными и общими интересами; отсюда застой, разврат, падение. Крепость и долгоденствие новых европейских народов зависит от их жизни в обществе равносильных народов, причем вопросы о силе, значении и безопасности государственной постоянно возбуждаются и сдерживают стремление частных интересов к господству; отсюда страх пред всемирною монархией, прекращающею жизнь народов в обществе и потому прекращающею и внутреннее развитие народной жизни; отсюда стремление к поддержанию так называемого политического равновесия, которое было неизвестно древнему миру.

Рим, ставши всемирным государством, естественно, подвергался застою, гниению; отсюда недовольство и требование, с одной стороны, строгого охранения славной и здоровой старины, с другой — требование преобразования для восстановления больного организма и, наконец, с третьей стороны стремление к захвату верховной власти.

Борьба между патрициями и плебеями кончилась, последовало уравнивание прав, каждый гражданин получил возможность достигать высших правительственных мест и сенаторства. Могли быть жалобы на злоупотребления тех или других правительственных лиц, на состав сената, но против злоупотребления правительственных лиц и сената были средства в самой конституции — цензура нравов, а главное, правительственные лица избирались народом, следовательно, вся ответственность падала на эти выборы: недостоинство избираемых могло обличать только недостоинство избирателей.

Указывают на это недостоинство, указывают, что количество граждан, владевших небольшими участками земли, чрезвычайно уменьшилось; которые оставались, те не присутствовали на выборах по отдаленности и будучи заняты сельскими работами; выборы зависели, следовательно, от римского городского народонаселения, состоявшего теперь из обедневших безземельных граждан, лишенных бедностью независимого положения, из клиентов, вольноотпущенных и пришельцев, людей зависимых и доступных подкупу.

Так как теперь правительственные места кроме чести и обязанности стали еще очень выгодны, то для достижения их люди со средствами не щадили издержек в надежде вознаграждать их с барышом, и таким образом вследствие подкупа выбор мог пасть на людей недостойных. Итак, весь вопрос заключался в исправлении системы выборов, и здесь прежде всего представлялась необходимость увеличить число независимых избирателей. Таковыми могли быть владельцы мелких земельных участков, которые исчезали.

Жалуются на богатых землевладельцев, что они захватывали мелкие участки бедных землевладельцев, но любопытно, что ни один пример подобного захвата не вызвал народного волнения, никто не заступался за несчастного, лишенного своей земли, — ни человек, руководящийся чувством справедливости, ни агитатор, который искал удобного случая волновать народ.

Дело объясняется легче: во-первых, Аннибалова война сильно опустошила Италию; потом мы видим, что число граждан увеличивается, но при этом мы не знаем отношения римского городского народонаселения к сельскому и имеем

право предполагать, что увеличение произошло в городском населении, ибо в Рим вследствие его положения как столицы мира стекались удобства и украшения жизни, удобства всякого рода промысла. Последующее же уменьшение числа граждан с 600-го года должно приписать влиянию жизни в большом городе, ослаблению сельской жизни.

Вследствие распространения римских владений, вследствие присоединения Сицилии громадный привоз хлеба так удешевил этот товар, что заниматься хлебопашеством в Италии в малых размерах и вольным трудом стало невыгодно, и мелкие землевладельцы продавали свои участки богатым, вероятно, даже за дешевую цену и переселялись в Рим, чтобы сделать из своих денег более выгодное употребление. Вследствие того что Рим делался столицей мира, денежные обороты в нем чрезвычайно усилились и образовался класс богачей, занимавшихся этими оборотами, так называемые всадники, денежная аристократия, которая стояла подле землевладельческой аристократии и часто вступала с нею в состязание относительно известных государственных отправлениях.

Возделывание денег стало на первом плане, отстраняя возделывание земли. Римляне с страстью предались этому новому возделыванию; знаменитый республиканец Брут был страшный ростовщик.

Но так как настоящее представляло печальные явления, то, естественно, являлся страх за будущее и сожаление о прошедшем. Кидалась в глаза эта революция, вследствие которой движимое, деньги взяли верх и древний землевладельческий характер Рима изменился. Естественно было родиться убеждению, что так как прежде республика была крепче, нравы чище, то это было тесно связано с господством земледелия, а настоящая порча нравов и неправильность государственных отправлениях находятся в тесной связи с упадком земледелия, с уменьшением числа свободных земледельцев, с увеличением городского народонаселения, с господством денег.

Следовательно, чтобы укрепить республику, очистить нравы, необходимо возвратиться к старине, поднять земледелие, увеличить число свободных земледельцев, мелких землевладельцев. Было узаконено, что землевладелец обязан употреблять известное число свободных работников пропорционально числу рабов. По поручению правительства переведено было на латинский язык карфагенское сочинение о земледелии. Наконец, для увеличения числа мелких землевладельцев вспомнили об аграрном законе. Но при таком порядке вещей, когда мелкое землевладение было невыгодно, к каким результатам могла повести попытка искусственным образом создать класс мелких землевладельцев посредством старого "трибунского яда" — аграрного закона?

В старину аграрный закон имел смысл уже и потому, что вполне соответствовал общему стремлению к уравниванию прав патрициев и плебеев: зачем одни патриции имели право пользоваться государственною землею, а плебеи не имели? Но теперь, когда уравнивание прав последовало и когда являлось только различие между богатыми и бедными, когда давность пользования изгладила границы между частной и государственной собственностью, то аграрный закон являлся грабежом для одних, но

удовлетворял ли других, если по известным условиям мелкое землевладение было невыгодно?

Зло было велико: Рим наполнился людьми, которые были заражены пороками, господствующими между народонаселением больших городов, людьми зависимыми, а между тем эти люди были избирателями. Понятно, что людям благонамеренным хотелось возвратиться к старине, усилить число избирателей независимых, отличавшихся большею простотою и чистотою нравов; но против болезни было ли выбрано лекарство действительное? — это другой вопрос. Аграрный закон был потребован знаменитым трибуном Тиберием Гракхом, которого мы не будем обвинять в демагогических стремлениях; он мог желать уничтожения пролетариата между римскими гражданами, хотел дать земельную собственность людям, ее лишенным, и вместе средство завестись хозяйством, ибо вместе с наделом землею требовал разделения между бедными наследства пергамского царя Аттала.

Как видно, он предвидел, что у мелкого землевладельца будет сильное побуждение продать свой участок крупному, и потому требовал разделения государственных земель не в собственность, а только в пользование, без права отчуждения, хотя при этом является опять неотвязчивый вопрос: где же было обеспечение в выгоде владения мелким участком?

Что же касается выборов и вообще решения дел более чистыми и независимыми людьми, то в деле Тиберия Гракха есть любопытное указание. Говорят, что сельское народонаселение было за него, а городское не было очень расположено ни к его лицу, ни к его планам, что и было причиной его гибели, ибо в решительную минуту сельское народонаселение не явилось в Рим, будучи задержано земледельческими работами; следовательно, не было выгоды увеличивать количество мелких землевладельцев в видах более правильного решения дел и более правильных, независимых выборов; во время земледельческих работ они бы не явились в Рим, как бы ни важно было решаемое там дело.

Каковы бы ни были цели Тиберия Гракха, но он, чтобы сломить противодействие, повел дело так насильственно, с таким презрением закона, что мог возбудить сильное подозрение в намерении изменить существующий порядок, захватить верховную власть и дать противникам благовидный предлог действовать против него как против врага республики. Тиберий Гракх имел участь первого изобретателя полевого закона Спурия Кассия. Народ и теперь не защитил своего трибуна, как прежде не защитил ни одного из тех людей, которые хотели действовать в его пользу.

Любопытно, что смерть Тиберия Гракха не остановила дела о разделе государственных земель, за которые стояли другие сильные люди, не могшие быть заподозренными в стремлении к верховной власти. Мы уже говорили, что многие, смотревшие с беспокойством на настоящее и будущее Рима и имевшие свои идеалы назади, в прошедшем, считали аграрный закон якорем спасения, ибо он, по их мнению, должен был восстановить прежние отношения, возвратит прежнюю простоту и чистоту нравов, воссоздать прежний земледельческий Рим.

В описываемое время аграрный закон был знаменем для людей, недовольных настоящим и тосковавших по старине: пастухи-рабы, которыми богачи населяли свои обширные имения, были им ненавистны; прогнать этих пастухов и поселить вместо них земледельцев — значит возратить золотое старое время; Тиберий Гракх принадлежал именно к этому кружку, к этой школе, для которой аграрный закон был знаменем; аграрный закон не исчез вместе с Тиберием Гракхом, ибо не был его личным делом; он исчез вследствие препятствий, встреченных им в условиях своего настоящего.

При этом мы должны с большою осторожностью употреблять выражения "аристократическая и демократическая партия", "интересы народа в противоположность интересам правительства, интересам богатых собственников": мы видим, что в деле аграрного закона движение идет из сферы правительственной, аристократической, если уже хотим употреблять это слово. С другой стороны, мы видим равнодушие к вопросу в низших слоях народонаселения, в так называемом народе; наконец, сильный протест против приведения в исполнение закона встречаем не со стороны богатых собственников в Риме, а со стороны латинских общин, которым были уступлены государственные земли особенными договорами.

В истории республиканского Рима мы видим, таким образом, две половины:

в первой половине происходит борьба между патрициями и плебеями за уравнивание прав. После прекращения этой борьбы, после уравнивания прав обеих частей народонаселения патриции и плебеи исчезают: перед нами правительство, в ряды которого имеют доступ все граждане, — правительство, в постоянной своей части представляемое преимущественно сенатом; правительство, которое охраняет существующий порядок, то есть республику, и против него людей, которые хотят нарушить этот порядок, вызывая себе на помощь ту или другую силу, поднимая то или другое знамя.

Мы присутствуем при ожесточенной борьбе правительства с этими людьми, которые, найдя самое действительное средство победы, наконец торжествуют, вследствие чего республика превращается в империю. Таков смысл явлений второй половины истории республиканского Рима от Тиберия Гракха до Октавия Августа.

Правительство боролось и низложило Тиберия Гракха не за поднятие аграрного закона, ибо других приверженцев этого закона оно не тронуло, а за насильственные действия против существующего порядка. Так же погиб в борьбе и брат Тиберия Кай Гракх, который, будучи научен братним опытом, что городское население нейдет на приманку аграрного закона, придумал другое средство, подействительнее, чтобы приманить его на свою сторону, именно предложил закон, чтобы каждому горожанину ежемесячно выдавалось известное количество хлеба из общественных магазинов за самую ничтожную цену.

Цель была достигнута: толпа пролетариев постоянно окружала своего трибуна-кормильца, составляя его гвардию. Но он знал по опыту всех предшествовавших агитаторов, что эта гвардия не выдержит дружного натиска

высших слоев, и потому он порознил всадников и сенаторов, проведя закон, по которому суд отнимался от сенаторов и присяжные должны были избираться народом из сословия всадников.

Этим законом, как выражался сам Гракх, он бросил в среду лучших граждан мечи и кинжалы — пусть режутся!

Но этой резни и поддержки всадников и низших слоев римского народонаселения было мало для Гракха: он стал домогаться, чтобы латины получили полное римское гражданство, а прочие италийские союзники получили бы те права, которыми до сих пор пользовались латины. Это домогательство возбудило негодование во всех слоях римского народонаселения: дать латинам полное римское гражданство значило допустить их быть избирателями и избираемыми в правительственные должности; значило — римлянам надобно было отказаться от значения господствующего народа, исчезнуть в массе покоренного народонаселения, ибо за латинами не преминули бы последовать и другие италианцы, а за италианцами и жители провинций, как и случилось во времена империи при общем равенстве бесправия перед одним, имевшим все права.

Подчиниться требованию Гракха значило добровольно допустить покорение Рима покоренными соседями, допустить распоряжаться в Риме тех, судьбою которых распоряжались до сих пор римляне; наконец, ближе всего это значило дать войско честолюбцу, который явно стремился к первенствующей роли, не скрывая своей ненависти против правительства, выставляя себя мстителем за смерть брата. Закон не прошел: другой трибун, Ливии Друз, произнес против него свое *veto*.

Для окончательного низложения Гракха правительство сочло необходимым сражаться с ним его собственным оружием, заискивая расположение низших слоев народонаселения, надавая им выгоды против Гракха: аграрный закон был предложен на новом, негракховском основании — бедняки должны были получить земельные участки в полную неотъемлемую собственность, без платежа подати; вместо вывода заморских колоний, предложенного Гракхом, обещаны были более удобные поселения в Италии.

Вместо того чтобы латинам давать право римского гражданства, положено было взять у них общественные земли и разделить их на 36 000 участков для раздачи бедным римским семействам. Первая мера была привлекательна в том отношении, что давала возможность хотевшему заниматься земледелием получить более выгоды через освобождение от всякой подати; человеку же, который не находил выгодным и приятным для себя заниматься земледелием, давала возможность продать свой земельный участок, а богатому землевладельцу давала возможность приобрести его.

Наконец, этою мерою прокладывался путь к тому, чтобы покончить с вопросом о разделе государственных земель, именно прокладывался путь к объявлению, что все, владевшие государственными землями, должны владеть ими вперед на праве полной частной собственности, что и было наконец постановлено; последняя же мера, относительно латинских земель, кидала нож между римским и латинским народонаселением и еще более отвращала римлян

от мер Гракха, а следовательно, от него самого. Он не был избран в другой раз в трибуны и погиб, причем число людей, защищавших его с оружием в руках, простиралось только до 250 человек.

Судьба Гракхов показывала, что не было возможности сломить республику с помощью низших слоев римского народонаселения. Погиб Сатурнин, погиб Катилина — республика выдерживала все удары; но люди, стремившиеся к власти, нашли наконец средство достигнуть своей цели, сломить республику: это средство было войско. Рим был покорен собственным войском, собственными полководцами.

в) Разложение древнего мира и начало нового

В конце предшествовавшей главы мы сказали, что последнее государство древнего мира было завоевано собственным войском, собственными полководцами, и мы видели причины, почему ослабевший Рим позволил покорить себя. Мы видели, что процесс внутреннего развития Рима кончился с прекращением борьбы между патрициями и плебеями, кончился уравнением этих двух частей народонаселения.

Другой задачи бытия, другого высокого и общего интереса не было более; возбудиться новым задачам, новым интересам было неоткуда: Рим стал владыкою известного мира и потому стал одинок. Отсутствие общего интереса необходимо ведет к преобладанию частных интересов; исчез патрицианский интерес, исчез плебейский интерес; следовательно, исчезла самая крепкая связь между патрициями, с одной стороны, и между плебеями — с другой. Прежде если Тит Спурий Лонгин был патриций, то первая мысль его была о том, что он, патриций, должен охранять патрицианский интерес, должен принаравливать все свои действия к этой цели; в каждом патриции он видел товарища, брата, с которым должен действовать дружно, неразрывно по единству интересов, с которым, следовательно, должен сближаться, ладить, равняться.

Но когда борьба прекратилась, когда нечего было больше защищать сообща, исчез общий интерес, то Тит Спурий Лонгин, естественно, переставал себя чувствовать частью целого, он становился совершенно самостоятельным и начинал жить особняком, сосредоточивши все свое внимание на одних частных интересах.

Республиканский Рим пал не оттого, что уменьшились способности наверху, между людьми, находившимися в челе управления; напротив, способности увеличивались, ибо способным людям была возможность снизу достигать высших правительственных мест, но дело в том, что способности разделились, перестали преследовать одни общие цели, и часто люди наиболее способные шли против конституции для достижения частных целей. Вот почему так странно и более чем странно читать в некоторых авторитетных сочинениях возгласы против римской аристократии последних времен республики, аристократии, забравшей в свои руки правительство и между тем

оскудевшей правительственной мудростью, неспособной поддержать государство.

Люди, позволяющие себе эти возгласы, забывают, что Катилины и Цезари были аристократы и что аристократы из страха пред Катилинами и Цезарями прижимались к человеку худородному, новому, провинциалу Цицерону, величали его отцом отечества, что эта аристократия, которую не церемонятся называть и олигархией, позволяла новому человеку, Цицерону, играть главную роль при защите древней свободы, древней конституции, против посягновений аристократов — Катилин и Цезарей.

Каким же образом явился такой странный взгляд на последние времена республиканского Рима, откуда явились толки об аристократии и даже олигархии и вредных ее действиях, о борьбе между аристократической и демократической партиями, причем не берут на себя труда изложить программы этих партий? Все это произошло от безнравственного поклонения успеху. В стремлении к достижению частных целей, к достижению господства начали получать успех люди, опиравшиеся на материальную силу. на войско, полководцы, и один из них. низложивши соперника, производит правительственный переворот, становится неограниченным главой государства.

И вот историки сочли своею обязанностью не только объяснить явление, объяснить успех, но и оправдать его, а для этого нужно представить победителя, Цезаря, вождем народной стороны, демократии и тем возбудить к нему сочувствие у противников его; наоборот, понадобилось отнять сочувствие, унижить Помпея, Цицерона, унижить всех людей, стоявших в челе правления, заклеить их названием аристократов, олигархов и людей неспособных.

Мы видели, что падение старого республиканского Рима объясняется легко:

когда исчезла внутренняя связь общего интереса, когда силы распались, пошли врознь вследствие побуждений частного интереса, то для поддержания государства явилась необходимость во внешней связи, внешнем сосредоточении сил и их направлении, что и доставила Риму военная монархия, или цезаризм. Мы повторяем, что анархия ведет к деспотизму; но что такое анархия, как не отсутствие внутренней связи в обществе, отсутствие высших общих интересов, жизнь врознь, разброд сил по указанию одних частных интересов? Такая анархия именно господствовала в республиканском Риме в эпоху его падения и повела необходимо к замене внутренней связи внешней, к цезаризму.

Но из сказанного ясно, что цезаризм представляет чрезвычайно печальное явление. Это не была та или другая монархическая форма, вытекшая из условий исторической жизни известного народа, — форма, с ним сросшаяся, освященная преданиями веков; это была тирания, незаконный, хотя и необходимый захват власти в одряхлевшем обществе, потерявшем внутреннюю связь и тем лишившемся способности самоуправления; это была хирургическая повязка для соединения раздробленных частей больного организма, и повязка бесполезная, ибо организм дряхл, раздробленные части не срастутся с помощью повязки. Так как новое правительство не имело никакого освящения, то оно не

могло показаться на свет в настоящем своем виде, должно было скрыться за старыми, освященными формами, и отсюда, разумеется, происходила ложь, противоречие между формами и сущностью дела, что раздражало и властителя и подвластных, постоянно напоминая тем и другим незаконность явления.

Цезарь имел неограниченную власть и не мог объявить, что ее имеет, не мог назваться царем, да если бы и назвался, то не умел держать себя по-царски, царских преданий и привычек не было на римской почве. Цезарь, сламывая всякое сопротивление, свирепствуя, истребляя лучших людей для утверждения своей власти, все же имел старые привычки, не мог обойтись без площади, без народа, без публичной жизни. Отсюда один сознательно всю свою жизнь играет комедию и требует, чтобы рукоплескали при ее окончании; другой, не будучи в состоянии играть комедии, бежит из Рима на уединенный остров; третий, не будучи в состоянии обойтись без площади и народа, хочет быть музыкантом, актером; четвертый является философом, пятый занимается огородничеством.

И все эти люди — люди строгой нравственности и чудовища разврата, безумцы и философы, музыканты и садовники, — сменяя друг друга поодиночке или целыми рядами, истрачивают последние силы Вечного Юрода, проживают последние средства древней цивилизации; прибавить к этим силам и средствам лучшие из них ничего не могут. Рим одряхлел окончательно, одряхлел и древний мир, одряхлела древняя цивилизация. Припомним, какое вследствие наших наблюдений мы получили понятие об этом древнем мире.

Мы видели, что этот мир распадался на две половины, восточную, азиатско-африканскую, и западную, европейскую, и обе половины представили нам противоположность, хотя и не без переходных форм (в Финикии). В восточной половине мы видим более или менее обширные народные тела, очень слабо развитые, не расчлененные, не выделившие многих органов плотные массы, представляющие одно туловище и голову. Мы заметили, что в происхождении таких народных масс преимущественно участвовала родовая форма. Эти монархии произошли из соединения многих разветвленных родов, которые, сближаясь вследствие размножения своих членов и сталкиваясь при исчезновении прежнего простора, стремились прекратить свои столкновения созданием внешней связи посредством одной общей главы, верховного родоначальника, ибо другой формы для связующего начала, другой формы правительственной они не знали.

При этом, разумеется, усиление одного рода на счет всех других и насилие этого сильнейшего очень часто должно было содействовать образованию таких народных тел, таких монархий.

Особность родов и враждебность их друг к другу условливали неспособность к общему действию, следовательно, условливали необходимость сильной власти, все сосредоточивающей и всенаправляющей. Подле этой власти мы не видим сословий, самостоятельных по своим средствам, по землевладению или по богатству движимому, которые бы стремлением определить свои отношения друг к другу и к верховной власти могли сообщить движение народной жизни. В некоторых государствах Востока мы видим деление народа на касты, но это деление слишком резко, тут нет ничего

органического, это раздробление на совершенно отдельные части, и понятно, что такое раздробление производило самую сильную надобность в связующем начале; если сильная власть обуславливается разделением подвластных, то и кастаность необходимо ведет к деспотизму.

Указывают на Востоке могущественные жреческие сословия, но это могущество далеко не таково, как с первого раза кажется. Значение служителя религии есть значение нравственное в противоположность материальному значению сильных земли. Служитель религии тогда силен, когда непосредственно обращается к нравственному чувству народа, возбуждает, поддерживает его, когда он не только жрец, но и пророк, то есть проповедник нравственности. Но известно, что языческие религии не имели тесной, необходимой связи с народною нравственностью; обязанности жреца ограничивались священнодействием, жертвоприношением, гаданием, волхвованием.

Жрецы имели еще другое преимущество пред толпою — преимущество знания.

Но все эти преимущества без пророчества или проповедничества не могли дать жрецам независимости, и мы уже заметили прежде, что они пользовались этими преимуществами, чтобы приобрести как можно более материальных выгод, причем вошли в сделки с людьми, сосредоточившими в своих руках материальные средства, стали также орудиями для усиления и утверждения власти этих людей.

Допуская могущество влияния географического и этнографического, влияния природы и племени на судьбу народов, мы допустили и могущество влияния еще других, собственно исторических условий, влияния воспитания народного.

Здесь мы указали могущественное влияние движения, странствования народного, соединенного с подвигом, с выделением дружин, деятельность которых создает геройский или богатырский период в истории народов. Этими явлениями характеризуется история европейских народов древности, история городов или гражданства в противоположность истории народов на Востоке. Но и здесь мы видим односторонность в развитии, видим города без народа, без страны.

Еще в Греции мы замечаем некоторое единство, существует представление общности страны и общности народа; это происходит оттого, что здесь изначала были города равносильные, которые или боролись друг с другом, или соединялись для известной общей деятельности и потому необходимо должны были признавать высшее единство. Общая деятельность равноправных царей вначале, потом равноправных городов, общая борьба их с Востоком укрепила сознание высшего единства, сознание эллинизма в противоположность варварам.

Но Рим, не признавая для себя в Италии равных городов, не соединяясь с ними для общих действий вне Италии или для Италии, стремясь к владычеству над всеми другими городами и племенами Италии, не признавал над собою высшего, Италии; для римлянина существует только Рим, римский народ, все

остальное в Италии было чужое. В Риме городская особенность древнего европейского мира достигла высшего выражения.

Попытка поставить Италию выше Рима — союзническая война — не удалась.

Город явился владыкою мира, но именно тут-то, достигнув высшей степени материального величия, Вечный Город и теряет то значение, какое город получил на Западе в древности, значение свободной, самоуправляющейся общины, республики:

он подчиняется Цезарю; форма остается западная, городская, а сущность дела — восточная, бесправие всех перед одним и механическое сопоставление народностей посредством завоевания. Греко-римская цивилизация дает внешний блеск, лоск этой пестрой массе, но не связывает ее частей, а по двойственности своей разделяет римские владения на две большие половины, восточную и западную.

Кроме этого разделения в западной половине находятся различные более или менее сильные, живучие национальности, которые ждут только первого внешнего толчка, чтобы выделиться; империя действительно делится сама собою еще прежде падения, которое есть не иное что, как деление окончательное. Это явление мы видим и на Востоке: распадение больших монархий по явственным надломам, обозначающим отдельные, насильственно соединенные национальности.

Итак, древний мир оканчивается распадением одной громадной империи на несколько отдельных государств. Но почему же здесь древний мир оканчивается?

Потому что историческая сцена расширяется, являются новые страны, бывшие до сих пор за оградю истории, являются новые народы с новым строем внутренней и внешней жизни, является новая религия.

Три группы народов — восточных, древнеевропейских и сменивших их новоевропейских — доставляют нам значительный материал для исторических наблюдений, но, имея в виду строгую научность, мы должны чрезвычайно осторожно поступать при этих наблюдениях и не вносить в науку выводов, сделанных на недостаточном количестве наблюдений. Так, мы должны признать ненаучным вывод о бесконечном прогрессе. Заметили, что древние европейские народы в своей цивилизации стали выше восточных, а новые европейские народы — выше древних, и провозгласили бесконечный прогресс. Но это провозглашение сделано слишком поспешно.

Мы видели, что в развитии народа могущественно участвуют три условия:

природа страны, природа племени и воспитание, то есть собственно исторические условия, при которых народ начинает и продолжает свое бытие; это те же самые условия, которые действуют и в жизни отдельного человека: среда, где он родился и действует, способности, с какими родился, и воспитание, им полученное, принимая воспитание в самом обширном смысле, то есть как совокупность явлений, действовавших в том или другом смысле на физическое или духовное развитие человека.

Превосходство древнеевропейских народов над восточными нам понятно, потому что у первых видим чрезвычайно благоприятные природные, племенные и исторические условия, или условия народного воспитания, поэтому семена восточной цивилизации, упавши на добрую почву, должны были развиваться сильно.

Также понятно нам превосходство новых европейских народов перед древними, потому что к той же выгоде условий природных и племенных присоединялся запас древней цивилизации да еще выгоднейшие исторические условия, лучшее воспитание, присоединялась общая жизнь народов при высшей религии. Но мы не имеем никакого права сказать, что дальнейшее движение возможно при ухудшении этих условий, что племена монгольские, малайские и негрские могут перенять у арийского племени дело цивилизации и вести его дальше. Мы признаем любовь, уважение к монголам, малайцам и неграм чувством очень хорошим, только заявляем, что не можем результата этого чувства внести в науку, ибо он не основан на наблюдении, на подмеченном факте.

Предположить, что новые европейские народы будут бессмертны и из выгодных условий своего быта будут вечно почерпать возможность вести далее дело цивилизации, мы также не имеем права, ибо такое предположение будет противоречить наблюдению над всем существующим. Мы можем принять только те выводы, которые явились вследствие наблюдений над исторической жизнью народов.

Таков вывод, что в жизни исторических, доступных развитию народов заключаются одинаковые явления, одинаковые периоды, потому что каждый народ проходит известные возрасты, развивается по тем же законам, по каким развивается и отдельный человек. Чтобы дать своему взгляду более общности и применимости, мы делим жизнь каждого исторического народа на две половины, или на два возраста, как те же две половины замечаем и в жизни отдельного человека.

В первой половине народ живет, развивается преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, имеющего результатом зиждительность, творчество политических форм. Здесь благодаря сильному огню куются памятники народной жизни в разных ее сферах или по крайней мере закладываются прочные фундаменты этих памятников. Наступает вторая половина народной жизни: народ мужает и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-помалу свое господство мысли.

Таким образом, в жизни исторических, развивающихся народов мы признаем два периода, период чувства и период мысли; разумеется, мы так выражаемся для краткости, собственно, мы разумеем период господства чувства и период господства мысли. Сомнение, стремление поверить то, во что прежде верилось, что признавалось истинным, задать вопрос — разумно или неразумно существующее, потрогать, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй период, период мысли.

Теперь надобно определить отношение исторической науки к этому явлению.

Разумеется, признание известного закона должно прежде всего успокаивать, вести к спокойному, беспристрастному наблюдению подробностей. Историк не для чего отдавать преимущество тому или другому периоду, ибо он имеет дело не с абсолютным прогрессом, а с развитием, при котором с приобретением или усилением одного начала, одних способностей утрачиваются или ослабляются другие. Человек возмужал, окреп, чрез упражнение мысли, чрез науку и опыт жизни приобрел бесспорные преимущества и между тем горько жалеет о невозвратно минувшей юности, о ее порывах и страстях, мудрец жалеет о заблуждениях, значит, в этом пережитом возрасте было что-то очень хорошее, что утратилось при переходе в другой возраст.

Мы уже указали на значение периода чувства в народной жизни, периода сильных и страстных движений, периода подвигов, когда народ, находящийся под влиянием чувства, стоит твердо прикованный к известным предметам своих сильных привязанностей, он сильно любит и сильно ненавидит, не давая себе отчета о причинах своей привязанности и вражды. Стоит только сказать ему, что предмет его привязанности в опасности, стоит подняться священному для него знамени — и он собирается, несмотря на все препятствия, он жертвует всем; чувство дает силу, способность совершать громадные работы, воздвигать здания не материальные только, но и политические; сильные государства, крепкие народности, твердые конституции выковываются в период чувства.

Но этот же период знаменуется явлениями вовсе не привлекательными: довольно указать на обычный упрек, делаемый этому периоду и делаемый совершенно справедливо, — на упрек в суеверии, фанатизме, двух естественных и необходимых результатах господства чувства, не умеряемого мыслью. Но точно так же односторонне признавать за вторым периодом безусловное превосходство над первым.

Период господства мысли, который красится процветанием науки, просвещения, имеет свои темные стороны. Усиленная умственная деятельность обнаруживает скоро свое разлагающее действие и свою слабость в деле созидания. Чувство считает известные предметы священными, неприкосновенными; оно раз определило к ним отношения человека, общества, народа и требует постоянного сохранения этих отношений. Мысль считает такие постоянные отношения суеверием, предрассудком, она свободно относится ко всем предметам, одинаково все подчиняет себе, делает предметом исследования, допрашивает каждое явление о причине и праве его бытия.

Чувство, например, определяет отношения к своему и чужому таким образом, что свое имеет право на постоянное предпочтение пред чужим; народы, живущие в период чувства, остаются верны этому определению, но постоянная верность ему ведет к неподвижности. Если народ способен вступить во второй период, или второй возраст, своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество жизни народов чужих,

опередивших в развитии, находящихся уже во втором периоде. Чувство старается сохранить установленные им отношения, и происходит борьба более или менее сильная, с более или менее сильными реакциями вследствие одностороннего, крайнего развития борющихся начал.

Мысль, выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных народов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов, покинув вопрос о своем и чужом, стремится переставить отношения на новых общих началах, но ее определения отношений не имеют прочности, ибо каждое определение подлежит в свою очередь критике, подкапывается, является новое определение, по-видимому более разумное, но и то в свою очередь подвергается той же участи. Старые верования, старые отношения разрушены, а в новое, беспрестанно изменяющееся в многообразные, борющиеся друг с другом, противоречивые толки и системы верить нельзя.

Раздаются вопли отчаяния: где же истина? Что есть истина? Древо познания не есть древо жизни! Народ делает последнюю попытку найти твердую почву; он бросает различные философские системы, не приведшие его к истине, и начинает преимущественно заниматься тем, что подлежит внешним чувствам человека: что я вижу, осязаю — то верно, вне этого верного ничего знать не хочу, ибо вне этого нет ничего верного, все фантазии, бредни.

Сначала это направление удовлетворяет, сфера знания расширяется, результат добывается блестящий, точные науки процветают, их приложения производят обширный ряд житейских удобств. Но это удовлетворение скоропреходящее.

Причины явлений по-прежнему остаются тайными; при исследованиях неизбежные беспрестанные ошибки; по-видимому, добыты богатые результаты, но в сущности добыта песчинка.

А между тем материализм и неизбежная притом односторонность, узкость, мелкость взгляда наводнили общество; удовлетворение физических потребностей становится на первом плане: человек перестает верить в свое духовное начало, в его вечность; перестает верить в свое собственное достоинство, в святость и неприкосновенность того, что лежит в основе его человечности, его человеческой, то есть общественной, жизни; является стремление сблизить человека с животным, породниться с ним; печной горшок становится дороже бельведерского кумира; удобство, нежащее тело, предпочтительнее красоты, возвышающей дух.

При таком направлении живое искусство исчезает, заменяется мертвой археологией.

Вместо стремления поднять меньшую братию является стремление унижить всех до меньшей братии, уравнивать всех, поставить на низшую ступень человеческого развития, а между тем стремление выйти из тяжкого положения, выйти из мира, источенного дотла червем сомнения и потому рассыпающегося прахом, стремление найти что-нибудь твердое, к чему бы можно было прикрепиться, то есть потребность веры, не исчезает, и подле неверия видим

опять суеверие, но не поэтическое суеверие народной юности, а печальное, сухое, старческое суеверие.

Но если таковы законы развития человеческого общества, то понятно, как должны относиться к ним историк и гражданин. Историк нечего плакать над тем, что народ живет высшею жизнью, развивается; что народ перешел из одного возраста в другой, из периода чувства в период мысли, точно так же как историк нечего и восторгаться при этом переходе, приветствуя сомнение как начало абсолютно высшего порядка; обязанность историка спокойно, с возможной многосторонностью следить за условиями жизни народа во всех ее возрастах, представляя каждое дело и каждого деятеля по отношению к тому возрасту народной жизни, в котором они совершались и действовали. Что же касается обязанностей гражданина к своему народу и государству, то они одинаковы с обязанностями человека к своему собственному телу, к своему здоровью.

Каждый человек знает, что он должен расти, мужать, стареть и, наконец, умереть, но это знание несколько не уменьшает его забот о том, чтобы прожить как можно долее и как можно долее наслаждаться хорошим здоровьем. Несмотря на то что наш век определен, человек, находясь и в старости, зная, следовательно, что конец близок, все же хлопочет о сохранении своего здоровья, о том, чтобы эта старость была крепкая и свежая. Так и гражданин просвещенный, зная по верным признакам, что народ его находится далеко не в юношеском возрасте, должен всеми силами содействовать тому, чтобы народ жил как можно долее, чтобы самая старость его как можно долее была крепка и свежа, тем более что пределы жизни народов не ограничены так, как пределы частных людей.

Зная, что в известные возрасты народной жизни господствуют известные начала и что от односторонности, исключительности их происходит вся беда, слабость и падение, просвещенный гражданин должен противодействовать прежде всего этой исключительности, односторонности, умерять одно начало другим, ибо от этого главнейшим образом зависит правильность отправлений народной жизни, здоровье народа, его долговечность.

Мы не имеем права придумывать особые законы развития народов, кроме известных законов развития отдельного человека и всего органического. Как не у всех людей развитие совершается правильно, не у всех духовное развитие совершается соответственно физическому, некоторые останавливаются на той или другой ступени, некоторые умирают преждевременно, или родясь слабыми, или встречая сильные препятствия укреплению своего организма; те же самые явления мы замечаем и в жизни народов.

Китайцев обыкновенно называют народом, остановившимся на известной ступени развития; но на какой? Вглядевшись внимательно, мы заключаем, что этот народ, несмотря на свою замкнутость, пережил оба возраста, или периода, и период чувства и период мысли, и теперь живет в старческом бессилии под господством материализма, с полным равнодушием к духовным вопросам, к вопросу религиозному. Религия для него есть нечто принятое, требуемое, с

одной стороны, как полицейское правило, с другой — как общественное приличие:

нельзя не исповедовать какой-нибудь веры, как нельзя ходить без платья по городу, платье не принимается здесь по отношению к удобству, к теплоте или холоду.

От религии китайцам ни тепло, ни холодно; они никак не понимают, как можно заниматься религиозными вопросами, тем более ссориться из-за них, разум выше всего, религий много, а разум один. "Тюрьмы, — говорят они, заперты днем и ночью, и между тем всегда полны народом; храмы постоянно открыты, и, однако, никого в них нет".

В Египте по крайней мере среди жрецов мысль, сомнение подточили древние верования, и египетский скептицизм был передан Греции, как мы видим у Геродота; египетские жрецы находились в таком же положении, как итальянские прелаты эпохи Возрождения: упитываясь новооткрытыми диковинами древней философии, прелаты не верили в христианские догматы, но требовали, чтобы народ оставался при прежней вере и при прежнем суеверии, потому что это давало доход перешедшим в другой возраст прелатам.

То, что дошло до нас из религиозных и космогонических систем Индии, есть результат философской работы, заканчивающейся буддизмом.

У другой отрасли арийского племени так называемое Зороастрово учение носит также философский характер и имеет значение реформы относительно старой религии. В греческой жизни, историю развития которой мы имеем большую возможность изучить, два возраста, или периода, обозначаются ясно, причем Персидские войны можно положить границей между ними, хотя историк вообще должен остерегаться настаивать на точности границ между двумя направлениями.

Мы видели, что сильное внутреннее движение и раннее столкновение с чужими народами, с образованными народами Азии и Африки содействовали скорому развитию греков, переходу из периода чувства в период мысли.

Мысль, разумеется, прежде всего остановилась на народных верованиях, отнеслась к ним критически и заявила о их несостоятельности, причем движение шло не из собственной Греции, а из азиатских колоний, а это свидетельствует, что причина явления заключалась в знакомстве с чужими религиозными и космогоническими воззрениями. Разноречивые философские системы привели к результату, выраженному Анаксагором: "Ничто не может быть познано; ничто не может быть изучено; ничто не может быть верно; чувства ограничены, разум слаб, жизнь коротка".

Такой взгляд в соединении с сильным развитием личности в Греции повел к учению так называемых софистов. Это учение обличает уже собственно греческое движение, европейскую почву, ибо прямо относится к жизни, к способу действия человека, к его нравственности. С таким же характером явилось противодействие учению софистов в школе Сократа, старавшейся установить поколебленную нравственную почву. Но это, бесспорно, самое высокое выражение греческой мысли не достигло своей цели, и новое философское движение окончилось скептицизмом, как старые школы повели к

учению софистов. Ища твердой почвы, греческая мысль обращается к видимой природе, наблюдает частности и от них восходит к общим выводам.

Гений Аристотеля освещает новый путь; оружие ученика его Александра Македонского открывает для греческой науки доступ в новые страны. Эта наука утверждает свое главное местопребывание в Древнем Египте, но в городе, построенном македонским завоевателем, в столице потомков одного из его полководцев. Наука в, своем новом направлении процветает при огромных средствах, данных ей Птоломеями, но это уже последняя вспышка угасающего пламени.

Греческий мир отживает; верный признак разложения — страшная безнравственность рядом с умственным развитием, с научными успехами. Птоломеи, которых за их покровительство науке некоторые писатели хотят считать самыми знаменитыми из древних государей, эти покровители науки и литературы и сами литераторы — один убивает своего отца и производит страшные неистовства в Александрии; другой обрубаёт голову, руки и ноги у своего сына и отправляет их своей жене и т. п.

В Риме Пунические войны можно отметить как время перехода из периода чувства в период мысли. Греки помогли римлянам совершить этот переход; духовные силы римлян развились немедленно под влиянием великих образцов, но это развитие, представляя уже осенний цвет, было современно со старческим одряхлением. В лучших и самых характеристичных произведениях римской литературы — в сатире и в страшных сказаниях Тацита — слышатся похоронные напевы.

Новый период народного развития совпадал с переходом от одних государственных форм к другим. Греческая наука, помогшая римлянину освободиться от старых верований и привязанностей, не указала ему новых крепких оснований, на которых бы он мог прочно перестроить свое старое государственное здание, греческая политическая жизнь, уже окончившаяся, не представила ему в этом отношении образцов.

Народы древнего мира, способные к развитию, закончили это развитие, отжили; всемирная империя Рима разлагалась; над трупами вились орлы; новые народы делили области империи; в этих областях нашли они новую религию.

При наших наблюдениях над исторической жизнью древних народов мы не останавливались еще на одном, который стоял нравственно совершенно одиноко среди других народов, хотя внешним образом находился в беспрестанном столкновении с ними, стоя на дороге их движений: то был народ еврейский. Причина его нравственной одиночества заключалась в резком религиозном различии от всех других народов.

Среди всеобщего политеизма еврейский народ сохранял веру в единого Бога, свободно сотворившего все существующее и свободно им управляющего; от дуализма, от признания двух начал, доброго и злого, от мучительной работы мысли над объяснением происхождения зла еврейский народ был освобожден священным преданием, что зло явилось вследствие свободной воли человека, могшего противопоставить свою волю, свою самостоятельность исполнению воли Божией, совершенному преданию себя в руководство Божие.

Непослушание, следствие сомнения, недоверия к словам Божиим, есть падение человека; следовательно, неверие есть падение, есть источник греха, зла, смерти. Бог обещал падшему человеку Избавителя от греха и зла, от смерти в его собственном потомстве; народ, из которого должен явиться Избавитель, есть народ еврейский. Человек, от которого этот народ ведет свое происхождение, Авраам, покидает свою страну, свой род, потому что он хранит веру в единого Бога, тогда как все вокруг него, собственный его род, заражены многобожеством.

Адам пал от неверия; никакие искушения не могут поколебать веры Авраама; Адам пал от непослушания; Авраам готов из послушания принести в жертву единственного сына. У каждого народа свой бог, свои боги; Авраам хранитель веры в единого Бога, единого для всего человечества, и потому он есть отец всех верующих; он относится ко всем народам, о семени его благословятся все народы, и это отношение Авраама высказывается в горячем сочувствии его к чужим народам в знаменитой молитве его, чтобы Бог пощадил виновные города.

Авраам движется с востока на запад, в те страны, где пришельцу и с небольшим родом, окруженному небольшим числом зависимых людей, можно было найти безопасное существование, именно в те страны, где обиталища уже усевшихся народцев граничат с пустыней, убежищем кочевников. Авраам, его сын и люди ведут полукочевую, полуоседлую жизнь, находят приют в чужих городах, ибо род не размножается; напротив, Авраам расходится с племянником Лотом вследствие размножения стад и ссор между пастухами; Исаак расходится с братом Измаилом, Иаков — с братом Исавом — примеры, что родовые столкновения и распри уничтожались расходом членов рода вследствие простора, возможности разойтись.

С Иакова начинается размножение рода; у него двенадцать сыновей, но голод и судьба одного из сыновей Иакова побуждают старика со всеми своими переселиться в Египет. Здесь потомство Иакова чрезвычайно размножается.

Это размножение становится подозрительно владельцам Египта, которые начинают истощать евреев тяжкими работами, принимают меры, чтобы остановить их размножение, приказывают повивальным бабкам умерщвлять младенцев мужского пола. Такие страшные притеснения должны были возбудить в евреях чувство национальности и особенности, основанной на религии отцов, вере в единого Бога, столь противоположной бесконечному многобожию египетскому, и в это время евреи получают боговдохновенного вождя, который выводит их из Египта.

Этот вождь-избавитель, Моисей, не похож на других вождей народных: он вовсе не герой, могучий физической силой, самый храбрый из храбрых. Сила Моисея чисто нравственная; первое дело его — дело патриота, следствие бессознательного порыва, дело тайное, непризнанное. Услыхав призывание Божие, Моисей прежде всего сомневается в своих способностях к великому делу, на которое призывается, выставляет свой важный физический недостаток как сильное препятствие к налагаемому на него посланничеству.

Моисей силен только нравственно, силен силой Божией. Моисей не герой, не царь и не первосвященник, он первый пророк, первообраз целого ряда пророков, выставленных еврейским народом и составляющих отличительное явление его народной жизни. Колено, из которого происходил Моисей, получает для себя потомственное священство, но независимо от этого священства из среды народа появляются вдохновенные проповедники, учение которых имеет целью поддержать чистоту религии и нравственности. Таким образом, высшее, так сказать, звание в народе сохраняется свободным от сословий и учреждений и теократия еврейская держится не левитством, а пророчеством; колено Левино не сосредоточивает в себе ни политической силы, ни знаний священного и мирского.

За вождем, выведшим евреев из Египта, давшим писанный закон и богослужение, следовал вождь-завоеватель, Иисус Навин, покоривший для евреев землю Обетованную.

За вождем-завоевателем следовал ряд вождей-защитников, ибо евреи были окружены врагами, которым не могли с успехом сопротивляться вследствие внешнего политического разъединения, отсутствия общей власти, а силы нравственные, духовные ослабели, ослабела вера в единого Бога и в Его непосредственное руководство, зараза идолопоклонства распространилась; в злой усобице целое колено Вениаминово было истреблено.

"В это время,- говорит летописец, — не было царя у израильтян и всякий делал все, что хотел". Духовные силы ослабели, но не иссякли; пророчество, не ограничивавшееся мужеским полом, спасало народ в самые тяжкие времена.

Двадцать лет северные колена находились под игом хананеев, когда пророчица Дебора, имевшая и значение судьи, призвала к оружию Варака, который победами своими и свергнул иго. Из этих вождей-защитников всего легче было явиться царю; одному из них, Гедвону, уже предлагали царство, но он отказался по нравственным, религиозным побуждениям.

И сказали израильтяне Гедвону: "Владей нами ты и сын твой, и сын сына твоего, ибо ты спас нас из руки мадианитян". Гедвон сказал им: "Ни я не буду владеть вами, ни мои сыны не будут владеть вами; Иегова пусть владеет вами". Сын Гедвона Авимелех составил себе дружину из всякого сброда, перебил почти всех своих братьев и образовал себе маленькое царство в Сихеме, но он был убит при осаде одного города. В другом вожде защитнике, Иевфае, "Книга Судей" указывает нам также вождя сборной дружины.

Эти известия, сохранившиеся в исторических книгах евреев, драгоценны для нас: они объясняют быт древних народов, находившихся, подобно евреям описываемого времени, в переходном состоянии, указывают на известный повсюду способ образования дружин, вожди которых своими подвигами, защитой мирных жителей от врагов приобретали власть. Иевфай был сын наложницы; братья, родившиеся от законной жены отца его, прогнали Иевфая, сказавши ему: "Ты не наследник в доме отца нашего, потому что ты сын другой женщины". Иевфай убежал от братьев своих и жил в земле Тов; и собрались к Иевфаю праздные люди и ходили с ним. Спустя несколько времени аммонитяне пошли войной на Израиля. Пришли старейшины галаадские к Иевфаю и

сказали: "Для того мы теперь собрались к тебе, чтоб ты пошел с нами, и сразился с аммонитянами, и был у нас начальником". И сказал Иевфай старейшинам галаадским: "Если вы опять возьмете меня, чтоб сразиться с аммонитянами, и Господь предаст мне их, то останусь ли я у вас начальником?" Старейшины галаадские сказали Иевфаю: "Господь да будет свидетелем между нами, что мы сделаем по слову твоему!" Иевфай пошел со старейшинами галаадскими, и народ поставил его над собой начальником и вождем.

Ни один из этих вождей-защитников, пользовавшихся в мирное время значением начальников народных, или судей (суффетов), не достиг царского достоинства, не передал своего значения детям. Перед концом этого переходного времени в истории евреев мы видим любопытное явление, какое видели вначале: как прежде женщина, пророчица Дебора, была судьей, так теперь судьей становится человек божий, или пророк, Самуил, успевший одними нравственными средствами поднять народ после тяжелых поражений от внешних врагов. "И была рука Господня на филистимлянах во все дни Самуила. И был Самуил судьей Израиля во все дни жизни своей, из года в год он ходил и обходил Вефиль, и Галгал, и Масафу; и судил Израиля во всех сих местах; потом возвращался в Раму, ибо там был дом его, и там судил он Израиля". Уже готовилась наследственность судейского звания: состарившись, Самуил поставил сыновей своих судьями над народом.

Но Самуил создал свое значение единственно нравственными средствами; сыновья его могли удержать это значение в своем доме только нравственными же средствами; наоборот, "сыновья его не ходили путями его, а уклонялись в корысть, брали подарки и судили превратно. И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: "Вот ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; и так поставь над нами царя, чтоб он судил нас, как у прочих народов, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши".

Евреи получили царя; цари ходили пред ними и вели их войны, но успех этих войн зависел от внутренних, нравственных причин, смотря по тому, царь был ли привержен к отрезвляющей религии предков или заражен расслабляющей религией окрестных народов, пропаганда которой по-прежнему велась сильная обычным путем, через женщин. И по-прежнему против царей, преданных финикийскому идолослужению, ратуют пророки.

Самым блестящим временем в истории евреев было царствование второго царя, Давида, вначале знаменитого героя, вождя дружины, изгнанника и предводителя изгнанников и недовольных, добывшего царство с бою. Всегда верный Иегове и в этом отношении не нуждавшийся в увещаниях пророков, Давид иногда поддавался искушениям власти, и тогда пророк являлся перед ним с напоминанием о преступлении и наказании. Сын Давида премудрый Соломон не может противостоять женской пропаганде и строит храмы чуждым божествам.

После его смерти политическое единство еврейского народа рушится; среди него является два царства, и одно из них, Израильское, подвергается преимущественно заразе идолопоклонства, почему в нем и видим самую

сильную борьбу между царями-отступниками и пророками. Борьба кончилась не победой пророков, и оба еврейские царства были поглощены тигро-евфратскими монархиями. Плен на чужой стороне, плен вавилонский, как прежде тяжелое положение в Египте, подняли еврейскую народность и ее основу, религию Единого.

По возвращении из плена евреи не служат чужим богам, пророков нет, но евреи ждут с нетерпением исполнения старых пророчеств, ждут Избавителя.

Избавитель явился: Он был потомок Авраама, но Аврааму было обещано, что о семени его благословятся все народы земные; и ученики Иисуса Назорейского несут весть избавления ко всем народам. История евреев становится священной историей народов.

Много было говорено о причинах успеха христианской проповеди, причинах сверхъестественных и естественных. Говорить о первых не входит в круг нашей специальности, а много распространяться о вторых не считаем нужным. Для правильности и точности наших наблюдений мы должны смотреть на христианство как на религию и наблюдать, во сколько оно удовлетворяет религиозному чувству.

Доказывать превосходство христианского нравственного учения нет надобности:

оно очевидно. Возражения против христианства имели вовсе не здесь свой источник. Если бы христианство было только нравственное философское учение, то оно не встретило бы никаких возражений со стороны так называемых философов, людей, пишущих философию истории. Но христианство есть религия, и борьба против христианства есть борьба против религии вообще.

Религия обнимает отношения человека к Богу, отношение двух миров, видимого и невидимого; следовательно, необходимо условливает такую сторону, которая не прилаживается к обычным человеческим отношениям, человеческим средствам по различию природы двух миров, двух существ, которые приходят здесь в соотношение.

Религиозный человек требует непосредственного влияния Высшего Существа на определение отношений между ним и собой, и потому необходимо подчиняться условию принимать такие явления, которые для него непостижимы или исходят совершенно из другого мира, от существа другой природы. И мало того, что религиозный человек подчиняется этому условию, он его требует как доказательство правильности и прочности своих отношений к Божеству, как доказательство, что действительно само Высшее Существо определило эти отношения: отсюда необходимость положительной религии.

Религиозное чувство утверждается на неверии — на неверии в средства человека, в средства его разума, неверии, основанном на ежедневном и вековом, вечном опыте. Религиозный человек есть человек положительный, который не может стоять на колеблющейся, изменяющейся почве; который не может успокоиться на вере в бесконечный прогресс, то есть на вере в бесконечное несовершенство, бесконечные ошибки, необходимо предполагаемые бесконечным прогрессом; не может успокоиться на этой вере уже и потому, что

в основании ее видит одно предположение постоянно выгодных условий для явления, предположение произвольное, не утвержденное на точных наблюдениях.

Человек нерелигиозный не верит в так называемые сверхъестественные явления, необходимые для положительной религии, требующей непосредственного участия Божества в ее установлении; он верит в средства человека, в его разум.

Человек религиозный принимает сверхъестественные явления, требует их именно потому, что не верит в человеческие средства, в средства разума человеческого.

Таким образом, мы имеем дело с двумя верами и с двумя невериями.

Христианство при своем появлении подействовало быстро на религиозных людей: они стали обращаться к нему толпами, покидая старые положительные религии, подготовленные скептицизмом как относительно существующих религиозных верований, так и относительно человеческих средств достигнуть религиозной истины. Христианство обратилось к самым чистым, самым высоким побуждениям человеческой природы, к самому могущественному чувству, связующему людей, к чувству любви.

Вместо божества физического, совершенно чуждого, природой своего не могущего внушить сочувствия, вместо божества человекообразного, униженного до всех слабостей человеческих и потому оскорблявшего нравственное чувство, христианство проповедовало существо совершеннейшее и требовавшее нравственного усовершенствования от человека, существо отдельное и независимое от творения, но близкое к человеку, связанное с ним любовью, определяемое как любовь.

Но это определение не есть простое слово: установление религиозного отношения есть акт любви, в котором высказалось существо Бога. Религиозное отношение устанавливается, высокое учение проповедуется не посредством простого человека:

Слово Божие, посредство религиозного союза не в книге, не в устах простого человека, это Сын Божий, воплотившийся, пострадавший, умерший для спасения людей.

Люди религиозные находят наконец себе настоящего Бога, Которого могут любить "всем сердцем, всей душой, всей мыслью", ибо этот Бог есть любовь, высказавший свое существо в деле искупления. Человек сознает различие между добром и злом: "язычники являют дело законное, написанное в сердцах своих"; дело религии очистить, направить, заставить сознание принести плод, родить дело, заставить человека принести жертву Богу; а жертва без огня не приносится, и доброе дело без побуждения не делается; побуждение же должно быть чистое и святое, такое побуждение есть любовь.

Отличительная черта религиозного человека есть сознание своей слабости, греховности, падения, невозможности нравственного очищения собственными средствами, и христианство вполне удовлетворяет ему учением об искуплении.

Христианство вполне успокаивает религиозного человека, потому что ставит наивысшее основание нравственности — любовь, основание

незыблемое, вечное при всевозможных изменениях отношений между людьми, при всевозможных изменениях политических форм, на всевозможных ступенях цивилизации; христианство ставит общество, члены которого любят друг друга, как каждый из них любит сам себя.

Религия может измениться, когда человечество перерастет этот идеал, потребует идеала высшего, но так как это немислимо, то для религиозного человека христианство есть религия вечная. Обращаясь же к его началу, он успокаивается тем, что оно находится в самой тесной связи с религией народа, который один из всех народов исповедовал единобожие, главное явление в истории которого есть борьба внутренняя и внешняя за поддержание единобожия против господствующего во всем мире многобожия. Этому-то народу, которого история есть необходимо история религиозная, священная, был обещан Тот, Которого христиане признают своим Богом Искупителем, и, таким образом, оба откровения, оба завета находятся в необходимой связи.

Для объяснения успехов христианства говорят о приготовлении к нему человечества посредством философии, которая подкопала многобожие, проповедовала единобожие и некоторые другие истины, вошедшие в круг христианского учения. Но историк обязан прежде всего различать эти две сферы — философскую и религиозную; истина философская достигается холодным умственным процессом; истина религиозная усваивается горячей восприимлемостью чувства. Философское учение по природе своей есть достояние немногих. Если некоторые из этих немногих приняли христианство и защищали его своими средствами, то другие их собратья явились злыми врагами христианства.

Явление обращения философов в христианство показывало только, что умственная развитость, соединенная с обширными познаниями, не исключает религиозного чувства; тогда как люди нерелигиозные, безусловные поклонники разума человеческого, веровавшие единственно в его средства, относясь презрительно и враждебно ко всякой религии, отнеслись точно так же и к христианству. Таким образом, если бы философия и могла приготовить к христианству, то — ничтожное число людей религиозных и вместе знакомых с философскими учениями.

Но мы знаем, что христианство явилось среди народа, знаменитого своей религиозностью, но нисколько не знаменитого развитием философии, науки вообще, — народа, который "знамения просил, а не премудрости искал", и в этом-то народе христианство проповедовалось и принималось среди людей самых простых, у которых уже никак нельзя предположить философского приготовления.

По выходе христианства из еврейского народа во все концы вселенной мы видим то же самое явление: к нему обращаются толпами люди простые, в которых также нельзя заподозрить философского приготовления; наконец, к нему обращались целые народы грубые, варварские, и это обращение всего лучше показывает, что для успехов христианства вовсе не нужно было философского приготовления.

Сами проповедники христианства вполне сознавали, что проповедуемое ими учение не может ничем польстить эллина, ищущего премудрости, что их учение есть для него безумие; они знали, что и среди евреев, просящих знамения, для многих распятый Христос будет соблазном, но они знали, что учение о Боге, страдающем и умирающем за человечество, потрясет религиозные души среди того и другого народа и явится для них учением о Божьей силе и Божьей премудрости.

Сила учения высказывалась в его проповедниках: пророки с пламенными, жгучими речами, некогда являвшиеся среди одного народа израильского, теперь являются всюду и мученичеством запечатлевают свою любовь к Богу и людям, свои убеждения в истине проповедуемого учения.

Странно толковать о том, какие нравственные явления произвело христианство, какие безнравственные явления заставило исчезнуть: по своей сущности, любви христианство облегчало, возвышало и очищало всякое человеческое отношение без исключения, давало нравственную подготовку к уничтожению всякого безнравственного явления и во время его существования ослабляло его действия. Писатели, недостаточно внимательные к последовательности христианских отношений, вытекающих из сущности христианства, обыкновенно распространяются о том, что христианство, отвлекая внимание своих последователей от интересов здешней, земной жизни к интересам жизни загробной, ослабляло в них патриотизм, сознание обязанности защищать отечество, сражаться за него; религия мира и любви, говорят, должна была отвращать от войны и не очень уважительно смотреть на воинскую доблесть.

Но что предписывает христианство своим последователям? Любовь к ближнему не на словах, а на деле, увенчание этой любви пожертвованием жизнью своей.

На ближнего нападают — обязанность христианства защищать его до последней капли крови; другое требование христианства — исполнять свято всякую порученную обязанность, служить верно и усердно предержавной власти; совокупность этих требований — необходимо делать из христианина самого доблестного воина.

Доказательство налицо: народы, начавшие новую, христианскую историю Европы, разве отличались недостатком воинской доблести? Скажут: это качество лежало в их природе; но в таком случае нечего говорить о влиянии христианства, если оно не могло противодействовать этой природе. Доказательство налицо, когда в числе святых, особенно чтимых нами, монахов, священников и людей, исполнявших разные гражданские должности, находятся воины (Георгий, два Феодора, Иоанн, Димитрий и др.). Доказательство налицо, когда у христианских народов вкоренено верование, что воины, падшие на поле битвы, венчались венцами мученическими.

Уклоняясь от кидаемого в глаза доказательства воинской доблести новых христианских народов, обращаются ко временам падения Римской империи, указывают здесь на отсутствие патриотизма, воинской доблести и

приписывают эти явления влиянию христианства, которое будто бы влекло своих последователей в пустыню, к жизни отшельнической.

Но слово "патриотизм", когда говорится о временах падения Рима, вызывает улыбку: какой патриотизм мог быть среди этой кучи народов, насильственно подчиненных одному городу? Какое чувство преданности могло питать народонаселение отдаленных провинций к этому городу, от которого, кроме угнетения, нечего было ждать провинциалам? Каким римским патриотизмом могли быть наполнены разноплеменные жители провинций, когда этого патриотизма давно уже не было в самом Риме, ибо давно не было более тех отношений, которые заставляли древних, истых римлян так храбро защищать свое орлиное гнездо, хотя уход плебеев на священную гору показывает, что всему бывает своя мера и предел, даже и хваленому римскому патриотизму.

Причины падения Римской империи были все налицо при самом ее начале, когда Рим утратил свои прежние правительственные формы, следовательно, задолго до объявления христианства господствующей религией в империи. Но почему же, скажут, христианство, распространившись, не возбудило нового гражданского духа, патриотизма в народонаселении империи? Повторяем, что нечего было возбуждать, ибо римского патриотизма не могло быть у разноплеменных народов, входивших в состав империи: Рим не был отечеством для галла, испанца, нумидийца, грека, пафлагонянина и т. д.

Страны и народы приготавливались жить своей особой, следовательно, независимой жизнью; каждый народ готовился приобрести отечество и питать к нему известное чувство, которое мы называем патриотизмом и которое христианство готово было освятить; железо же римской власти, вязавшее народы, давно перержавело.

С другой стороны, кто же предполагает, что с того времени, как христианство было объявлено господствующей религией империи, все подданные империи сделались вдруг истинными христианами? Люди, согнившие от нравственных язв империи, продолжали оставаться в этом печальном состоянии, не могли вдруг подвергнуться благотворному влиянию христианства, ибо приняли его чисто внешним образом; людей же, принявших его по убеждению и готовых приводить в исполнение его правила, было немного, и хотя бы они все стали воинами, не могли удержать от падения гнилого, разваливающегося под тяжелыми ударами свежих, сильных народов здания империи.

Вот то небольшое, что мы должны сказать вообще о христианстве; но так как мы теперь приступаем к наблюдениям над исторической жизнью христианских народов, то понятно что мы постоянно должны будем обращаться к подробностям влияния христианства на эту жизнь.

Часть вторая НОВЫЙ МИР

1. ВАРВАРЫ

При изучении истории Греции мы замечаем, что важнейшие явления, изменявшие этнографический и политический вид страны, происходили вследствие движения народонаселения с севера на юг. Греция теряет свою независимость вследствие усиления на севере полуварварского, полугреческого государства Македонского.

Рим, уже сильный среди городов и народов Италии, едва не погиб вследствие движения варваров с севера, галлов. Римская империя распалась вследствие более сильного и постоянного движения других северных варваров — германцев.

Рим в период своего роста, усиления вел две самые крупные и опасные борьбы: с карфагенянами на юге и галлами — на севере.

Обе борьбы имели одинаковый ход: сначала страшная опасность грозила Риму (который, по выражению Саллюстия, боролся с галлами не для славы, а за существование), но после он оправлялся и покорял своих врагов. Мы должны обратить внимание на этих галлов, которые своими нашествиями наводили ужас не на один Рим, но и на Грецию, и на Азию; это было племя, сплошную массу раскинувшееся на огромных пространствах древней Европы, племя, которое послужило основой для народов и теперь имеющих важное значение; наконец, это племя и в древние времена в своем языческом и варварском быте представляет черты, любопытные для наблюдателя исторической жизни народов.

Галлы, или кельты, принадлежали, подобно пелазго-эллинам и италийцам, к арийскому племени; но когда и как явились они в Европу? Принимая в соображение естественное, необходимое стремление переселяющихся народов занимать лучшие по природным условиям страны, наконец, принимая в соображение постоянное движение европейских народов с севера на юг, совершавшееся на памяти истории, мы должны принять, что при движении арийских племен в Европу были прежде всего заселены три южных полуострова — Балканский, Апеннинский и Пиренейский — с посредствующими между ними приморскими частями, как, например. Южная Галлия.

За этим первым движением арийских племен, которому Греция, Италия и Испания обязаны своим населением, следовало второе, движение кельтов, которые, найдя Южную Европу уже занятою, должны были остановиться в западных частях Средней Европы, хотя не остались здесь в покое, но делали сильные и небезуспешные попытки пробиться и на заветные полуострова Южной Европы:

так, они пробились в Испанию и после долгой борьбы с ее первоначальными насельниками, иберами, смешались с ними; они пробились и в Италию и заняли значительную ее часть.

Третьим движением арийских племен в Европу было движение славян, которые, найдя Южную Европу и западные части Средней занятыми, должны были поселиться в лучшей из остальных частей, в области Дуная и окрестных землях. Четвертым движением арийских племен надобно отметить движение литовское, и пятым — движение германцев, которые, не имея возможности в первое время потеснить племена, прежде пришедшие, и пробиваться чрез них, должны были чрез области нынешней России, редко населенные финнами, двигаться на северо-запад преимущественно, разумеется, великими водяными путями, Днепром и также водами озерного пространства, в Балтийское море, населять Скандинавский полуостров и оттуда, побуждаемые увеличившимся народонаселением, двигаться далее на юг.

Мы употребляем здесь эти известные названия — кельты, славяне, литовцы, германцы условно, обозначая ими известные части европейско-арийского населения, явившиеся одни за другими в известных местностях, но мы не можем определить, когда началось между ними то различие, с каким мы теперь представляем себе племена — кельтическое, славянское, литовское, германское.

Хотя, разумеется, обособление этих частей арийского племени в различных местностях Европы должно было с самого начала повести к образованию племенных особенностей, отразившихся на языке, но мы не можем определить, с какого времени эти особенности становятся резки, с какого, например, времени кельты, славяне, литва, германцы, то есть арийцы с берегов Луары и арийцы с берегов Дуная, арийцы из Ютландии и арийцы с берегов Вилии, перестали понимать друг друга. Надобно положить, что это явление произошло очень не скоро, принимая в расчет продолжительное пребывание их в самых простых формах быта. Когда они на памяти истории начали сталкиваться, то понимали ли они при этом друг друга — мы этого не знаем.

Сами они ничего о себе не сказали, это были народы-дети, еще не говорящие (*infantes*). Народы возрастные, имевшие с ними дело, плохо различали их по племенам; отсюда и для нас мало возможности достигнуть этого различения; отсюда скудные результаты многочисленных исследований о племенных границах под руководством языка, названий местных и личных; пойдет исследователь искать кельтов — и везде их найдет; то же случится и с тем, кто пойдет искать славян, и с тем, кто пойдет искать германцев, уже не говоря о необходимых при таком искании натяжках.

Слово звучит прямо из известного языка, например славянского, по-видимому, можно успокоиться; но как узнать, в какое время это слово исчезло из языков кельтических и германских и стало исключительно собственностью славянских?

А без этого знания какое ручательство для исследователя, что он действительно попал на следы славянского племени? Наконец, смуту

увеличивает заимствование слов, особенно собственных имен, одним народом или племенем у другого, что мог легко замечать Иорданд в VI-м веке.

Само собою разумеется, что мы должны забыть ненаучные побуждения, которые иногда заставляли исследователя стараться доказать древность пребывания известного племени в Европе, как будто бы такое доисторическое или неисторическое существование могло что-нибудь прибавить к истории народа, как будто бы европейская почва сама по себе давала какое-то благородство народам. Но если между арийскими племенами, позднее прибывшими в Европу и населившими ее средние и северные части, трудно провести резкую границу (в чем, разумеется, виноваты народы образованные, оставившие нам известия о них, греки и римляне, не отличавшиеся точностью своих показаний относительно главного племенного отличия, языка), то резко отличались эти арийские племена Средней и Северной Европы от своих собратий, прежде них пришедших в Европу и занявших южные ее оконечности; это различие кроме языка заключалось во внешнем виде и образе жизни.

Обитатели трех южных полуостровов отличались сухощавостью, смуглостью, черными волосами и небольшим ростом; племена, жившие к северу от них, отличались белизною кожи, белокурыми волосами, высоким ростом и вообще массивностью тела.

Что касается быта племен, то относительно галлов мы имеем дело с народом, который не успел основать сколько-нибудь крепкого государственного тела ни в границах целого племени, ни в границах известных частей его, несмотря на долговременное пребывание галлов в одних и тех же странах.

Хотя Цезарь, главный источник наш относительно быта галлов, делит всю независимую Галлию на три части, из которых одну населяют белги, другую аквитаны, третью — по-туземному кельты, а по-латыни галлы, и все эти три части народонаселения Галлии отличаются языком, учреждениями, законами, но, к сожалению, не говорит ни слова, в чем именно состоит различие, а там, где говорит об учреждениях (*instituta*), употребляет выражения: в Галлии, во всей Галлии. Это ведет к заключению, что в главных чертах быта не было различия между белгами, аквитанами и собственно галлами, различие заключалось в некоторых второстепенностях, о которых Цезарь не нашел случая говорить.

Мы получаем первые известия о галлах как о народе воинственном, толпы которого выходят из своей страны для занятия или опустошения других стран.

Потом известия об этих движениях галльских на значительное время прекращаются и начинается движение против галлов с двух сторон: со стороны цивилизованного Рима и со стороны варваров, германцев, вследствие чего быт галлов вскрывается.

Что же мы видим?

Мы видим страну, населенную множеством народцев, из которых сильнейшие стремятся подчинить себе слабейшие. Еще несколько времени свободного, беспрепятственного внутреннего движения, и, быть может, один народ подчинил бы себе все другие и создалось бы сильное, сплоченное государство, залог независимого существования.

Но движение сильных врагов с двух сторон застало в Галлии дело объединения только в зародыше; слабая своим разъединением и внутреннею борьбою, происходившею вследствие начавшегося стремления к объединению, Галлия не могла противиться и скоро полегла перед сильнейшим из двоих врагов, какими были римляне.

Если мы в истории галлов встречаем сильные воинственные движения вначале и потом сменившие их внутренние войны, усобицы, то уже заключаем, что из народной массы выдавались люди, более способные к воинским подвигам, и народонаселение разделилось на две части — вооруженную и невооруженную, причем первая должна была получить господство над второй, кормиться на ее счет. Храбрейшие, военные вожди получают все значение, ибо при условиях общественной неразвитости или варварства власть принадлежит материальной силе, приобретается насилуем. Храбрый вождь окружается толпою подобных ему храбрецов, которые под его знаменем ищут добычи и власти.

Этот союз между вождями и дружиною основан на взаимной помощи и защите; вожди в челе дружин своих начинают усобицы с целью приобретения большей силы и богатства; сильные борются друг с другом — горе слабым! Они спешат приобрести безопасность, отдаваясь в покровительство сильных, и закладничество или клиентство развивается в чрезвычайной степени.

Сказанное нами представляет явление, общее в жизни народов. Для проверки приложим его к галлам, к их быту, как он описан у современников. По Цезарю, во всей Галлии имели значение только два класса людей — жрецы (друиды) и благородные, или всадники (*nobiles, equites*); что же касается до остального, низшего народонаселения, то оно было на рабском положении (*paene servorum habetur loco*), не смея ничего предпринять сами по себе, не участвуя ни в каком совещании. Многие, удрученные долгами и тяжестью податей или притесняемые сильнейшими, отдавались в рабство благородным, которые получали над ними все те права, какие господа имели над рабами.

"Чем знатнее и богаче кто из всадников, тем большим числом амбаков и клиентов окружен он", — говорит Цезарь. Амбактами, или солдурами, назывались дружинники, преданные вождю до такой степени, что не соглашались переживать его. Под клиентами надобно разуметь таких закладчиков, которые хотя были сами из всадников, имели собственность, свое хозяйство, но для приобретения безопасности, защиты закладывались за сильнейших, и, наконец, третий род зависимых людей представляли указанные выше люди из черни, которые по отсутствию средств к самостоятельной жизни шли в услужение, в рабство к богачейшим. Это явление объясняется совершенно нашим древнерусским холопством, а клиентство — закладничеством.

Таким образом, в челе каждого галльского народца стояла шляхта (*nobiles, equites*), окруженная большим или меньшим числом амбаков и клиентов, имевшая более или менее холопов и рабов, ибо войны внешние и внутренние, также и купля доставляли не добровольных рабов, которых мы отличаем от холопей как отдавшихся сами собою в рабство, по свидетельству источников.

Между шляхтою было несколько людей, несколько фамилий богаче, сильнее, чем другие, набольшие, главные, князья, *principes*, как их называет Цезарь.

Низшая, невооруженная часть народонаселения, *plebs*, не допускалась ни до какого совещания (*nullo adhibetur concilio*), следовательно, сеймы составлялись из одной шляхты; кроме сеймов или совещаний, где присутствовала вся шляхта, был постоянный совет, который Цезарь по-своему называет сенатом, а членов его — сенаторами. Избирались ли эти сенаторы и как избирались — ничего не известно. Можно только видеть отношение числа так называемых сенаторов к остальному народонаселению; галльский народец, нервии, потерпевши от римлян страшное поражение, прислал к Цезарю с покорностью, и послы, описывая несчастное положение своего народа, говорили, что из 600 сенаторов осталось только трое и из 60 000 способных носить оружие осталось только 500 человек.

У венетов Цезарь перебил всех сенаторов, а остальных продал в рабство; из этого видно, что Цезарь смотрел на сенаторов как на вождей народных, от которых исходило сопротивление; видно, что между сенаторами были люди самые значительные и по материальным средствам, и по личным способностям.

Во время той же войны Цезаря в Галлии случилось, что некоторые народцы истребили своих сенаторов за то, что те не хотели восстания против римлян.

Наконец, приводится обычай, по крайней мере у некоторых галльских народцев, по которому не позволялось заседать в сенате двоим членам одной и той же фамилии.

Кроме сенаторства была высшая власть, которою облакался один человек; эта власть не совсем ясно, как видно, представлялась Цезарю, и потому он употребляет для нее неопределенные выражения: верховная власть (*summa imperii*), главное начальство (*principatus, magistratus, summus magistratus*). За эту-то верховную власть, которою известное лицо облакалось только на один год, шла обыкновенно борьба между сильнейшими людьми в народце, образовывались партии. Сильнейший клиентством и связями с другими сильными людьми побеждал, становился главным лицом в народе и, не довольствуясь таким коротким сроком власти, одним годом, стремился к власти более продолжительной и крепкой, к власти царской.

Цезарь, указывая у некоторых народцев высших начальников и обозначая их власть приведенными выше именами, у других прямо указывает царей (*reges*) и приводит также случаи, когда люди, достигшие принципата, стремились стать царями, но были умерщвляемы. "У карнутов был знатнейший человек Тасгетий, которого предки были царями у этого народа (*regnum obtinuerant*). Этому Тасгетию Цезарь за его храбрость и доброе расположение к себе, ибо во всех войнах пользовался особенным его содействием, возвратил достоинство предков.

Он уже царствовал третий год, как был убит врагами".

У сенонов Цезарь дал царское достоинство (*regem constituit*) Коварину, которого брат и предки были царями, но Коварин, узнавши, что его хотят убить, бежал. Целтилий из народа арвернов достиг принципата всей Галлии, по

выражению Цезаря, но был убит своим народом за то, что стремился к царской власти. Каким образом Целтилий мог приобрести принципат всей Галлии — неизвестно; по всем вероятностям, это выражение преувеличенное.

В рассказе Цезаря о переселении гельветов упоминается о зачинщике дела Оргеториксе, у которого было до 10 000 людей, находившихся от него в разных степенях зависимости и которых Цезарь, по римским понятиям, называет его фамилиею (*familia, famuli, servi*). Могущественный Оргеторикс стремится к верховной власти и побуждает к тому же сильных людей и у других народов галльских: у сенонов Кастика, которого отец много лет владел царством (*regnum obtinuerat*); у гэдоев Думнорига, который тогда держал принципат у своего народа и был любим низшею частью народонаселения (*plebi acceptus erat*).

Это последнее известие показывает нам общее явление, что люди, домогающиеся верховной власти, опираются на низший слой народа.

Несмотря на краткость, недосказанность, неточность известий о галлах, мы, соблюдая крайнюю осторожность, можем вывести заключение, что имеем дело со множеством народцев, не связанных друг с другом никакою политическою связью. При общей опасности почином одного или нескольких энергических лиц могли образовываться союзы, могла поручаться военная власть одному вождю, но эти союзы заключались на международных началах; заключавшие эти союзы народны давали друг другу заложников, или аманатов, по обычаю, господствующему у варварских народов.

Внутри каждого народца видим господство вооруженной части народонаселения над невооруженною, которая находится в ничтожном и бедственном положении.

Сильнейшие из вооруженного сословия ведут друг с другом борьбу за верховную власть; безопасности для слабейших нет, и потому господствует закладничество слабейших за сильнейших, закладничество в разных видах, смотря по тому, каково значение захребетника или клиента. Но закладничество вело к новым столкновениям, к новой борьбе, ибо выгода и честь патрона требовала не выдавать своего клиента ни в каком случае. Стремление сильнейших, добившись до принципата, сделаться царем обыкновенно не увенчивалось успехом: обыкновенно честолюбцы платили за него жизнью. Отношения, господствовавшие между шляхтою в отдельных народцах, повторялись и в отношениях последних друг к другу.

При борьбе народцев друг с другом за власть, за усиление слабейший народец входил в клиентские отношения к сильнейшему.

При таком хаотическом состоянии галльских народцев, при постоянной борьбе их друг с другом и при борьбе внутри каждого народца между сильнейшими из шляхты, когда при всяком столкновении интересов дело решалось силою, когда обиженным негде было искать суда, общество по естественному и необходимому стремлению к выходу из такого положения вызывает силу особого рода, силу нравственную, нужную для установления некоторого порядка и единства, для суда, для решения дел человеческими, а не

животными, насильственными средствами, — одним словом, общество для выхода из хаотического состояния вызывало жреческую власть.

Галльские кудесники, или волхвы, люди, славившиеся знанием вещей, которым не обладали остальные, воспользовались благоприятными обстоятельствами для приобретения жреческого значения, значения истолкователей высшей воли, способных произнести правый приговор и принести умилоостивительную, угодную богам жертву. Во всех странах, где после героического периода между народонаселением, живущим на больших пространствах, дело идет о выработке какой-нибудь государственной формы, где начинается внутренняя борьба, производящая тот хаос, который мы встречаем в Галлии, — во всех таких странах значение жрецов чрезвычайно усиливается, как это мы и видим в больших государствах Азии и Африки, тогда как в Греции и Италии, где в небольших городах установление известного общественного строя пошло очень быстро, мы не видим сильного жреческого класса.

В Галлии, по словам Цезаря, только два класса жителей имели значение друиды и всадники. Друиды занимаются вещами божественными, приносят жертвы публичные и частные, истолковывают религиозные вещи; к ним стекается большое число юношества для обучения. Они пользуются большим почетом, ибо произносят приговоры почти по всем спорным делам, публичным и частным: случится ли какое-нибудь преступление, убийство, идет ли спор о наследстве, о межах — друиды решают дела, определяют награды и наказания; если частный человек или народ не примет их решения, такого отлучают от жертвоприношений.

Это наказание у них самое тяжелое. Отлученные считаются нечестивыми и незаконными, их все чуждаются, избегают их присутствия и разговора, чтобы не заразиться от них; их жалобы на суде остаются без внимания; они не удостоиваются никакого почета. Все друиды подчинены одному начальнику; по смерти начальника ему наследует самый видный по достоинству, а если есть несколько равных, то избирается голосами друидов, иногда спор решается оружием. Друиды в назначенное время года собираются в место, которое считается серединою всей Галлии, сюда сходятся все, имеющие тяжбы, и подчиняются их суду и решениям.

Начало учения друидов ведут из Британии, и желающие обстоятельнее ознакомиться с ним по большей части отправляются для этого туда. Друиды не участвуют в войнах и не платят податей; вследствие таких выгод многие и добровольно идут в друиды, и посылаются родителями и родственниками. Основным учением друидов было учение о переселении душ, которое отнимало у галлов страх смерти; кроме того, они много толковали и передавали молодежи о звездах и движении их, о величине мира и земли, о натуре вещей, о могуществе богов.

Но нельзя очень высоко ставить друидскую мудрость, ибо тот же Цезарь говорит нам, что желавшие основательнее изучить друидизм ездили для этого в Британию, а известно, что из всех галлов жители Британии отличались особенною дикостью.

Противоречие уничтожается тем, что у диких народов особенно процветает волшебство и кудесничество; за тем-то континентальные галлы и отправлялись к своим диким британским соплеменникам. Притом надобно заметить, что как ни высоко ставит Цезарь значение друидов, однако в его рассказе о Галльской войне деятельности их вовсе не заметно.

Друиды могли получить важное значение именно вследствие беспорядочного, хаотического состояния галльских народцев, а потому у них не могло быть побуждений к прекращению этого беспорядка, побуждений содействовать установлению единства и крепкого правильного правительства в какой бы то ни было форме.

Установлению такого правительства препятствовало положение низшего сословия, которое не принимало ни в чем участия, находилось почти в рабском состоянии.

Высшее сословие, не чувствуя никакого давления со стороны низшего, не имело по тому самому побуждений сосредоточиваться, соединять свои силы, забывать частные интересы для общего дела, и потому видим бесконечную усобицу между его членами, усобицу вредную, разрушительную, вовсе не похожую на борьбу политических партий, на борьбу патрициев с плебеями, которая держала в сосредоточении силы обеих сторон; только внешний толчок, внешняя опасность заставляли прибегать к соединению сил, к общему действию, к общей власти, но опасность проходила, и все принимало прежний вид.

В таком положении находились галлы, когда страшные враги с двух сторон явились в их пределах — римляне и германцы. Галлы не только не могли с успехом сопротивляться ни тем, ни другим, но еще сами пригласили их к вмешательству в свои внутренние дела, как обыкновенно бывает со слабыми внутренне народами, как бы ни была различна степень их цивилизации. Мы уже видели, что в Галлии народы, стремясь к усилению, вели борьбу друг с другом, причем слабейшие, чтобы избавиться от насилий, закладывались за сильнейших, и таким образом некоторые более сильные народы являлись окруженные народцами-клиентами.

С помощью римлян сильно поднялся народ гэдуй, но другие два народа арверны и секваны — не хотели дать гэдуйам усилиться и, не имея возможности сладить с ними одни, призвали на помощь германцев. Последние, ждавшие первого случая променять суровые зарейнские страны на Галлию, явились на зов; гэдуй были сокрушены, но секваны недолго радовались своей победе: призванный ими на помощь король свевов Ариовист утвердился у них, отобрал у них третью часть земель, но и этого ему было мало. Галлы увидели, что им придется мало-помалу уступить всю свою землю зарейнским выходцам, а потому бросились к римскому проконсулу Юлию Цезарю с просьбою о помощи.

Цезарь отогнал германцев от границ Галлии, но галлы испугались, что призвали к себе другого господина, и вооружились против римлян, следствием чего было завоевание Цезарем всей Галлии, совершенное в семь лет.

Мы не будем отнимать важного значения у этого события; мы заметим одно, что завоевание Галлии римлянами относится к разряду войн народов, стоящих на высокой степени цивилизации, выражающейся и в искусстве военном, с народами варварскими, к разряду завоевания пруссов немецкими рыцарями, народов Нового Света — испанцами, завоевания Индии — португальцами, англичанами, Сибири и стран Средней Азии — русскими, войн последних с турками и персиянами — войн, где качество берет постоянно верх над количеством. Мы знаем, как толпы дикарей, вовсе не робких, разбегались при виде лошадей, при ружейных выстрелах; подобное тому видим и в войне Цезаря с галлами.

При осаде одного галльского города римляне устроили крытые галереи, под их защитой — террасу, построили деревянную башню, которую должно было двинуть против городской стены. Галлы, презиравшие римлян за их малый рост, смеялись над строителями таких хитростей, которые, находясь в далеком расстоянии от города, не могли, по их мнению, сделать ему никакого вреда. И вдруг они видят, что башня двигается и приближается к стенам города; в ужасе они уже не думают более о защите и посылают просить мира.

Военное искусство, которым римляне бесконечно превосходили варваров, давало им возможность так скоро покорить Галлию, как бы ни были варвары храбры и многочисленны, но мы имеем основание ограничить и эти два условия.

По словам Цезаря, было время, когда галлы превосходили германцев храбростью, нападали на другие народы, высылали свои колонии за Рейн, но в его время галлы были уже не те: близость римской провинции, знакомство с предметами роскоши испортили их, ослабив их прежнюю храбрость, так что они сами не смели равняться в ней с германцами.

Цивилизация подействовала на галлов расслабляющим, развращающим образом, но не дала им новых средств, благодаря которым они могли бы стать в уровень с цивилизованными народами; они познакомились с некоторыми предметами роскоши, привозимыми к ним чужими купцами, но не переняли от своих цивилизованных соседей военного искусства, не развили промышленности и торговли, чему доказательством служат галльские города в эпоху завоевания Галлии римлянами.

По словам Цицерона, не было ничего беднее городов галльских.

Действительно, как у всех первобытных народов, городами у галлов назывались более или менее обширные огороженные пространства, назначенные для защиты окрестного народонаселения на случай неприятельского нападения, а эти случаи, как мы знаем, были очень часты в Галлии. Город был тем важнее, чем по своему положению представлял более средств к защите. Иногда при нападении сильного врага целый народец покидал все свои города и запирался в одном городе, особенно укрепленном природою. Известия о галльских городах важны для нас в том отношении, что дают ключ к уразумению подобных же известий о городах у других народов, стоявших на одинаковой бытовой ступени с галлами.

Легкость, с какою галлы покидали, жгли свои города, указывает на значение последних; гельветы сожгли все свои города, намереваясь покинуть страну и поселиться в другом месте; если в народе сохранилась еще возможность таких переселений, то нельзя принимать их городов в нашем смысле.

Народонаселение всей Галлии полагают гадательно свыше семи миллионов, основываясь на просторах контингентов выставяющихся отдельными народцами во время войны с римлянами. Но здесь прежде всего является вопрос: можно ли положиться на эти цифры? Можно ли предположить процветание статистики среди галльских народцев, предположить, что они с точностью знали количество народонаселения у себя и могли с точностью определить, что выставят именно такое число войска, и кто у них имел силу заставить выйти в поле именно такое число? Достаточно было, что толпа представлялась большою; притом все единогласно ставят хвастливость, способность преувеличивать в числе национальных черт у галлов; у римлян же не было побуждений уменьшать цифры врагов и тем ослаблять значение своих подвигов.

По окончании войны с Ариовистом Цезарь узнал, что народцы бельгийские вооружаются против него, составили союз, дали друг другу заложников. Он поспешил предупредить их и внезапно явился в земле ремов, ближайшего к собственной Галлии бельгийского народа. Застигнутые врасплох, ремы отправляют к нему знатных людей с уверениями, что они нисколько не участвуют в союзе с остальными белгами и готовы сделать все, что им прикажет римский полководец.

Цезарь спрашивает у этих ремских посланных, каковы могут быть силы белгов, и они ему начинают рассказывать, что вот чрезвычайно сильный народ белловаки, и по храбрости и по многочисленности своей могут выставить 100 000 вооруженных людей, и обещали они прислать против римлян 60 000, другие народы обещали по 50 000 и т. д., так что выходило всего бельгийского войска 296 000.

Это-то показание ремов о бельгийских контингентах и берут, между прочим, в основание выкладок, из которых выходит, что во всей Галлии было более 7 000 000 жителей. Понятно, что ремские посланцы кроме национальной страсти должны были иметь сильное побуждение преувеличивать могущество бельгийского союза, чтобы напугать римлян и заставить их уйти, но они ошиблись в своем расчете. Цезарь не ушел; белги явились, побились с римлянами и вдруг побежали по домам, и первые побежали знаменитые своею храбростью и многочисленностью белловаки, ибо узнали, что союзные римлянам гэдуйцы отправлены Цезарем для вторжения в их землю. Цезарь пошел по следам бегущих и покорял каждый народец отдельно; когда он пришел к белловакам, то этот знаменитый народ собрался со всеми пожитками в один город, и когда Цезарь приблизился к нему, то из ворот вышел старик с мольбою принять их в римское подданство.

Так было вначале. Обратимся к концу, когда галлы, видя последствия утверждения у себя римлян, решились воспользоваться смутю в Риме и

соединенными силами выжить поработителей, когда они приобрели и вождя, способного стать во главе народного дела. В лесах, в глухих местах идут совещания, бьют римских купцов, людей, заготавливающих припасы для Цезарева войска. Является вождь восстания; но любопытно, как он является, какими средствами начинает дело.

В народе арвернов был молодой человек Верцингеторикс, сын упомянутого выше Целтилла, который как-то достиг принципата всей Галлии, но был убит за то, что стремился к царской власти. Сын хотел воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы достигнуть отцовского значения с большею безопасностью.

Верцингеторикс начинает дело как знатный галльский шляхтич в челе своих клиентов, но остальные вельможи арвернские и вместе с ними родной дядя Верцингеторикса не хотят, чтобы сын шел по отцовским следам, и мешают ему, его выгоняют из города Г?рговии. Тогда Верцингеторикс становится вождем сбродной дружины, набирает себе голытьбу по буквальному переводу (*in agris habet delectum egentium at perditorum*). Состояние Галлии чрезвычайно способствовало образованию подобных шаек угнетением низших классов, отсутствием возможности достигать своим трудом обеспеченного, независимого положения и, наконец, удобством к укрытию людей, живущих на чужой счет в дикой, малонаселенной, покрытой густыми лесами стране.

Кроме приведенного известия о Верцингеториксе в рассказе Цезаря о Галльской войне мы находим еще любопытное известие о голытьбе и ее движениях: когда прежде в земле венеллов Виридовикс стал вождем восстания против римлян, то к нему из разных мест Галлии стеклись большие толпы "погибших людей и разбойников, которых надежда добычи и охота повоевать отвлекала от земледелия и ежедневного труда" (*perditorum hominum latronumpue, quos spes praedandi studiumque bellandi ab agricultura et cotidiano labore revocabat*). Рассказывается также о Сенонце Драппете, который во время восстания галлов против римлян собрал отовсюду "погибших людей", призвал рабов к свободе, привлек изгнанников из всех народов и разбойников.

Здесь очень важно известие об изгнанниках, ибо усобицы за власть должны были увеличивать число изгнанников; побежден — и должен был оставить родину сильный человек, с ним вместе должны были осуждать себя на изгнание и люди ему преданные или зависимые. Знаменитый изгнанник, естественно, становился вождем изгнанников менее знаменитых, вождем всех недовольных. И Верцингеторикс был изгнан, вследствие чего явился вождем сбродной дружины. С помощью своей новой дружины Верцингеторикс выгнал из города своих противников, и дружина провозгласила его царем.

Свидетельство драгоценное, присоединяющееся уже к приведенным нами прежде указаниям о значении дружин при образовании верховной власти у первобытных народов, — свидетельство, которое уясняет происхождение знаменитой дружины Ромула, плебеев и значение самого Ромула с товарищами, и отношения этих вождей сбродной дружины к родовикам, отецким детям-патрициям. Теперь Верцингеторикс, во главе своей дружины, точно так же относился к галльским вельможам, к шляхте.

Но и сам Цезарь был не иное что, как Верцингеторикс цивилизованного мира, стремившийся захватить верховную власть с помощью своей сбродной, отлично дисциплинированной дружины, ибо римские легионы давно потеряли гражданский характер.

Верцингеторикс сначала имел успех: народцы начали приставать к нему из ненависти к римлянам, видя в нем человека, около которого можно было сосредоточиться для успешной борьбы с завоевателями, но не все, во-первых, хотели борьбы с римлянами, не все рассчитывали на возможности вести ее с успехом; во-вторых, не все хотели вести ее под начальством Верцингеторикса, которого уже величали царем. Цезарь признает в своем сопернике величайшую энергию, но к этой энергии, по его словам, Верцингеторикс присоединил величайшую строгость: жестокими казнями принуждал он нерешительных к деятельности; за важное преступление умерщвлял огнем и всякого рода муками, за легкую вину обрезывал уши или выкалывал по одному глазу и изувеченных таким образом отсылал на места жительства для устрашения оставшихся. Началась борьба с римлянами — борьба последняя, тяжелая для завоевателей.

До сих пор гэдуй были постоянными союзниками римлян; в их город Новиодун Цезарь переслал галльских заложников, съестные припасы, казну, обоз, множество лошадей, закупленных для войны в Италии и Испании. Теперь гэдуй перешли на сторону восставших, поделили между собою римские деньги и лошадей, хлеб; чего не могли увезти — сожгли и потопили; повсюду рассылают посольства возбуждать к восстанию, в чем легко успевают, потому что в их руках заложники, взятые Цезарем. Гэдуй входят в сношение с Верцингеториксом и стараются получить гегемонию среди восставших народов. Но это дело поручается сейму, на который сходятся депутаты всех галльских народцев, исключая троих.

Сейм решает, что главное начальство над союзным войском должно быть передано Верцингеториксу. Гэдуй очень оскорблены, и главные из их вельмож молодые люди Эпоредорикс и Варидомар неохотно повинуются Верцингеториксу.

Последний приказывает набрать немедленно 15 000 конницы. "Пехоты же, говорил он, — у меня довольно; я не дам сражения, но, имея многочисленную конницу, очень легко будет перехватывать у римлян продовольствие, только уничтожайте собственные запасы и жгите здания и в вознаграждение за эти потери получите постоянное владычество и свободу". Но когда заказанная конница (мы видели, что он заказал 15 000) явилась, когда Верцингеторикс увидел у себя большое войско и узнал, что Цезарь двигается быстро к границам римской провинции (Прованса) для ее защиты, то галл позабыл свою осторожность и, созвавши начальников конницы, объявил им, что необходимо напасть на удаляющихся римлян, иначе они возвратятся с большими силами и не будет конца войне.

Галлы восторженными криками отвечают на предложение своего вождя, вступают в битву с римлянами и терпят страшное поражение.

Верцингеторикс запирается в город Алезию (деревня Alise Sainte-Reigne), Цезарь осаждает его; происходит другое конное сражение, в котором Цезарь одерживает победу благодаря германцам, бывшим в его войске. После этого поражения Верцингеторикс тайно, ночью отослал конницу по домам, наказавши ухившим всадникам, чтобы каждый старался поднять свой народец, уговорить к поголовному вооружению, чтобы спасти его, человека, оказавшего так много заслуг, и вместе с ним спасти 80 000 избранного галльского войска. Из этих слов узнаем, что с Верцингеториксом в Алезии было 80 тыс. галлов; силы осаждающих считают около 70 000.

Всадники, распущенные по домам, исполнили поручение: галльские вельможи собрались и определили не поголовное вооружение, но чтобы каждый народ выставил известное количество войска; всего составилось 240 000 пехоты и 8 000 конницы, которые и явились под начальством четырех вождей к Алезии на выручку Верцингеторикса.

Таким образом, если примем эти цифры за достоверные, Цезарь должен был иметь дело с 320 000 с лишком неприятелей. Галлы шли к Алезии с надеждою, что римляне побегут при первом появлении такой громады, но римляне не ушли, и в первой же битве галльская громада потерпела поражение опять благодаря германцам, служившим Цезарю. После второго поражения пришедшие на помощь галлы рассеялись, и Верцингеторикс принужден был сдаться. После этой неудачи общего восстания Цезарь встречал только частные сопротивления, которые были сломаны одно за другим, и вся Галлия была присоединена к римским владениям.

Страна варварская была завоевана цивилизованным народом, присоединена как часть к огромному целому. Римская цивилизация была перенесена в Галлию; римское управление не хотело знать прежнего быта галлов по народцам, прежних отношений одного народа к другим, самостоятельных народов к народам-клиентам; оно располосовало всю страну по-своему, как ему было удобнее, устроило правительственные центры в некоторых старых галльских городах, дав им новые названия или построив для этого новые города.

Римское управление сгладило особенности, существовавшие между частями народонаселения, прикрыло его одною форменною одеждою. Галльская шляхта заговорила по-латыни, завела у себя школы; некоторые из знатной шляхты попали в римский сенат. Но при этом для нас важно знать, какие перемены римское господство произвело в экономическом быте страны, перемены в распределении богатств; от чего зависели отношения между членами народного тела и отношение их к государству.

Получая с отдаленного Востока дорогие произведения природы, служащие роскоши нашей пищи и одежды, нашей бытовой обстановки, мы составили себе понятие о богатстве Востока, но внимательное изучение Востока заставляет видеть здесь предрассудок, заставляет заменить выражение "богатство Востока" выражением "бедность Востока". То же самое надобно допустить и относительно благосостояния, богатства древних, остатки быта которых поражают нас своею художественностью и величию; но освободимся от

первого впечатления, изучим подробности, и откроется другая сторона быта, откроется бедность его.

Рим и в варварские страны, ему подчинившиеся, перенес потребности своего государственного быта, своей цивилизации. Города, служившие правительственными центрами, были виднее прежних галльских городов, явились цирки, храмы, водопроводы, дороги. Но эта великолепная обстановка скрывала за собою большую бедность, сосредоточение земельной собственности в немногих руках, тяжесть податей, от которых бегут горожане, правители городские, и стремление правительства укрепить их, исчезновение свободного сельского населения, усиление закладничества, холопства, рабства в громадных размерах.

Все эти явления нам очень знакомы: мы их встречаем в древней допетровской Руси и по ним как самым верным признакам заключаем о крайней бедности страны, о крайней экономической неразвитости. Встречая их в Римской империи, делаем тот же вывод, видны одинаковые явления в молодом, неокрепшем теле, но имеющем развиваться и крепнуть, и в теле дряхлого человека, имеющем разложиться, выделить из себя новые тела, которые начнут жить при той же обстановке экономического быта, но при новых условиях развития, которые мало-помалу поведут к изменениям в экономическом быте.

Римская империя составила путем завоевания, и здесь уже одна из главных причин ее дряхлости, бедности, ибо завоевание предполагало опустошение, порабощение, иссякновение источников богатства, остановку правильного обращения последнего, прилив его к некоторым только частям тела — отсюда болезнь и паралич. Вспомним, что сделали завоевательные римские легионы в Греции, Азии, Африке, Галлии — повсюду, где проходили; вспомним, как была опустошена вследствие усобиц сама Италия, и мы узнаем, какую бедность получила Римская империя в наследство от уничтоженной ею республики.

И в этом-то бедном, малонаселенном государстве главная и нудящая потребность состояла в содержании большого войска для защиты границ, растянутых на обширнейших пространствах, и для внутренней защиты правительства. Трудно было содержать войско, трудно было набирать его: в высшем слое — отвращение от опасной и тяжелой службы, разврат и отсюда слабость физическая и нравственная, бесплодие браков и отвращение к ним; в низших — рабство, и среди свободных — то же расслабление и холодность к гражданским интересам.

В состав такой-то империи должна была войти Галлия, последующая судьба которой особенно важна для нас, ибо состояние ее во время завоевания нам более известно, чем состояние какой-либо другой римской провинции. Народонаселение Галлии если бы и было значительно до завоевания, то сильно поубавилось от истребительной войны. Не говоря уже о потерях во время битв, когда из 60 000 человек, способных носить оружие, оставалось только 500 человек, встречаем известие, что какой-нибудь народ истребил сам всех своих сенаторов или раздраженный сопротивлением победитель продал в рабство 53 000 человек; веныты потеряли на войне всю свою молодежь, всех главных

граждан, остальные сдались победителю, но Цезарь предал смерти сенаторов, а остальных жителей продал в рабство. По увещанию Верцингеторикса галлы сами истребляли свои городки.

Таким образом, Галлия досталась Риму в виде страны опустошенной, для восстановления и преуспевания которой надобны были продолжительные благоприятные обстоятельства.

Но об этих благоприятных обстоятельствах нельзя было мечтать при римском управлении. Напрасно галлы жаловались императору Августу на неслыханные грабежи его прокуратора Лициния, который был сам галл родом. Некоторым галльским народцам позволено было остаться независимыми в своих внутренних делах, то есть при том известном нам быте, который не представлял условий благосостояния или движения к нему. При Тиберии дела пошли еще хуже, чем при Августе, ибо подати увеличились, мытари (*publicani*) свирепствовали.

Галлы не вытерпели и восстали, но восстание не имело успеха; оба предводителя восстания, галлы, но уже с латинскими именами, лишили сами себя жизни.

Скоро в Лионе увидели Калигулу, занимавшегося казнью лучших галлов и конфискацией их имуществ; оставшиеся в живых должны были покупать огромную цену конфискованные имущества; таким образом. Римская империя принесла новое средство собирания громадной земельной собственности в одних руках. Деньги шли на публичные зрелища в Лионе и на раздачу войску.

Однажды Калигула играл в кости со своими, проиграл и потребовал список богатейших галлов; отметив известное число их на смертную казнь, он возвратился к играющим со словами: "Вы с большим трудом выигрываете по несколько драхм, а я вдруг выиграл 150 миллионов!"

Подвиги Калигулы окончились аукционом, на котором он продавал собственные вещи, и некоторые галлы должны были разоряться, если хотели избежать смерти, а после аукциона было состязание литераторов латинских и греческих, причем авторы дурных сочинений должны были в наказание вылизывать их языком, если не хотели быть высеченными. Галльские вельможи, оставшиеся в живых после Калигулы, были польщены при императоре Клавдии правом достигать сенаторского достоинства и других главных санов в Риме, но зато в Галлии императорские прокураторы, занимавшиеся прежде только сбором податей и бывшие обыкновенно из вольноотпущенных, получили значение судей. Империя от старости впадала в младенчество и вместо разделения должностей стремилась к соединению.

Из двух классов народонаселения, господствовавших в Галлии до завоевания, шляхты и друидов, первый, хотя значительно истребленный войною и казнями императорскими, остался, однако, наверху, и даже сильнейшие, богатейшие его члены приобрели новый почет и могли еще более увеличить свою земельную собственность. Но друиды подверглись сильному гонению, потому что Рим охотно брал чужие божества в свой пантеон, но не позволял подвластным народам иметь исключительно принадлежащую ему религию, что служило основанием его отдельной народности. Во время римской смуты, когда

один император сменял другого, Галлия поднялась, с одной стороны, под друидским, с другой — под шляхетским знаменем.

Галльские депутаты собрались в Реймсе (Durocartorum) и разделились на две партии — партию римских приверженцев и партию приверженцев независимости.

Тацит немногими строками вводит нас в это совещание галлов и обнаруживает пред нами всю невозможность для Галлии независимого существования. Начинает речь любимый за свое красноречие депутат тревиров, злой заводчик войны.

В обдуманной речи он изливает все, что обыкновенно говорится против быта больших государств, изливает на римский народ клеветы и ненависть, и этот ненавистник римского народа носил римское имя Туллий Валентин. Ему отвечал знатный галл из народа ремов Юлий Ауспекс, представил силу римскую и благодеяния мира: "Война начинается людьми худыми, а ведется с опасностью для лучших; римские легионы уже над головами".

Ауспекс сдержал старших благоразумным уважением и верностью, младших опасностью и страхом. Хвалили смелость Валентина, но следовали советам Ауспекса. Большую часть отклонило от войны соперничество провинций: кто будет управлять военными действиями? Если дело удастся, где будет пребывание правительства? Еще не было победы, а уже был раздор. Каждый предъявлял свои права, и никто не хотел уступить другому. Затруднительность будущего заставила предпочесть настоящее. Только несколько белгийских народцев решились на борьбу и дорого заплатили за свою отвагу; это было последнее галльское восстание.

Все люди разумные, говорил Цицерон, смотрели на Галлию как на самого страшного врага для Рима. Теперь этого врага не было более; страшная Галлия спокойно подчинилась римскому владычеству, романизируясь все более и более.

Но опасность для Рима не прошла, а усилилась: у ворот империи, на Рейне и Дунае, стояли толпы других варваров, дожидаясь своего времени; на Рейне и Дунае стояли варвары, которым суждено было произвести вторичное завоевание Рима посредством его же войска, его же полководцев.

Мы уже говорили о первом завоевании Рима его войском, его полководцем: *это произошло во времена Цезаря и Октавия-Августа, после кровопролитных усобиц между несколькими полководцами-соперниками. Более счастливый из них сделался повелителем Рима, оставив все прежние формы республиканского быта. Мы уже видели, что императорская власть в Риме не была похожа на монархии старых и новых народов, монархии народные; римское императорство было тиранией, военным деспотизмом.*

В императорском Риме мы не видим династического начала. Республиканское начало избрания не теряло своей силы; но кто же мог избирать императора?

Разумеется та сила, которая была налицо, которая заслонила собою все другие силы, именно — войско, которому необходим был вождь, император. Верховная власть была завоевана войском для своего вождя, войско и должно

было располагать своею добычей; в очень редких только случаях возможность подать свой голос при избрании императора получал сенат, но сенатский избранник обыкновенно недолго сохранял свою власть и свою жизнь.

Но как могло войско, расположенное по отдаленным краям империи, избирать императора? Разумеется, избирала, провозглашала нового императора та часть войска, которая была ближе к пребыванию верховной власти, так называемые преторианцы, но другие легионы не хотели уступить этой чести и выгоды преторианцам, провозглашали своего вождя императором; легионы, расположенные в противоположном краю, провозглашали своего; являлось несколько императоров, начиналась усобица. Победа решала, кому из вождей-соперников владеть Римом, и это было совершенно последовательно, ибо то же самое мы видим в начале империи:

каким путем достигали верховной власти Цезарь и Октавий-Август, таким же должны были достигать ее и преемники их; гражданского, народного, исторического корня у этой власти не было, она постоянно являлась следствием завоевания.

Войско давно уже потеряло гражданский характер; народного по самой натуре Римского государства оно никогда не имело; давно уже оно превратилось в дружину, знавшую только своего вождя и своих орлов. Известный поступок преторианцев, когда они продавали императорство с аукциона и отдали его тому, кто дал им денег больше других, всего лучше характеризует римское войско времен империи; такое явление немыслимо там, где войско сохраняет хотя какие-нибудь связи с народом и государством, и очень понятно там, где оно составляло совершенно отдельную от общей жизни массу, вдвинувшуюся посредством насилий, завоевания.

Сначала войско составлялось из народонаселения, ближайшего к Риму, итальянского; потом, с оскудением Италии свободными жителями, набиралось из других народов, более или менее ороманившихся; наконец, с постепенным оскудением жителями областей империи стало набираться из варваров, сперва в смешении, а потом сплошными массами, принадлежащими к одному народу или к разным. Чтобы понять явления, происходившие в Европе пред так называемым падением Рима, не надобно забывать, что Рим пал, быв завоеван Силлами, Цезарями, Октавиями, быв завоеван их легионами, их войском, которое и располагало судьбами империи. Не надобно забывать, что варвары, входившие постепенно в области империи, входили как войско империи, провозглашали и свергали императоров, как то делало и прежде войско, вели усобицы, опустошали страны, наконец, отнимали часть земель, но все это делалось и прежде с тяжелой руки Силлы. Нам нужно только указать постепенное движение варварского народонаселения в виде войска.

Но войско в западной части империи преимущественно составлялось из германцев, и потому мы должны делать наблюдения над этим племенем.

Мы уже говорили, что, приняв в соображение естественные законы в народных движениях, стремление занять лучшие страны, должно признать германцев самыми поздними насельниками Европы из арийцев. Найдя южные полуострова, Запад Европы и страны придунайские уже занятыми другими

арийцами, германцы должны были принять движение к северо-западу и занять Скандинавию, откуда, вытесняемые нуждою, должны были перейти на южный берег Балтийского и Немецкого морей, занять нынешнюю Северную Германию. Кроме естественного желания народа, приведенного в движение, народа с возбужденными силами, продолжать движение, искать новых лучших стран Скандинавия не могла перестать высылать лишек своего народонаселения, новые выходцы теснили прежде поселившихся в нынешней Северной Германии и заставляли их двигаться к юго-западу на поиски новых земель.

У германских племен, как видно из слов Иорданда, сохранилось предание о Скандинавии как о фабрике народов (*officina gentium*). Авангард германцев, кимвры и тевтоны, наведшие такой ужас на Рим, прямо объявляли, что ищут земель для поселения. Марий жестоко насмеялся над ними, сказавши, что дал им земли для погребения их мертвых тел. Но смеется тот, кто последний смеется.

Германцы не переставали требовать земель и захватывать их при первом удобном случае. Цезарь должен был биться с ними из-за Галлии. Он отбил ее у них, но только до времени; победитель должен был сделать печальное признание о необыкновенной храбрости этих варваров; в его же известиях о Галльской войне читаем, что в решительные минуты он был обязан победою над галлами мужеству германцев, находившихся в его войске.

Из наблюдений над историческою жизнью народов мы вывели, что три главные условия определяют судьбу народов: природа страны, где живет народ, происхождение или племя и воспитание или первоначальная история народа. Все эти три условия были благоприятны для германского племени; поздний приход его в Европу и необходимость занять суровые и скудные страны ее севера содействовали развитию в этом племени силы и энергии; развитие означенных качеств пошло еще быстрее, когда значительная часть племени должна была искать новых жилищ, должна была предпринять долгое и опасное странствование, долгий и трудный подвиг.

Германцы не могли, подобно галлам, скоро и легко занять обширную и богатую страну; первые движения их кончились несчастно; кимвры и тевтоны потерпели истребительные поражения от Мария. Попытки Ариовиста захватить земли в Галлии были уничтожены Цезарем. Германцы встретили в римлянах страшных врагов, которые превосходили их воинским искусством, которые сначала не давали им покоя в их собственной стране; нужно было обороняться; при наступившем движении нужно было сначала двигаться чрезвычайно медленно, каждый шаг вперед делать с большим усилием, покупать успех дорогою ценою.

Таким образом, германцы должны были пройти долгую и трудную школу, благодаря которой они воспитали в себе выдержливость и приобрели все качества отличного войска, в виде которого они сначала и вошли в состав оскудевшей войском Римской империи; легкость успеха портит человека и народ, только трудность его развивает силы и дает хорошее воспитание человеку и народу. "Пусть нападут на меня, — отвечал Ариовист Цезарю на его угрозы, — пусть нападут и тогда узнают храбрость народа, который в

продолжение четырнадцати лет ни разу не входил под крышу дома". Здесь выразилось сознание подвига, ибо германцы не были кочевниками, не понимавшими приятности иметь дом; они очень хорошо понимали эту приятность и достижение ее, получение хорошей земли для оседлости поставили целью своего трудного подвига.

Тацит так отозвался о Германии: "Кто, оставив Азию, Африку или Италию, захочет пойти в Германию, безобразную почвою, суровую климатом, печальную обработкою и видом, разве кому она будет отечеством?" Но дело в том, что для германцев эта страна не была отечеством, а только перепутьем; чем суровее и печальнее была страна, тем сильнее было в ее жителях стремление как можно скорее покинуть ее, а препятствия, при этом встречаемые, еще более усиливали стремление.

Надобно с большою осторожностью делать выводы о характеристических чертах племени и народов, ибо часто то, что считается прирожденным отличием, является случайностью, происходящею от известного положения народа или племени.

Так, например, рассуждают, что галльские народы отличали друг друга именами, заимствованными от видимой природы: это или горцы, или жители равнины, или поморы, тогда как германские народы заимствовали свои названия от отвлеченных разделов неба и назывались людьми Востока, Запада, Севера, Юга.

Но не надобно забывать, что галлы давно уже жили в известной стране, не хотели ее покидать, и потому они усваивали себе названия по местностям, тогда как германцев история застаёт в движении, на поиске земель, где бы поселиться; стоит только вспомнить, например, судьбу ост- и вестготов:

спрашивается, от какой местности они могли называть себя, когда они постоянно двигались, переменили место жительства? Нельзя народу называться поморянами, когда он то уйдет в горы, то выйдет на равнину, далекую от моря.

Что касается частностей быта, то быт германцев сходен с бытом родственных им арийских племен в Европе, которых история знала еще в варварстве, как племени кельтического, так и славянского. Но здесь не надобно упускать из виду того обстоятельства, что германцы были относительно недавние пришельцы в своей стране и в постоянно воинственном движении стремились покинуть ее, что быт их, как он нам известен по римским описаниям, более сходен с бытом галлов, когда последние, по словам Цезаря, были так же храбры, как германцы, то есть пока они еще не успокоились в стране, устремлялись из нее воинственными массами и наводили ужас на соседей.

Галлы времен Цезаря имели уже города, хотя и в значении только укрепленных местностей на случай неприятельского нападения; но присутствие этих укрепленных мест, как знак желания защищать известную страну как свою страну, удержаться в ней, равно как появление отдельной земельной собственности, свидетельствует, что народ обжился в известной стране, сросся с нею, не хочет с нею расстаться. Германцы не жили в городах и не терпели

жить вместе, жили разбросанно и розно, где понравится источник, поле, роща. Обрабатываемая земля находилась в общем владении, и Тацит заметил, что этому благоприятствовала обширность пространства; земли было много, она не имела цены, на ее обработку, находившуюся в грубом состоянии, не тратилось много труда и капитала, и потому земля немногим в этом отношении отличалась от леса и луга, ибо недвижимая отдельная собственность начинается с дома и земли, находящейся около него, что французские крестьяне до сих пор называют наследством по преимуществу (*l'heritage*), затем следует пашенная земля, далее луг и лес.

Политическое устройство германцев представлялось Тациту так же не вполне ясно, как политическое устройство галлов представлялось Цезарю: "Царей берут себе германцы по благородству происхождения, вождей — по храбрости (*reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*). Цари не самовластны, и вожди сильны более примером, чем властью, если деятельны, видны, сражаются впереди всех". Но в других местах рассказа автор подле слова "царь" (*rex*) употребляет другое слово — "начальный человек" (*princeps*) (властелин, князь, начальствующий (лат.)). У Соловьева дан буквальный перевод "начальный человек" — Примеч. ред.).

"О делах меньшей важности совещаются начальные люди (*principes*), о важнейших — все. На общем совещании выслушивается царь, или начальный человек, или кто-нибудь другой, видный своею маститостью, благородством, воинскими доблестями, красноречием; действует более сила убеждения, чем власти. В тех же собраниях избираются начальные люди (*principes*) для суда; каждого из таких судей сопровождают сто человек из народа". Можно было бы успокоиться на этом указании значения начальных людей (*principes*), если бы в следующей же главе не встречалось слово: "И отроки могут получить значение начальных людей по особенному благородству или великим заслугам предков". Затем следует знаменитое место о дружине (*cornites, comitatus*), как воинственная толпа сосредоточивается около богатыря, знаменитого своими подвигами, и эта глава дружины называется начальным человеком (*princeps*).

Из свода этих известий оказывается, что воинственное движение у германцев, как и у галлов, выдвинуло и продолжало выдвигать из народной массы людей храбрейших, богатырей (*robustiores*), около которых сосредоточивались воинственные толпы, дружины. Быть в дружине богатыря не считалось постыдным; место, какое занимал член дружины, определялось по воле вождя дружины, и между дружинниками было сильное соревнование, кому занимать первое место у своего начальника, а между начальными людьми (*principes*) — сильное соперничество, у кого многочисленнее и храбрее дружина.

Постоянное окружение большою толпою избранных юношей давало достоинство и силу, в мире составляло украшение, на войне — охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ее славу не только в своем народце, но и у народов соседних: к таким вождям являлись посольства, приносили дары. Во время битвы постыдно вождю (*pricipi*) уступить дружине в храбрости, постыдно дружине не сравняться в храбрости с вождем. Бесчестно

на всю жизнь остаться после битвы живым, когда вождь полег на месте. Вожди бьются из-за победы, дружинники — за вождя. Если народ коснеет в долгом мире и праздности, то многие из благородных юношей уходят к тем народам, которые ведут войну, ибо спокойствие невыгодно: возможность содержать дружину доставляется войною, грабежом.

Эти-то храбрецы, собирающие около себя дружины подобных себе храбрецов, и являются начальными людьми (*principes*), они-то и вожди частных предприятий; храбрейший из них избирается вождем и для общего предприятия, задуманного целым народом (*duces ex virtute*). Но как везде, так и здесь значение счастливого вождя, окруженного многочисленной и храброю дружиною, давало ему возможность усилить свою власть, сделаться царем (*rex*). Счастье давало ему значение, несчастье лишало его царского достоинства: Маробод, царь маркоманов, после поражения от Арминна был изгнан своим народом. Арминн, победитель римлян и Маробода, был убит своими за то, что хотел сделаться царем.

Но некоторым удавалось удержать за собою царское достоинство и поднимать своих детей, свое потомство так высоко, что народы продолжали брать из него себе царей (*reges ex nobilitate sumunt*). Таким образом, между германскими народами у одних был царь, человек, поднимавшийся выше всех своею властью, хотя и ограниченной народным собранием; у других не было царя, но было несколько выдававшихся своею храбростью и знаменитыми предками людей, окруженных более или менее многочисленными дружинами, — то были начальные люди (*principes*).

Тацит ясно различает в этом отношении германские народы и дает знать, что сила царской власти выказывалась довольно заметно в одном случае; говоря о вольноотпущенных (*libertini*), Тацит замечает: вольноотпущенные стоят немного выше рабов; редко имеют значение в доме, никогда — в обществе, исключая только те народы, которые управляются царями: тут они возвышаются и над свободными, и над благородными; у остальных народов ничтожность значения вольноотпущенных служит доказательством свободы. Из этих слов Тацита видно, что хотя власть германских царей и была ограничена, однако была довольно значительна, когда их вольноотпущенники могли подниматься даже выше благородных.

Когда не было войны, германцы проводили время в охоте, но более в праздности, еде и сне. Самый храбрый и воинственный ничего не делал, возложивши хозяйственные заботы на женщин, стариков и самого бессильного в семействе. У народа обычай приносить начальным людям подарки, которыми те и живут, особенно пользуются дарами соседних народов: посылаются отборные лошади, оружие, деньги. Кроме этих даров продовольствие доставлялось рабским трудом. Простота быта обуславливала различие в быте германских рабов от быта рабов римских.

Для домашних работ при их немногосложности раб был не нужен германцу; эти работы исполнялись женами и детьми; германский раб жил своим домом, имел свою семью и обязан был только доставить господину известное количество необходимых для последнего вещей, хлеба, скота, платья. Поэтому

германцы редко употребляли против своих рабов бичи и оковы; случалось господину убивать раба в сердцах как врага, а не в наказание за проступок и не из жестокости; убийство это оставалось безнаказанным.

Другое положение рабов было у цивилизованных римлян. Здесь раб не имел ни семейства, ни собственности, был рабочей силой, от которой господин хотел получить как можно больше выгоды. Над стадом рабов был приставлен надсмотрщик, которого безопасность и выгода состояли в том, чтобы представить господину наибольшие результаты рабского труда. Не имея ни малейшей выгоды для себя от труда, раб мог быть принуждаем к нему только страхом наказания — физических страданий и лишений, а потому принудительные средства к работе были в страшных размерах, а страх перед бегством и восстанием рабов увеличивал жестокость обращения с ними.

Кроме простоты быта, уничтожающей расстояние между господином и рабом, уничтожающей презрение первого к последнему как существу низшего разряда, на судьбу раба имел влияние способ его приобретения: варвары, каковыми были германцы, не могли приобретать рабов куплею по причине бедности своей.

Покупка необходимо унижала купленного раба до значения вещи; господин, потративший деньги на приобретение раба, естественно, имел в виду одно, чтобы получить хороший процент с употребленного капитала, тогда как варвар приобретал раба преимущественно на войне: это был неприятель, захваченный в плен хитростью или одолением, часто после долгой борьбы; храбрый, хотя и побежденный, не мог возбуждать презрения в храбром, а корыстного расчета не было; кроме того, нельзя отвергать, чтобы у германцев, как у галлов, не было добровольных холопей.

Говорят о родовом быте у германцев и приводят указания на него, встречающиеся у Цезаря и Тацита. Цезарь говорит о ежегодном дележе земель по родам (*gentibus*); он же говорит, что во время боя германцы становились по родам (*generatim*); Тацит подтверждает это показание. Этих указаний отвергнуть нельзя, как никогда и нигде нельзя отвергать силу кровной связи, стремления родичей жить и действовать вместе, но для нас важно то, какое значение имел этот союз в общей жизни народной, имел ли отдельное самоуправление, как оно устраивалось и какое значение имели родоначальники.

Другое дело, когда говорится, что в известном племени каждый жил отдельно с родом своим на своем месте и владел родом своим; другое дело, когда по прошествии многих веков по основании государства мы должны встретиться с родовыми отношениями и между владельцами страны, и между знатью, и между простыми людьми, где никто не был мыслим без рода, без братьев и племянников; другое дело, если государство основано в IX-м веке, а в XVIII-м совершеннолетний член рода находится еще в зависимости от старших, должен принять то или другое место в государственной службе по их решению; в истории такой страны мы, разумеется, должны обращать большое внимание на родовой быт, изучать обстоятельства, которые условили такое долгое существование его в разных сферах. Но у германцев в описываемое время

находим ли мы такие явления, которые дали бы нам право делать решительные выводы насчет родового быта?

Мы не можем не предположить значения кровной связи между германцами, значения ее как обязанности и средства взаимной защиты как на войне внешней, так и во всех столкновениях внутренних; не можем не предположить, если бы даже и не имели ясных свидетельств, но на дальнейшие предположения мы не имеем права, ибо известия об избрании царей, о происхождении вождей и начальных людей, о происхождении их окружения или дружины, об избрании судей, о характере веча — все эти известия не содержат в себе и полунамека на влияние родовых отношений. Тацит, указывая на крепость родственной связи, спешит, однако, заметить, что наследниками каждого были его собственные дети, а при отсутствии детей — ближайшие родственники.

Из всего известного нам ясно, что мы имеем дело с народом, среди которого происходит сильное движение физическое; с народом, который остановился на перепутье, причем происходит сильная выработка дружинного начала; дружина дает движению воинственный характер, воспитывает целые народы воинов, снабжает империю войском, дает ее истощенным областям воинственное, сильное народонаселение, в котором они именно нуждались, и тем восстанавливает потухавшую под властью Рима жизнь Западной Европы.

Таким образом, развитие дружинного начала среди германских народов на первом плане для историка. Всякий поймет, что это явление не есть принадлежность германской народности. Галлы, когда были так же храбры, как германцы, по выражению Цезаря, то есть когда были в тех же условиях, в каких история застала германцев, точно так же выставили дружину, то есть выделили из народной массы богатырей, окруженных толпою подобных храбрецов. Эти богатыри и потомство их точно так же образовали начальных людей (*principes*); менее выдававшиеся подвигами, благородством и богатством воины носят у Цезаря, как мы видели, название всадников (*equites*), и, наконец, толпа, не имеющая политического значения, которое все в руках всадников и жрецов (друидов).

В Тацитовом описании Германии мы не находили указания на эту толпу, не имеющую никакого влияния на общественные дела; воинственное движение, обхватившее в это время все племя или по крайней мере те части его, которые были ближе к римским границам и особенно выдавались в борьбе, это воинственное движение уравнивало всех способных носить оружие, тем более что простота быта, отсутствие отдельной поземельной собственности также благоприятствовали этому уравниванию.

Но впоследствии и между германцами явилось тройное разделение на благородных, свободных и меньших людей (*аделингов, фрилингов и литов — minor persona*), что соответствует галльским начальным людям, всадникам и меньшим людям, безучастной в делах толпе. Нам важно это тождество явлений, ибо оно указывает нам на необходимость известного хода развития при известных условиях; нам важно наблюдать и отметить эти явления и условия,

при которых они последовали, чтобы следить за дальнейшими явлениями жизни европейских народов.

Тождественность явлений у варваров различных племен заставляет нас осторожно относиться к племенным и народным различиям, тем более что в младенце трудно уловить черты, которые будут характеризовать взрослого человека, выражающего в своем нравственном образе все многообразие условий, имевших влияние на окончательное определение этого образа. Пока достаточно того, что имеем дело с племенами, способными к развитию, получившими сначала хорошее воспитание, развившими свои силы в продолжительном и многотрудном подвиге и потому представившими уже в колыбели, в варварском быте развитие, расчленение, которое при дальнейших благоприятных условиях поведет к сильному развитию народной жизни.

Это развитие, расчленение произошло именно благодаря силе дружинного начала, благодаря этому сильному упражнению юного народного тела, сильной гимнастике, вызвавшей из народа лучших людей, самостоятельных в сознании своей силы и доблести, могущественных вследствие того, что около них сосредоточены другие силы, притянутые к ним их личными достоинствами, личными подвигами.

Таких сил много, и каждая сила обязана считаться с другими силами; такого рода отношения могущественно содействовали развитию тех форм народной жизни, которые характеризуют новую европейскую историю.

Истощенные области империи получают свежее варварское народонаселение.

Императоры после побед своих над варварами селят побежденных на пустых пространствах в империи в виде земледельцев, крепких земле (колонов). Императоры хвалятся, что варвары засевают и обрабатывают земли для римлян, германские быки возят плуг по галльским землям и римские житницы наполняются хлебом варваров. Но варвары могли кормить римлян только в таком случае, если бы римляне составляли вооруженную силу, а варвары представляли мирный безоружный народ.

Выходило наоборот. У римлян нечем было пополнять легионов, и они обратились к варварам. Мы видим, что Цезарь побеждал галлов с помощью германцев; германцы участвовали и в Фарсальской битве, отнявшей у Рима свободу. Надобность в войске заставила приглашать свободных варваров и давать им земли с обязанностью нести военную службу; такие варвары назывались лэтами. Но в то же время римское войско наполняется варварскими богатырями, вожди которых начинают выдаваться вперед, получают важнейшие места подле императоров, являются консулами Рима; это служит знаком, что число варваров все более и более увеличивается в римских войсках, и, наконец, они составляют всю силу Рима.

Но при более сильном напоре варваров на римские границы служащих под римскими знаменами варваров стало недостаточно для защиты этих границ; их одноплеменники огромными толпами прорвались в области империи, где они не могли встретить никакого сопротивления со стороны жителей, истощенных физически и нравственно.

"Никто, — говорит современник, — не хотел погибать, и никто не искал средств, как бы спастись от гибели; повсюду царствует непонятное нерадение, бездействие, трусость; только и заботятся о том, как бы поесть, попить и выспаться".

Но жители областей империи, как бы ни заботились, не могли найти средств для утоления голода, жажды и для спокойного сна: не имея чем заплатить податей, они покидали дома, чтобы не подвергнуться пытке, покидали родную страну для избежания казни. "Враг им не так страшен, как сборщик податей; они убегают к варварам, чтоб спастись от этих сборщиков".

Римский император для безопасности не живет уже более в Риме, а в Равенне, но его именем властвует варвар, начальник варварского ополчения, защищающего Рим и его императоров, свергающего и возводящего последних по своим расчетам; какую роль потом играли вожди турок при калифах, палатные мэры при Меровингах, такую же роль играют вожди варваров при последних римских императорах из римлян. Наконец одному из варварских вождей наскучило менять римских или равеннских императоров; он объявил, что таких больше не будет, а будет признавать он власть императора, живущего в Константинополе, его именем будет сам управлять Италией. Это провозглашение называют падением Западной Римской империи.

2. НОВЫЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА

а) Италия и Галлия до Каролингов

Западная Римская империя пала, но она и после того сохраняется по имени; даже то, что обыкновенно называют падением Западной Римской империи, есть, по-видимому, восстановление единства империи. Но все это только по имени, по-видимому. В отдельных областях Западной империи уселись варвары разных наименований с первенствующим значением, и князья их самостоятельно управляют этими странами. Наше дело теперь наблюдать отношения варваров друг к другу при новых условиях, отношения их к римскому, то есть более или менее олатыненному, народонаселению областей разваливавшейся империи, наблюдать результаты этих отношений, результаты соединения различных элементов и наблюдать действие этих результатов на варварские народы, оставшиеся за пределами Римской империи.

Здесь мы прежде всего замечаем, что три страны находятся с самого начала в тесной связи: это — Италия, Галлия и Германия; Испания и Британские острова по разным условиям, историческим и географическим, известное время живут особо; так же особо живут скандинавы. Византийская империя и славянские народы, преимущественно восточные, составившие Русское государство. Таким образом определяется порядок наших наблюдений.

Из трех стран, которые прежде всего обращают наше внимание по тесной связи между ними с самого начала, в Италии преимущественно сохраняется

древний римский элемент. Это была страна, в политическом и нравственном отношении покрытая древними громадными зданиями, стоявшими непоколебимо и не допускавшими изменения, вторжения новых, чуждых форм; если некоторые из них и рухнули, то развалины плотно покрывали почву и побеги нового только иногда находили путь среди развалин.

Главное священное здание, к которому новое питало суеверный страх, куда оно не смело проникнуть, — это был Рим, город — владыка мира и потому не могший сделаться главным городом какой-нибудь страны, столицей какой-нибудь варварского князька. Рим давал звание и права наивысшей власти человеку, живущему в Равенне или Константинополе и называвшемуся, однако, римским императором; варварские князья, владельцы обширных стран, величались титулами римских должностных лиц. Через целый ряд веков Рим будет оставаться главным городом не Италии, но целой Западной Европы, через целый ряд веков титул римского императора будет почетнейшим титулом для государя Западной Европы, будет означать главного между ними.

Только в XVIII-м веке владетель государства, основанного на девственной почве Восточной Европы, свободной от античных преданий, русский Петр Великий решился соединить титул императора не с именем Рима, а с именем своей страны, назвался императором не Восточной Римской империи, как ожидали в Европе, но императором Всероссийским. Только в XIX-м веке такое же явление произошло в Западной Европе, где вместо римского императора явились французский, австрийский и германский императоры; только тут произошло окончательное падение Западной Римской империи; только тут Рим потерял значение главного города всей Западной Европы и мог сделаться главным городом страны, Италии.

Тринадцать веков нужно было для того, чтобы исключительное значение Рима износилось; как же сильно было это значение во время образования новых государств в Западной Европе! Этот самый крепкий остаток античного мира, самый видный представитель его, представитель одностороннего господства города пред страной и народом, был так силен, что долго, очень долго мешал в окружающей его стране образованию единого государства, единого народа, мешал тому явлению, которое характеризует новый европейско-христианский мир, то есть образованию стран и народностей в противоположность одностороннему развитию города в греко-римском мире и первобытному, простому образованию народных тел на Востоке, тех народов, которых Аристотель противопоставляет своему городу, тех простейших народных тел, у которых была только голова да туловище без дальнейшего расчленения, развития.

Новый европейский мир должен был представить высшие государственные организмы с сильным развитием, расчленением, с живым осложнением отношений между частями народонаселения, без односторонностей Востока и греко-римского мира. Но представитель последнего Рим стал крепко в Италии и препятствовал здесь развитию новых начал. Мешал этому Рим со своим древним значением, а не папа, значение которого было само результатом значения Рима.

Варвары вошли в область империи сырым, чистым, бесформенным материалом.

Народы, находящиеся в таком положении и способные к развитию, при встрече с известными формами цивилизации, не имея ничего противопоставить им, стремятся принять их. Некоторым варварским вождям, естественно, приходила в голову мысль: "Мы сильнее этой дряхлой Римской империи, разрушим ее и создадим свое новое государство вместо нее". Но когда они обращали более внимательный взор на свой народ, то понимали, что с ним нового государства образовать нельзя, нет формы, не с чего начать; ими овладевала скромность, сознание своей несостоятельности; они принимали решение служить империи и ее цивилизации и этой ревностной службой удовлетворить своему честолюбию, оставив по себе память.

Известна исповедь Атаульфа Вестготского: "Я хотел истребить имя Рима и на его развалинах основать господство готов и приобрести славу основателя нового государства, подобно Цезарю Августу. Но опыт убедил меня, что для сохранения государства в добром порядке нужны законы, а дикий и упрямый характер готов делает их неспособными сносить ярмо законов, гражданского порядка и управления. Теперь я желаю, чтоб в будущие века с благодарностью вспоминали о заслугах чужестранца, который употребил меч готов не для разрушения Римской империи, но для восстановления и охранения ее благосостояния".

Вождь сбродной варварской дружины, находившийся на римской службе, Одоакр, которому обыкновенно приписывали разрушение Западной Римской империи, господствовал в Италии с титулом патриция, тогда как римский сенат передал императорский титул восточному византийскому императору. Именем этого единственного теперь римского императора остготский князь Теодорик отнял Италию у Одоакра и его дружины; борьба кончилась, когда Одоакр сдал Теодорику Равенну.

За Рим не было борьбы. Новый владелец Италии признавал римского императора, жившего в Константинополе, своим отцом и главою, на монете по-прежнему видели изображение этого императора, и на общественных памятниках начертывалось его же имя. Скоро после Теодорика рушится владычество готов; номинальное владычество в Италии римского императора, живущего в Константинополе, становится опять действительным при Юстиниане — явление, которое условливалось для Италии близостью ее к Новому Риму, Византии. Являются лангобарды; завязывается борьба между ними и Римской империей — войны, какие бывали и прежде между империей и варварами, как в других областях, так и в Италии.

Когда средства империи оказались недостаточными в борьбе, Рим обращается с просьбой о помощи к могущественному варварскому вождю, утвердившемуся в Галлии, вождю франков; помощь подается, и чрез несколько времени, когда сын этого франкского вождя чрезвычайно усиливается, в Риме находят выгодным, необходимым провозгласить его римским императором. При всех этих движениях и сделках в Риме на первом плане мы видим его епископа и потому должны обратить внимание на это явление.

Варвары, вступивши в область Рима, легко уничтожили материальные силы одряхлевшей империи, но они встретили также силы нравственные, которыми в свою очередь были побеждены. Если прежде Рим, по словам его поэта, был побежден побежденной Грецией, ее цивилизацией, то по историческому закону то же самое должно было совершиться теперь: материально победоносные варвары должны были покориться побежденным римлянам. Из нравственных сил, которые условливали это покорение, на первом месте была религия, не древняя национальная религия Рима, материально распространенная, болезненно ожиревшая от собрания в себе других религий побежденных народов, не могшая внести никакого нравственного вклада в жизнь варваров, но религия новая, не национальная римская, а общечеловеческая, которая с самого появления своего объявила, что для нее нет разницы между "эллином и варваром".

Христианская церковь первая встретила варвара на новой, чужой ему почве, первая дала ему нравственное убежище, отдых, первая приласкала его, назвала своим, родным и указала ему в прежних жителях римских областей не чужих, не врагов, а своих же братьев, свела, познакомила старое и новое народонаселение, завязала между ними тесную, неразрывную связь. Варвары-германцы тем охотнее пошли на призыв христианства, церкви, что во время продолжительного движения своего из дальних стран Севера, отрываясь все более и более от той почвы, где развились и окрепли их национальные верования, сталкиваясь беспрестанно с другими народами, вместе с тем все более и более отрывались от этих верований, которые постепенно тускнели, бледнели для них.

Варвары, вступившие на римскую почву, принимали христианство с изумительною легкостью и быстротою, так что нельзя определить времени, когда какие-нибудь вандалы, свевы, лонгобарды приняли христианство, тогда как, чем далее к северу, тем большее сопротивление встречало оно, и самые большие затруднения встретило в Скандинавии, в этой фабрике народов (*officina gentium*), прародине германцев, где их национальная религия пустила глубокие корни, где развилось общественное богослужение и где образовалось жречество.

Германцы, входившие часто сбродными дружинами в римские области, не могли иметь храмов, и храмы их если и упоминаются, то мельком, имеют ничтожное значение, точно так, как у эллинов, которые являются пред глазами истории в таком же положении, как и германцы, откуда у эллинов и такое свободное, своеобразное развитие религии исключительно в руках поэтов и художников.

Народ движущийся, странствующий на поисках новых земель для поселения, тогда только сохраняет и укрепляет свою религию, когда выселение его из известной страны совершилось под религиозным знаменем, как у евреев.

Но вспомним, какая борьба шла и у них за сохранение в чистоте религии отцов при столкновении с другими народами и с другими религиями, и вспомним, что, с другой стороны, странствование освобождало их от тех воззрений и привычек, которые они приобрели в Египте. Движение,

странствование германцев, их искание новой земли для поселения, странствование, предпринятое вовсе не на религиозных основаниях, не под религиозным знаменем, заставило их порастерять очень многое из тех религиозных воззрений, из того религиозного быта, которые господствовали в их прежнем отечестве; и при такой потере они вдруг встречаются с могущественнейшей из религий, против которой, разумеется, не могли устоять религиозные развалины, клочки верований и обрядов, принесенные германцами из северных лесов.

Но главная причина быстрого торжества христианства среди варваров заключалась в наступательном его движении. Пророческая сила, ведшая у евреев борьбу оборонительную для защиты, сохранения в чистоте религиозных и нравственных начал у одного своего народа, в христианстве стала вести борьбу наступательную:

христианин сознавал обязанность быть пророком, проповедником принесенного Богочеловеком учения, обращать к нему всех людей, все народы мира, следовательно, действовать наступательно, разрушительно на все другие религии, подвергаясь при этом всевозможным лишениям, мукам, смерти.

Греко-римское общество не устояло против этого наступательного движения пророков, эллинская "премудрость" пала пред "безумием" проповедника распятого Бога. Но пророки этим не удовольствовались: они предприняли наступательное движение против варваров, материально разделявавших Римское государство, перешли границы империи, углубились в самые жилища варваров, куда уже давно перестали проникать римские легионы. Варвары жили в богатырском быте, когда вследствие движения и борьбы из народной массы выделялись физически сильнейшие, храбрейшие люди и становились на первые места, в вожди народов, когда подвиг физической силы был подвигом по преимуществу, а целью подвига был прирост власти и богатства. Против таких-то богатырей выступали новые пророки, проповедники христианства, нравственные богатыри.

Легко понять, за кем осталась победа. Таким образом, при начале новых государств мы видим два движения, две борьбы: движение варваров — борьбу их с материальными силами Рима и друг с другом, эти движения кончились победою варваров; с другой стороны, видим нравственное движение, борьбу, поднявшуюся изнутри римского мира под знаменем религии, и здесь победил римский мир; под покровом церкви сохранилось и прошло в новую жизнь и греко-римское просвещение, особенно посредством языка, удержанного церковью.

В новом мире явилось начало, которого не мог представить ни древний греко-римский мир, ни варвары, — начало, которое явилось в новом христианском греко-римском мире и отсюда перешло к варварам, это духовенство с могущественным влиянием во всех сферах жизни благодаря его учительному, пророческому характеру.

При начале новых государств мы уже видим двойственность в духовенстве.

В первые века христианства, когда церковь была относительно немногочисленна и особенно воинственна, не одно духовенство, но более или менее и другие верующие имели этот возбужденный, пророческий характер, были борцами против неправды и несовершенств мира сего за высшие начала.

С течением времени, с распространением христианства и господством его возбуждение в массе духовенства и мирян уже по тому самому, что это была масса, должно ослабевать, но борьба новых начал со старыми прекратиться не могла, и борцы, пророки являются.

От человека, проповедующего воздержание от земных пристрастий и большее внимание к исполнению нравственных обязанностей, от такого человека естественное требование, чтобы он сам подал пример отречения от этих пристрастий. Пример действует сильнее всего, и слово получает могущество от дела. По-видимому, вне общества, в бегстве от него, в недоступных пустынях явились новые пророки, но это самое бегство и укрывательство от общества и производило на него самое могущественное впечатление, и голос вопиющих из пустыни был самым громким голосом. Новые пророки, монахи, стали поэтому на первом плане в христианском обществе; не будучи сначала священниками, они стали образцами для священников; общество потребовало от них, чтобы они были священниками и первосвященниками, — требование, по-видимому находившееся в противоречии с значением монаха, но совершенно согласное с потребностями общества, обновлявшегося под влиянием новой религии.

Таким образом, монашество, приближаясь наиболее к идеалу, поставленному для общества религией, завоевало для себя привилегию высшей степени духовной иерархии; оно же преимущественно приняло на себя и продолжение апостольской деятельности, проповедование христианства иноверным народам, и тем еще более возвысило свое значение. На Востоке, подчинившись нравственно силе монашества, уступили ему право на архиерейство, но священство осталось и за немонахами, но сочли благоразумным и возможным требовать, чтобы все духовенство носила этот чрезвычайный пророческий характер, состояло из людей, отрекшихся от всех мирских привязанностей; ограничиваться же одною формальностью не сочли делом нравственным.

Но на Западе, как увидим, взглянули на дело иначе, потребовав, чтобы все духовенство носило монашеский характер; а монашеский образ, по тем представлениям, которые составились вследствие жизни первых монахов, был образ ангельский. Таким образом, употреблено было страшное насилие природе человеческой, и печальные следствия насилия не замедлили обнаружиться.

С самого начала христианства главные пастыри церкви, епископы, являются уже с важным значением. Кроме канонического объяснения явления его легко понять и посредством одних исторических наблюдений. Самое верное определение характера первоначальной церкви это — Церковь воинствующая; для борьбы нужны вожди, которых и рождает борьба; для успеха борьбы вожди должны иметь обширную, крепкую власть.

Римская империя, разрушаясь вследствие исчезновения материальных сил, поспешила прибегнуть под покров нравственной силы, имеющей жить и создать новое общество, поспешила прибегнуть под покров христианства, объявив его господствующей религией; человек, чувствуя приближение смерти, видя, что в материальных, земных средствах нет более спасения, прибегает к силам духовным, отказывает свое имение церкви. При этом значение епископов могло только еще более усилиться. Городское население, напуганное бедами, нависшими со всех сторон над империей, ограбленное казною, сплачивалось около своих епископов, людей сильных средствами нравственными и материальными.

С самого начала на Востоке и Западе одинаково раздаются слова, что власть духовная выше светской, как дух выше тела; что нет выше этой власти, которая если свяжет на земле, то вместе с этим свяжет и на небеси. Епископское звание становится высшей целью честолюбия для людей, выдающихся из толпы по своим талантам, положению, материальным средствам. Но это звание достигалось избранием паствы. Общественная жизнь, которая в цветущее время властительных городов так сильно выражалась в избрании правительственных лиц, оцепеневшая в последнее время, вдруг заволновалась снова выборами главного, пастыря церкви, не главного жреца, исполнителя религиозных обрядов, но человека, имеющего власть взять и решить; религиозный интерес, обхвативший так всецело общество, дал этим выборам самое важное значение.

Легко понять, на какой общественной высоте чувствовал себя избранник; легко понять, какое значение имело собрание епископов для решения вопросов, ставших на первом плане для общества; какое значение имел Вселенский собор, этот невиданный языческой древностью всемирный форум.

Таким образом, варвары, войдя в области империи, легко одолели ее войска, ее воевод, ее светского правителя, но встретили неодолимую силу в церкви и в ее главных пастырях, епископах; с этою силою они должны были входить в соглашения и не только делиться с нею властью, но и нередко преклоняться пред нею. Она служит посредницей между прошедшим и будущим Европы, между греко-римским и варварским миром; ею преимущественно поддерживается обаяние Рима, испытываемое варварами. Это посредствующее значение и сила церкви, сила ее епископов, резко обнаружилась в судьбе самого видного из варварских племен, в судьбе франков, и в их отношениях к римскому миру.

В истории образования важнейших континентальных европейских государств заключается общее любопытное явление: везде в них северная половина получает преимущество перед южной: с севера идет сила, подчиняющая себе все части государственной области, собирающая землю, вследствие чего сосредоточивающие пункты или столицы находятся в северных частях государства, несмотря на то что на юге, по-видимому, больше благоприятных условий для народного развития. Такое явление мы видим во Франции, в Испании, в России; потом Северная Германия начинает брать заметный перевес над Южною, и в наше время этот перевес очевиден; в наше

же время Италия обязана своим объединением движению из северных своих частей.

В Галлии в то время, когда она стала отламываться от Римской империи, в южных ее частях поместились два сильных варварских народа, бургунды и вестготы, но через несколько времени они должны были признать власть варваров, пришедших с севера, — франков, которые объединили страну и дали ей имя.

При этом не должно забывать, что в Галлии, чем далее к северу, тем менее было романизации, которая особенно выражалась в изнеженности нравов; этой изнеженности не остались чужды и бургунды и вестготы.

Франки, как известно, не были многочисленны, и потому сила их вождей после утверждения в Северной Галлии должна была, естественно, основываться на прежнем ее народонаселении, отличавшемся от южного большей крепостью.

Не должно забывать также явления, которое было указано нами в Галлии еще во времена ее самостоятельности, — явления, которое было следствием неудовлетворительного состояния политического и экономического быта; это явление — большие шайки голытьбы, беглецов, изгнанников из разных народов; мы видели, что эта голытьба (*egentes ac perditii*) давала готовое войско честолюбцам, стремившимся к верховной власти. Владычество римлян не могло уничтожить причины образования этих шаек; мы имеем свидетельства о людях, покидавших свои дома и родину, чтобы спастись от сборщиков податей; часть их бежала к варварам, часть составляла независимые шайки, известные под именем багавдов.

Движение этих беглецов должно было преимущественно направляться с юга на север, где и образовалось воинственное народонаселение, стремящееся опрокинуть на места прежнего жительства. Мы знакомы с этим возвращением гераклидов. Очень правдоподобно объяснение, что сами франки составились из беглецов, изгнанников, — объяснение, которое оправдывается на их имени (*warg, free*; наше — варяг, изгнанник, разбойник, волк⁴).

Как бы то ни было, во франках и вожде их Кловисе, или Хлодовике, галльские епископы увидели могущественное средство низложить бургундов и готов, преданных арианству. "Твоя победа есть наша победа", — прямо говорили они Хлодовику.

Варвару было приятно под предлогом наказания еретиков приобрести хорошие земли, и он наивно говорил дружине: "Мне не нравится, что ариане-готы владеют лучшими землями в Галлии; пойдём и прогоним их с Божиею помощью; овладеём их землею; мы сделаем хорошее дело, потому что земля эта очень хорошая".

Галлия была покорена франками.

"Галлия была покорена франками!" Выражение, которое принимало различный смысл, провозглашалось как непреложная истина, защищалось или

4 У нас смеялись над производством названия козак от козы, но корень один в обоих словах и означает бегуна.

Слово "багавды" имеет то же самое значение бегуна: кельтич. — bog, санскрит.-bhag, наше — бегать.

упорно отвергалось по причинам вовсе не научным, но, к сожалению, в исторических исследованиях ненаучные побуждения имеют большую силу и если иногда приносят пользу, заставляя уяснять некоторые явления, то польза эта не вполне вознаграждает за вред, причиняемый продолжительностью споров вовсе не нужных, натяжками, тратой сил и времени. По вовсе не научным побуждениям, без справки с наукою в конце XVIII века во Франции придумано было историческое объяснение и оправдание революции, что борьба низших слоев народонаселения с высшими есть борьба покоренных галло-римлян с потомством покорителей франков; что такое революция? — свержение ига, наложенного покорителями на покоренных.

Просто, успокоительно и вместе эффектно! Легкое и эффектное объяснение принялось; начали историю Западной Европы объяснять завоеванием, отношениями победителей к побежденным; у нас начали противопоставлять русскую историю западноевропейской: в Западной Европе завоевания, насилия и потому жестокость отношений; у нас завоеваний нет, варяги призваны, и потому мягкость отношений!

Поляки придумали сделать из своей шляхты особый народ завоевателей!

Теперь французы сильно перессорились с немцами; во Франции пишутся многотомные сочинения об истории Германии, где каждое явление стараются выставить в непривлекательном виде: можно ли же допустить как начальное, исходное явление в истории Франции немецкое, франкское завоевание? Разумеется, нельзя, и вот провозглашается, что никакого франкского завоевания не было! Какие же приводятся доказательства? Нет указаний, говорят, чтобы галло-римляне лишились своих земель; они не были порабощены, даже нельзя думать, чтобы они были политически подчинены. В советах королевских, в войсках, в должностях публичных, в судах, в народных собраниях даже обе части народонаселения смешиваются.

Летописцы беспрестанно указывают человека франкского происхождения подле человека галльского происхождения, не обозначая никогда, чтобы первый имел высшие политические права, ни чтобы его франкское происхождение доставляло ему большее уважение. Галлы подчинялись франкским королям, но мы не видим признаков, чтобы они подчинились франкскому племени.

Что касается вопроса о землевладении, то его нельзя решать так легко в том и другом смысле. Прежде всего нельзя противопоставлять франков галло-римлянам относительно всей страны, которую мы теперь называем Францией. Франкское занятие страны не было первым; прежде она была занята в известных частях своих бургундами и вестготами, которые поделили землю с прежними владельцами, поделили и рабов, необходимых для ее обработки; то же самое произошло и в Италии при поселении в ней варваров. Тут была еще занята земля с согласия римского правительства, но франки под предводительством Хлодовика заняли позднее ту часть Галлии, где еще держались римляне под начальством Сиагрия, заняли ее, разбивши войска Сиагрия, уничтоживши в лице этого начальника последний остаток римской власти в Галлии.

Мы совершенно спутаемся в понятиях, если за таким явлением не станем признавать характер завоевания, покорения и если станем отрицать необходимые следствия тогдашнего завоевания, покорения. Нам известно, что победители-франки опустошили страну побежденных, не щадили и церквей и собранную добычу делили, причем все должны были получить известную долю, от вождя до последнего воина, как то ясно из знаменитого рассказа о церковном сосуде, которого простой франк не хотел уступить Хлодовику. Если приобреталась и делилась добыча движимого, то на каком основании мы будем утверждать, что завоеватели не смотрели на землю как на добычу и не поделили ее между собою?

Мы не станем утверждать, что все галло-римляне лишились своих земель; не считаем только себя вправе делать предположение, что франки удовлетворялись только казенною землею или никому не принадлежащею. Потом покорены были бургундские и вестготские части Галлии: что же, и здесь не было покорения?

Действительно, мы видим людей галло-римского происхождения в приближении у королей франкских, в важных должностях; но, во-первых, есть ли средства определить отношения этих случаев к общему правилу; во-вторых, и в Турецкой империи, где подчиненность покоренного христианского народонаселения завоевателям-магометанам не подлежит сомнению, мы видим людей из этого подчиненного народонаселения, занимающих важные должности, обнаруживающих сильное влияние.

Нам говорят, что галло-римляне подчинились франкским королям, но не франкскому племени; но и в Турции христианское народонаселение подчинено султану, а не туркам; здесь дело идет не о подчинении в собственном смысле, а о первенствующем положении. Франки составляли войско своих королей — это неоспоримо; какое значение имело войско, вооруженная сила в те времена?

Значение первенствующее — это также неоспоримо. В каких отношениях находились тогда воины к своему вождю или королю? В самых свободных; вождь зависел от них: покорив с ними известную страну, он должен был делиться с ними выгодами, происходившими от этого покорения.

Каково было римлянам от этих равноправных сограждан, видно из письма Сидония Аполлинария к другу, требовавшему от него стихов: "Могу ли я петь, окруженный толпами космачей, принужденный слышать немецкий язык, восхищаться песнью пьяного бургундца? Счастливы ваши уши, которые не видят и не слышат варваров! Счастлив ваш нос, который не обоняет по десяти раз в утро вони луком и чесноком".

И в таком принужденном положении римлянин должен был находиться относительно бургундов, варваров, отличавшихся самым кротким характером; что же было от франков, которые вовсе не отличались таким характером? Если франки не имели никакого преимущества, то зачем же галло-римляне старались подражать им даже во внешности, отращивали длинные волосы, назывались варварскими именами? Но у нас есть свидетельство о преимуществе варвара над римлянином — свидетельство, с которым никак не сладят защитники их равноправства:

по салическому закону вира (штрафные деньги) за варвара была вдвое больше, чем за римлянина.

Отрицать завоевание и преимущество завоевателя перед завоеванными нельзя, но из этого не следует, чтобы мы, говоря о завоевании, повсюду, где оно было, предполагали одинаковые последствия. Одно и то же явление в разное время, в разных странах, при разных этнографических, географических, экономических, религиозных и других условиях разнится чрезвычайно в своих последствиях.

Так и завоевание галло-франков разнится и от завоевания турками греческих и славянских областей на Балканском полуострове, и от завоевания Англии норманнами, и от завоевания России татарами, не переставая, однако, быть завоеванием. Прежде всего завоеватели, их вождь принимают веру завоеванных, и это, разумеется, дает совершенно особый характер отношениям между ними — прежде всего уничтожает сближение завоевания Галлии франками и завоевания турками Греческой империи, где религиозная рознь и вражда сделали смешение завоевателей с завоеванными невозможным.

По известию летописца, епископ, крестивший Хлодовика, говорил ему при совершении таинства: "Преклони смиренно голову, Сикамбр; поклоняйся тому, что ты жег; жги то, чему ты поклонялся". Говорил ли епископ эти слова или нет — нам все равно; для нас важно видеть в летописи выражение современного взгляда на события, выражение восторга галло-римского народонаселения, когда дикий завоеватель, истреблявший, жегший прежде храмы христианские, стал единоверцем с завоеванными, преклонился пред их епископом, в лице которого поднималась и вся паства, им представляемая. Во-вторых, завоеванные стояли на высокой ступени цивилизации сравнительно с завоевателями-варварами.

Завоеватель нуждался в искусстве, знании завоеванных; некоторым из людей галло-римского происхождения, даже светским, открывалась возможность приблизиться к королю, получить важное место и влияние, тем более что религия нисколько этому не препятствовала, а варварская национальность сама по себе не ревнива и уклончива пред цивилизацией.

Галлия подчинилась франкским князьям. Кроме прежнего более или менее олашьенного галльского народонаселения она вобрала в себя теперь население германского племени: бургундов, готов, наконец, франков как последний слой. Мы заметили в предыдущей главе, какую бедностью, неразвитостью экономического быта отличалась Римская империя сравнительно с экономическим бытом новых европейских государств. Римская империя была государство первобытное, земледельческое, с малым сравнительно развитием промышленным и торговым; отсюда все значение у имущества недвижимого, земли, тогда как могущественное значение движимого, денег, есть особенность нашей новой истории, следствие сильного развития экономического быта новой Европы.

Мы видели, в каком печальном положении находилось городское и сельское народонаселение в областях империи; новые государства, основавшиеся на развалинах империи, начинают с того, на чем кончилась

империя, древний мир, должны иметь дело с тою же экономической неразвитостью, носить также земледельческий характер. Все значение — у земли, и потому первое явление здесь, подлежащее наблюдению историка, это — определение поземельных отношений.

Как бы ни овладели варвары землею, мы видим их в самом начале полными, неограниченными собственниками своих земельных участков; подле них видим такими же полными, неограниченными владельцами земельной собственности и галло-римлян, каким бы образом они ни удержали свои земли. Эти земельные участки, на которые владельцы имеют полное, неограниченное право собственности, носят разные названия, латинские, германские и такие, происхождение которых трудно определить; они называются *proprietas*, *dominatio*, *sors*, салическая земля, алод, *haereditas*; есть и такое латинское название, которое всего ближе подходит к нашей вотчине, это: *terra aviatica* — буквально: дедина.

Но мы уже видели, что при экономическом быте, какой существовал в Европе в описываемое время, и при том хаосе, какой господствовал при рождении новых государств, при слабости общей государственной власти общество для своего поддержания прибегает к частным союзам, слабый становится под покров сильного, бедный — под покров богатого, закладывается за него, делается его захребетником; неимуций идет в услужение, в добровольное холопство, естественно очень быстро переходящее в рабство; бедный землевладелец отдает свою землю, свою вотчину богатому и сильному землевладельцу, чтобы только получить от него защиту. Это явление не есть национальное, не принадлежит какому-нибудь одному времени, но общее народам в разные времена, когда действуют указанные выше условия. Мы видим закладничество и холопство у галлов; в Римской империи слабый, чтобы найти покровительство сильного, отдавал ему свою вотчину в собственность, а сам пользовался ею пожизненно.

"Чтоб отцу получить защитника, — говорит современный писатель, — сын теряет наследство; отец попользуется землею временно, сын потеряет ее навсегда, потому что отец перестал быть собственником". Из этих-то закладчиков, потерявших свои вотчины, образовался класс колонов, прикрепленных к земле крестьян.

При утверждении варваров закладничество продолжалось, вотчины переходили в поместья. Этим словом "поместье" мы вполне верно можем передавать слова: *beneficium* или *precarium*; при бедности государства, при недостатке движимого, денег, князя вместо жалованья давали служащим у них людям земельные участки в пожизненное или вообще срочное пользование, и такие земли назывались *beneficium* или *precarium*, вполне соответствовавшие нашим русским поместьям.

Иногда и на Западе точно так же, как и у нас в Древней России, князя за важные услуги жаловали земли и в вотчину, то есть в вечное потомственное владение. Но когда мелкий вотчинник закладывался за сильного, то он отдавал последнему свою вотчину и брал ее назад в виде поместья, в пользование

только; в договорах прямо выражалось, что он принимает землю как бенефиций.

Мы знаем из летописей, каким иногда способом сильные землевладельцы заставляли менее сильных отдавать себе их вотчины.

Григорий Турский рассказывает, что одному священнику королева Клотильда подарила землю в вотчину. Епископ стал просить ее у него; священник не соглашался отдать; тогда епископ начал грозить; когда и угрозы не подействовали, то епископ велел священника живого положить в мраморную гробницу и накрыть крышкою; священнику удалось, однако, уйти и принести жалобу королю, но не видно, чтобы епископ потерпел что-нибудь за свой поступок. Что не удалось означенному епископу, то удавалось другим светским и духовным лицам.

Как на Западе в описываемое время крупные землевладельцы заводили за себя земли мелких вотчинников, об этом по сравнению мы можем получить ясное понятие из истории Малороссии XVII и XVIII века: здесь крупные землевладельцы точно так же отнимали земли у казаков и делали их самих своими крестьянами, а иногда сами казаки отдавали свои земли и переходили в крестьянство к сильным землевладельцам, чтобы отбыть от военной повинности.

Но если таково было главное экономическое явление в новорожденном государстве, то что же делала новая верховная власть, в каких отношениях находилась она к различным частям народонаселения и к различным органам, уже обозначившимся в юном государственном теле, с самого начала превосходившем своим развитием или расчленением прежние государственные тела? Мы видели быт германцев за Рейном и Дунаем; видели, как подвиги, богатырство доставляли благородство, высшую, королевскую власть. У франков мы видели таких королей, и под начальством одного из них, Хлодовика, они покоряют Галлию.

Король франков становится начальным человеком в стране, главным правителем ее. Галло-римское народонаселение, интеллигенция его, то есть преимущественно духовенство, епископы, понимают это явление так, что варвары-франки это — войско, служащее Римской империи, и предводитель этого войска, расположенного в Галлии, управляет странюю во имя Римской империи, римского императора.

Варварский король вел себя согласно с этим пониманием: Хлодовик с восторгом облачается в консульскую одежду, присланную ему императором Анастасием, и хотя требует, чтобы к консульскому титулу прибавлялся и титул Августа, однако не бьет монету со своим изображением, а с изображением императора Анастасия. Сикамбр преклоняет голову пред обаянием цивилизации точно так же, как преклоняет голову пред крестившим его архиереем; варвары представляли материал, не имеющий политической формы, не успевший приобрести ее в своих лесах, в своих странствованиях; Рим предлагал им готовую форму, и они стремятся принять ее и через это политически воплотиться.

Такое искание формы, определения и производит стремление варварских народов приобрести цивилизацию у народов, ею обладающих. В летописях варварских народов, как на Западе, так и на Востоке Европы, мы встречаем известия о благоговейном отношении варваров к цивилизации. Заимствование, оформление, естественно, начинается сверху и посредством видимых знаков. Хлодовик Франкский величается в консульском платье, присланном из Византии; в Москве хранится шапка Мономаха, присланная оттуда же.

Готский король Атаульф жаловался, что готы не способны к повиновению по причине их необузданного варварства. Так должны были смотреть на своих и все короли, которые начали носить консульское платье и диадемы, присланные из Константинополя. Мы видели, что в лесах германских о делах меньшей важности совещались начальные люди, о важнейших — все. Король на римской почве явился в челе войска, привыкшего к этим всеобщим совещаниям, ибо движение войска, решение насчет похода есть важнейшее дело, и тут-то варвары особенно отличались своим неповиновением. Франкские короли Клотарь и Хильдеберт — идут на бургундов; брат их, Теодорик, отказывается идти с ними вместе; тогда его войско говорит ему: "Если не хочешь идти в Бургундию с братьями, то мы покинем тебя и пойдем за ними". Теодорик уговаривает их: "Ступайте за мною в Овернь, я вас приведу в страну, где вы наберете золота и серебра сколько душа желает, наберете скота, рабов и платья множество, только не ходите с братьями моими". Король Клотарь идет на саксонцев; саксонцы просят мира; Клотарь хочет мириться, но воины говорят ему: "Мы знаем, что саксонцы лгуны, обещаний своих не сдержат". Саксонцы опять с мирными предложениями; Клотарь опять просит франков не нападать на них, чтобы не навлечь на себя гнева Божия; франки не хотят слышать о мире. Король говорит им: "Если вы непременно хотите драться, то я не пойду с вами". Тогда воины бросаются на короля, рвут его палатку, ругают его и тащат насильно в битву, грозят убить, если не пойдет. Варвары, франки, это — войско; война — главный их интерес; они собираются весною, в марте месяце, перед началом похода, на сейме, на мале, буквально — вече, рада (mal — слово, gad — испускать звук, вече — слово). Кроме войны, на "мале" (которому по характеру своему вполне соответствует черная рада у малороссийских казаков) решались и другие дела особенной важности, выбор вождей, выбор дядьки, или воспитателя, в случае малолетства короля, земельные разделы и разделы казны между королевскими детьми, суд над важными преступниками, дела церковные, ибо на них присутствовали епископы.

Всевозможные беспорядки, какие только можно себе представить в громадном сборище грубой вооруженной массы, не хотящей знать никакой дисциплины, беспорядки, которыми отличались казацкие рады и польские сеймы, бывали и на этих франкских мартовских сеймах. С течением времени они собирались все реже и реже: они не могли нравиться ни королям, ни знати, ни епископам; с постепенным выходом из обычая мартовских сеймов пало и значение войсковой массы, а с другой стороны, постепенное ослабление последней отнимало значение у мартовских сеймов, которые являются только военными смотрами. При таких точно условиях военного занятия страны в

Малороссии гетманы, начиная с Богдана Хмельницкого, избегают собрания черной рады и дела решаются на съездах старшин и полковников к гетману.

Мы видели, что у варваров богатырь, начальный человек, окружен был воинственною толпою, дружиною, которая в мире составляет украшение, на войне — охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ее славу не только в своем народе, но и у народов соседних: к таким вождям являлись посольства, приносились дары. Эти слова Тацита о дружине переводит русский князь Владимир, говоря: "Золотом и серебром не приобрету дружины, а с дружиною приобрету серебро и золото".

Понятно, что у франкских королей, после того как они стали владельцами Галлии, дружина была очень многочисленна; она носит название трусты (truste), члены ее — антрустионы (по всем вероятностям, это слово однокоренное с санскритским tra — защищать, покровительствовать, кормить; древнеславянское трути — кормить; наше трава — корм). Антрустионы, дружинники, клянутся быть верными королю, быть его людьми (leudes), а король держит их под своим покровительством (mandium): кто убьет антрустиона, тот платит виру в три раза большую, чем вира за убийство простого франка.

Но кроме такой сильной охраны антрустионы имели еще другие выгоды: они получали от короля хорошие поместья (beneficia), из их среды король назначал правителей в города и области с титулами герцогов и графов, судей и сборщиков податей.

По новому положению своему на римской почве не как только вождь, но и как государь обширной страны король принимает в антрустионы не одних храбрецов, он берет людей и галло-римского происхождения, надобных ему по своему искусству и образованию для исполнения разных поручений, например для ведения дипломатических сношений, для составления грамот. Но высшие должности правительственные, соединенные с охраною страны, должности герцогов, войсковых начальников областей поручались преимущественно франкам, что видно из имен герцогов, попадающихся в летописи, а это ясно показывает также отношения франков к галло-римлянам.

Король располагал обширную земельною собственностью, прежнюю казенную собственностью империи, если и не предположим, что он, как вождь, взял себе хорошую, большую долю. Обширная земля давала ему большие средства раздавать поместья, или бенефиции, награждать заслуги своих людей вотчинами.

Доходы с земель, оставшихся за королем, подати с галло-римского народонаселения, подарки, подносимые по старому обычаю франками (которые упорно отказывались платить подати наравне с покоренным народонаселением), — все эти доходы давали королям возможность иметь обширное хозяйство.

Антрустионы находили для себя почетным и выгодным заведовать отдельными частями этого хозяйства, но понятно, как почетно и выгодно было положение человека, который стоял выше всех этих управителей отдельными

частями, который имел высший надзор над всем хозяйством, над всем домом королевским, был старшим в его управлении, *major domus*, палатным мэром.

Антрустионы, приближенные к королю люди, начиная с самого приближенного, палатного мэра, составляли знать в глазах остального народонаселения, *illustres, optimates*. С ними король держал совет, думу, и, чем более теряли значение общие войсковые рады или мартовские сеймы, тем более приобретали значения эти советы короля с знатью, с антрустионами; но в этих советах участвовала не одна светская знать, в них участвовала и знать церковная — епископы.

С этими двумя элементами, знатью светскою и церковною, королевская власть и должна иметь преимущественно дело. Три силы налицо; как же определить отношения между ними? Тут прежде всего внимание наблюдателя обращают на себя естественные общие условия жизни человека и народа, те представления о законе отношений, о праве, которыми люди и народы руководствуются в первобытные времена, пока опыт долгой политической жизни не убедит их в необходимости изменить эти представления.

При этом разные случайные обстоятельства играют важную роль, ибо они подкладывают тяжести на ту или другую чашку весов. Само собою разумеется, что из этих случайностей личность, способности, умение пользоваться своими средствами играют главную роль в наклонении весов в ту или другую сторону; затем более или менее продолжительная преемственность способных людей на той или другой стороне; наконец, совершенно внешние явления, столкновения народа с другими народами и т. д.

Представлением, господствующим у варваров, является представление о том, что страна есть частная собственность короля, по смерти которого все его сыновья имеют одинаковое участие в отцовском владении. Сыновья Хлодовика разделили Галлию между собою на четыре части, вовсе не соблюдая точности границ; владения их были чересполосные: иногда один город принадлежал двоим и троим королям; Мец, Суассон, Париж и Орлеан были главными городами этих четырех волостей; но Юго-западная часть Галлии, прилежавшая к Атлантическому океану, так называемая Аквитания, поделена была опять на четыре части между братьями. Нужно ли говорить, какое явление напоминает нам это деление Галлии между потомками Хлодовика, или так называемыми Меровингами?

Точно так же русские владения делились между сыновьями Ярослава: Новгород отчислялся к Киеву, Ростов — к Переяславлю Южному, Муром — к Чернигову!

Какие же были отношения между сыновьями Хлодовика? Государственной подчиненности младших братьев старшим мы не видим никакой; о родовом подчинении, о том, чтобы старший был вместо отца, владел старшим столом, также нет помину.

Мы видели, что германцы не могли сохранить или выработать крепкого родового союза, а на римской почве, в народонаселении римских провинций, и давно не было условий, которые бы благоприятствовали этому сохранению или выработке.

Но так как и государственные отношения еще не начинали вырабатываться, то между людьми, стоящими наверху, между владельцами, естественно, выставляются развалины, обломки, воспоминания родового союза, если он был когда-нибудь выработан, или первоначальные черты его, задержанные в своем развитии отсутствием благоприятных условий.

Меровинги признают родственную связь между собою, признают землю, добытую предками, своею родою собственностью; считают себя вправе наследовать друг после друга; но при этом отсутствии выработки родовых отношений, которые бы у других племен сдерживали хищничество, открывая властолюбию и честолюбию другие виды, виды на старшинство в роде, отсутствие выработки родовых отношений у германцев давало полный простор хищничеству, стремлению увеличить свои наделы, свое богатство на счет родственников, истреблять последних.

Нельзя было отнять землю у взрослых родственников, у братьев, истребить их, нельзя было сладить с племянником взрослым, сильным привязанностию дружины: бросались на малолетних осиротелых племянников, их истребляли и делили земли отца их между собой. Известно, как у нас, в России, при господстве родовых княжеских отношений несчастные князья-сироты были мало обеспечены от властолюбия своих старших родственников. Любопытно видеть, как у Меровингов вкоренено было понятие, что племянники при дядьях не наследники:

внук Хлодовика, знаменитый своим геройством Теодеберг, едва успел удержать за собою свою отчину, которую хотели поделить между собою дядья его; да и тут он должен был дать им долю из отцовского движимого имущества.

Один из сыновей Хлодовика, Клотарь, по смерти братьев стал единовластием всех отцовских земель, но по смерти его они снова разделились между сыновьями его, и это новое разделение было еще неправильнее прежнего: например, король, который владел землями по течению Сены, владел также Марселью. Нант принадлежал королю, царствовавшему в Суассоне, а этот город только рекою отделялся от владений другого брата.

 Делили земли, завоеванные Хлодовиком и его сыновьями; вместо одного короля является несколько равноправных королей: в каком же отношении находились к ним франкское народонаселение, войско, также дружина или антрустионы, ибо все это землевладельцы, вотчинники и помещики? При разделах между королями земельные владения знатного человека могли очутиться в волостях разных королей, и короли договариваются, что такой человек, считаясь сам лично под властью одного из них, беспрепятственно пользуется имуществом, которое находится во владениях другого.

Так как в подобном положении находилось и духовенство, имения которого были разбросаны в волостях разных королей, то оно соединяет свои интересы с интересами светских землевладельцев, и епископы требуют у короля, чтобы духовные и светские лица, живущие в волостях его дядей, но владеющие землями в его королевстве, не считались иностранцами, но пользовались бы

свободно своими именами. Наконец, короли договариваются не похищать друг у друга дружинников и не принимать таких, которые покинули службу своего короля.

Эти два условия тесно связаны друг с другом: не существуй первого, дружинник будет переходить в службу того короля, во владениях которого находится большая или лучшая часть его земель; не будь второго условия при первом, дружинники, переманиваемые какими-нибудь выгодами, будут переходить в службу другого короля, сохраняя свои земли в волости прежнего в ущерб последнему и в усиление первому.

При первом поколении, при сыновьях Хлодовика, больших перемен в отношениях дружины к королям произойти не могло, потому что сыновья Хлодовика отличались тою же энергиею, тою же воинственною деятельностью, как и отец их. Но со второго поколения начинается упадок между Меровингами. Внешние завоевательные войны сменяются внутренними усобицами между королями. Некоторые из этих королей представляются чудовищами разврата, в который они бросились со всею варварскою необузданностью и пылом страсти, получивши большие средства к ее удовлетворению.

Разврат принес очень скоро свои плоды: явилось новое поколение, дряхлое физически и умственно, недолговечное; жизнь других укорачивается ножами убийц, подсылаемых родственниками. Являются случаи продолжительного малолетства королей, женского управления, управления вельмож. У нас с детства остаются в памяти имена двух женщин из меровингской истории, знаменитых Фредегонды и Брунегильды, которых деятельность является на первом плане; явление естественное:

с падением мужчин у Меровингов, но при сохранении еще значения, материальных средств фамилии деятельность переходит к женщинам, и потом уже все с большим и большим падением фамилии наверх поднимается другая фамилия; эпоха Фредегонды и Брунегильды, естественно, посредствует между самостоятельными Меровингами и правлением палатных мэров.

Но деятельность Фредегонды и Брунегильды необходимо останавливает нас и заставляет наблюдать над характером и положением женщины в новом обществе.

Немецкие ученые в припадках своего германофильства стали проповедовать, что германская женщина мир спасла, что только германская женщина явила в себе настоящий женский характер и установила настоящее положение женщины в семье и обществе, а в семье и обществе других народов женщина имела низкое, недостойное положение.

С легкой руки немецких наставников и у нас начали было толковать о создании славянской, русской женщины, которая также должна была мир спасти. Немецкие ученые основали свой вывод о высоком характере и положении женщины в германских лесах по скудным известиям о каких-то пророчицах Веледах, имевших важное религиозно-политическое значение у своих народов, и о том, что германские женщины очень храбро вели себя во время побоищ, как будто у других народов мы не видали женщин, облеченных точно таким же характером, как будто и другие народы в период своей

богатырской жизни не выставляют богатырей женского пола. С малолетства каждый грамотный человек вбирает в свою память прекрасные, высокие образы женщин и в частной, и в общественной жизни, героинь, совершающих подвиги для спасения отечества, пророчиц-вождей, судей своего народа, и это — в народе восточном, не арийского племени.

Но оставим отдаленный Восток и перейдем поближе, в Европу, на римскую почву, посмотрим, в каком значении встретили варвары женщину в римско-христианском обществе.

Также с малолетства привыкли мы к преданиям о героизме римских женщин в первые времена знаменитого города, о том уважении, каким была окружена римская женщина как мать и жена. Юридические положения об отношении женщины к мужу и сыну не должны смущать нас, ибо при известных условиях быта слабейшему существу прежде всего должна быть обеспечена защита сильнейшего, а защита и власть в таком быту не отделяются. Впоследствии изменение условий быта отразилось в сопоставлении новых брачных форм и условий с прежними, архаическими, так сказать, формами и условиями.

Высокое значение женщины в Риме свидетельствуется тем, что она здесь могла быть жрицею, свидетельствуется и необыкновенными нравами весталок.

С распространением образованности римская женщина, овладев ее средствами, является в обществе с могущественным влиянием; распространение образованности в Риме совпадало с порчею нравов, и многие женщины пользовались своим положением не для поддержания нравственных начал. Но для поддержания последних является христианство, и римская женщина не уступает мужчине в тяжелой борьбе за распространение и утверждение новых верований. Примеров приводить не нужно:

они всем известны, но важное значение женщины, какое было приобретено ею в языческом Риме, и освящение, какое дано было этому значению христианством, нигде не высказываются с такою поразительностью, как в истории Иеронима и Златоуста. Германская женщина при встрече с римскою не могла ничего прибавить к значению последней.

Известно, что Тацит хвалит нравственную чистоту германских женщин, и мы несколько не станем заподозривать справедливости его известий; мы укажем только на то, что Тацит причинами этой чистоты выставляет отсутствие общительности при разрозненной жизни германцев, отсутствие цивилизации, отсутствие науки и литературы, и прибавим, что женщины, знаменитые в летописях христианского Рима и Византии, отличались нравственною чистотою, принадлежа к цивилизованному обществу, занимаясь наукою и литературою. Тацит хвалит германцев за однобрачие, соблюдаемое большинством, но говорит, что меньшинство, люди знатные, живут в многоженстве из благородства, а не по сладострастию (поп *libidine*, sed ob *nobilitatem*).

Нам, разумеется, трудно понять такое "noblesse oblige" ("положение [букв.: знатность] обязывает" (фр.). — Примеч. ред.), и мы не знаем, как сведал Тацит о

такой обязанности, налагаемой благородством только. Но как бы то ни было, когда Меровинги овладели Галлией, они вспомнили об этой обязанности и начали исполнять ее с чрезвычайным усердием, женились и разженивались беспрестанно и держали целые гаремы из казенных работниц. Церковь вооружилась против этого разрушительного для нового общества явления всеми своими средствами, но увещания и отлучение мало помогали при господстве двоеверия у варваров, из которых многие принимали христианство только с внешней стороны, служа внутри прежним верованиям и привычкам.

Со стороны женщины дело не могло обойтись без протеста; в германских лесах она могла успокаиваться на законности этого явления; на римской почве, при требованиях новой религии это успокоение было у нее отнято. Отсюда неодолимое стремление энергической женщины из наложницы стать законной и единственной женой; отсюда эта борьба с соперницами, доходящая до крайности, когда все средства считаются позволенными. Таким образом, деятельность Фредегонды, состоящая из цепи преступлений, есть не иное что, как печальное следствие обычая, принесенного Меровингами из лесу, обычая, который пришелся вовсе не по условиям нового общества.

Но не одно стремление выйти из незаконного, не признаваемого новым обществом, унижительного положения заставляло энергическую женщину волноваться, совершать преступления и побуждать других к их совершению. Ее побуждало к тому другое, более могущественное чувство — чувство матери. Мы видели, что отношения между Меровингами указывают на переходное, междуумочное время: государственные определения не выработались, а члены господствующей фамилии руководились остатками родового обычая; им представлялось единство рода, нераздельность родового владения, причем только старшие могут быть представителями рода, совладельцами, племянники исключаются из владения, дядья преследуют их, истребляют.

Не одно властолюбие руководило и королями, когда они стремились к единовластию, к изгнанию, истреблению братьев: ими руководило опасение за участь своих детей, которых дядья не оставят спокойно владеть отцовскою властью. То же самое видим на Востоке, где господствует та же невыработка постановлений о престолонаследии, такие же родовые обычаи, тот же сениорат, по которому старший в роде, дядя, имеет право пред племянником: мы видим, что султан, чтобы упрочить престол за своим сыном, умерщвляет братьев.

Но теперь легко представить себе положение матери-королевы, которая хорошо знала, что, умри ее муж, детям ее предстоит истребление или в крайнем счастливом случае изгнание от дядей! Видя в братьях мужа своего гонителей, истребителей ее собственных детей, она побуждает мужа предупредить врагов, напасть на братьев, изгнать, истребить их. У турингов царствовали три брата — Бадерик, Герменфрид и Бертер; у Герменфрида была жена Амалаберга, которая непременно требовала от мужа, чтобы он отделался от братьев и владел один; Герменфрид уступил настояниям жены, напал на Бертера и убил его. Но оставался Бадерик, на которого Герменфрид боялся напасть. Однажды, когда он пришел в столовую обедать, то увидал, что стол накрыт только наполовину. "Что это значит?" — спросил он с удивлением у жены. "А это значит, —

отвечала Амалаберга, — что, кто довольствуется половиною королевства, должен видеть половину своего стола пустою". Тогда Герменфрид отправил послов к франкскому королю Теодорику с таким предложением: "Если ты погубишь Бадерика, то Герменфрид разделит его волость пополам с тобою". Теодорик согласился, и Бадерик погиб.

Жена польского князя Владислава II-го, немецкая принцесса Агнесса, до тех пор не могла успокоиться, пока не заставила мужа напасть на братьев.

Множество варварских королей вносило страшный раздор в семьи; жены ненавидели друг друга и передавали эту ненависть детям; отсюда материнское чувство, желание предохранить собственных детей от гибели заставляло женщину преследовать своих пасынков, доводить их до гибели, чем особенно славна была страшная Фредегонда. После этого так понятны для нас слова нашего Ярослава, сказанные сыновьям перед смертью: "Се аз отхожу света сего, сынове мои, имеете в себе любовь, понеже вы есте братье единого отца и матери". Перед глазами Ярослава был печальный опыт прежних усобиц, когда истребляли друг друга князья, рожденные от одного отца, но от разных матерей.

Еще одно чувство, чувство религиозного характера заставляло варварскую женщину выдаваться вперед и побуждать мужчин к исполнению священной обязанности, а эта обязанность заключалась в смертоубийстве. Родственник был обязан отомстить смертью убийце близкого человека. Тень убитого не могла быть покойна, пока кровавая месть не была совершена, и, чем заметнее была женщина своим религиозным чувством, тем более отличалась строгим исполнением этой обязанности, по-нашему — неумолимостью, жестокостью в мести.

Клотильда, жена Хлодовика, благодаря настояниям которой этот свирепый Сикамбр принял христианство, — Клотильда, которая по смерти мужа удалилась от света, проводила все свое время в молитвах, — эта самая Клотильда заставила сыновей своих идти войною на бургундского короля, чтобы отомстить ему за смерть отца своего. Поведение западной Клотильды так уясняет поведение восточной, русской Ольги, жестоко отомстившей древлянам за смерть мужа.

б) Политическое соединение Италии, Галлии и Германии при Каролингах

Почти во всех государствах Европы северные части получают преобладающее значение над южными: относительно всюду более скупая природа Севера сохраняет в человеке большую крепость, энергию, устойчивость, трезвость мысли и чувства — качества, необходимые для успеха в государственном зиждательстве, и отказывает ему в других качествах, которые в южном народонаселении производят большую быстроту и роскошь развития. С другой стороны, в известных странах имеют важное значение те их части, те окраины, которые подвергаются наибольшей опасности от внешних

врагов, должны первые принимать на себя их удары; здесь народонаселение крепнет в борьбе, принимает воинственный, предприимчивый характер, способность к защите, переходящую в способность к наступлению.

Правителями таких частей могут быть только люди, сильные духом, способные к постоянной борьбе. В Римской империи такую частью была Галлия, изначально подверженная нападению германцев, изначально спорная между ними и Римом; отсюда важное значение Галлии, важное значение ее правителей и войска, в ней расположенного.

Галлия была украинок — римского цивилизованного мира не по отношению только к варварам арийского племени, германцам, но и по отношению к азиатским степным кочевым варварам, которых нельзя было усыновить цивилизации, которые, кроме опустошения, не приносили ничего. Граница Европы с Азией, которая теперь, во второй половине XIX-го века, на берегах Аму- и Сыр-Дарьи, в начале так называемых средних веков была на берегах Рейна; гуннские кибитки раскидывались в Галлии, на полях каталонских, и были отброшены отсюда страшными усилиями римско-германского ополчения.

Когда Галлия стала владением германцев-франков, то значение ее не изменилось, значение украины цивилизованного мира, возрожденного христианством. Вожди франков, ставши христианами и римскими сановниками, начинают в отношении к своим одноплеменникам, зарейнским германцам, ту же деятельность, как знаменитые римские полководцы, начиная с Цезаря. Они начинают наступательное движение на собственную Германию, а по их следам идут другие завоеватели, проповедники христианства, которые привязывали германцев духовною связью к Риму и его цивилизации.

Такая перемена в движении, то есть когда вместо движения германцев в области империи и преимущественно в Галлию последовало движение из Галлии в Германию, условливалась прежде всего истощением Германии. Никто, разумеется, не предположит, что Германия во время первого столкновения своего с Римом, дикая, покрытая дремучими лесами Германия, могла содержать большое народонаселение, особенно когда знаем, что германцы жили разбросанно, не сгучиваясь в городах, которых не было. Конечно, мы не должны упускать из внимания большой плодущности арийских племен, следовательно, и германцев; но с другой стороны, мы знаем, что это разбросанное в дремучих лесах народонаселение ожесточенно дралось друг с другом и, кроме того, в продолжение веков постоянно выделяло из себя толпы переселенцев, которые под разными видами проходили в области империи и наконец перешли туда целыми народами.

Это последнее переселение, закончившееся утверждением франков в Галлии в связи с гуннским нашествием, и обессилило Германию, прекратило движение ее народов, привело их в состояние покоя, которое заставило их припасть к земле, сродниться с нею. Тут-то, собственно, и положено было начало Германии, ибо до сих пор страна, получившая это имя, была только перепутьем для своего народонаселения. Германия истощилась, а Галлия усилилась утверждением в ней франков; это было самое сильное владение в

целой Европе, которое потому и начинает наступательное движение на Германию, не могущую выставить ей сильного сопротивления; один германский народ за другим подчинился франкским вождям, которые самым фактом подчинения прикрепляют германские племена к их месту жительства, вводят их в определенные границы, а идущее по следам их христианство прикрепляет их окончательно к стране созданием религиозных церковных центров, епископств, монастырей.

Но если мы знаем, что франкские владения в Галлии разделялись между потомками Кловиса, то имеем право ожидать, что самую значительную, самую сильную часть между ними должна быть северо-восточная часть, германская окраина, вожди и воины которой находились постоянно на самом опасном месте, требующем особенного мужества, энергии и искусства. И действительно, мы видим, что северо-восточная часть франкских владений, так называемая Австразия, берет явно перевес над юго-западной, или так называемую Нейстрию. После первых Меровингов история франков в Галлии представляет картину смут, усобиц, оканчивающихся переменою владельческого дома, и во все это время зарейнские германцы оставляют франков спокойно устраивать свои дела в Галлии, не пользуются удобным случаем взять над ними верх, не трогают их в богатой, завидной Галлии: опять доказательство истощения зарейнской, или собственной, Германии.

Какая же была причина смут и усобиц между франками в Галлии? Обнаруживается бессилие, неспособность к правительственной деятельности между членами Меровингского королевского дома, являются так называемые ленивые, ничего не делающие короли. Это явление объясняется легко, если вспомнить, с какою варварскою алчностью Меровинги бросились на чувственные наслаждения благодаря средствам, которые доставило к тому их верховное положение в Галлии. Понятно, что такой образ жизни должен был скоро повести к физическому и нравственному ослаблению, одряхлению рода.

Прежде всего оказалось, что Меровинги больше не воины, а потому и не вожди, могут заниматься только мирными делами, судом; впоследствии оказалось, что они и ни к чему не годны. Если короли не могут быть вождями, то на их место должны быть другие вожди. Меровингов вдруг отстранить нельзя:

*это давний, знатнейший владельческий род. К их верховному значению привыкли, но главное, у этого рода большие материальные средства; у Меровингов много земель, у них большая труста, большое количество людей, связанных с ними земельными отношениями, кормящимися от них; главный между членами трусты, антрустионами, — это управляющий домом, хозяйством королевским, *major domus*, палатный мэр. После короля он виднее всех в его доме; во время малолетства короля он его опекун; а если король постоянно будет недорослем, нравственно несовершеннолетним, то палатный мэр будет постоянно занимать его место, и если король будет постоянно недорослем, а должность палатного мэра будет оставаться в одном роде, станет наследственной, то рано или поздно род, действительно владеющий,*

станет владеющим и номинально, отняв у старой династии и номинальное владычество.

Палатные мэры франков имеют важное значение в истории Западной Европы, в истории этих трех стран — Галлии, Италии и Германии, так тесно связанных друг с другом, потому что эта тесная связь явилась вследствие деятельности палатных мэров. Организм в новорожденных государствах был крайне слаб, внутреннего равновесия между органами быть не могло, вследствие чего сильнейший стремился подчинить себе слабейшего. При неразвитии народной деятельности богатство, сила основаны исключительно на землевладении, и сильнейший землевладелец стремится подчинить себе слабейшего.

Это подчинение происходит известным образом чрез обращение вотчин в поместья: слабейший отдает свою вотчину сильнейшему и берет ее назад в виде поместья и с известными обязанностями подчинения, зависимости, ибо при господстве земельной собственности получение земли в бенефиций, или поместье, было самым ясным выражением зависимости, подчинения, а владение своею землею, вотчиною, служило вернейшим выражением независимости. При таком положении дел, при таких стремлениях бедный, слабый землевладелец мог сохранить свою независимость, сохраняя свою вотчину, свой жребий, или аллод, только при помощи верховной власти; но это возможно было только в том случае, когда верховная власть была сильна, а при тогдашнем государственном быте это могло быть только при условиях личных средств правителя, способности его бороться с сильными, давать им почувствовать свою силу и защищать слабых.

Когда между Меровингами перестали являться такие сильные правители, то сильные люди начали стремиться, с одной стороны, к независимости от короля. Так как эта зависимость выражалась в получении от короля поместий, или бенефиций, и в получении от него в управление городов и областей, то освобождение от зависимости, естественно, состояло в обращении поместий в вотчины и в обращении временных правительственных должностей в наследственные.

С другой стороны, произошло стремление сильных землевладельцев подчинить себе слабых чрез обратное изменение вотчин их в поместья; слабые, не находя себе защиты в верховной власти, естественно, должны были закладываться за сильных, отдавая им свои вотчины и принимая их обратно в виде поместий.

При долгом ряде королей-недорослей, то есть при продолжительной слабости верховной власти, оба эти стремления должны были увенчаться верным успехом; Галлия должна была явиться поделенною между известным количеством крупных землевладельцев, за которыми слабейшие были бы в закладниках, захребетниках, — одним словом, гораздо ранее должно было бы произойти то же самое, что произошло позднее, при падении Карловингской династии, именно — при крайнем ослаблении государственной власти, господство частного союза по земле, господство закладничества или, по западному выражению, феодализма.

Разумеется, столкновение между этими сильными землевладельцами, не знающими над собой никакой власти, повело бы к войнам между ними; могла бы открыться возможность сильнейшим, способнейшим между ними подчинять себе других.

Но все это потребовало бы времени, и Галлия или франки, ею владевшие, не могли бы иметь того влияния на Италию и Германию, сыграть той посредствующей роли между ними, какую они сыграли при Карловингах.

Палатные мэры, перенеся на себя значение и средства Меровингов, сдержали на некоторое время стремление, долженствовавшее необходимо привести к феодализму, удержали, следовательно, на некоторое время Франкское государство от феодализма и дали начало новой династии, которая при Карле Великом соединила с Галлией Италию и всю Германию. Каким же образом палатные мэры могли противодействовать развитию закладничества или феодализма?

Если антрустионы, пользуясь слабостью Меровингов, стремились оставить за собой навеки земли, полученные от короля, обратить поместья в вотчины и должности сделать наследственными, то палатные мэры должны были ослаблять их отнятием у них земель и должностей. Этим отнятием земель и должностей у слишком богатых и сильных вельмож они приобрели средство набирать для себя более покорных слуг, раздавая новым, бедным людям конфискованные земли и должности, набирать новых, более верных антрустионов.

Так поступал палатный мэр Гримоальд, сын Пепина Ланденского; так поступал палатный мэр Эброин, знаменитый своею ожесточенною борьбою со старыми вельможами, заменявший их людьми новыми, покорными, Эброин, который, по свидетельству одного источника, наказавши людей несправедливых и гордых, водворил совершенное спокойствие, а по свидетельству другого источника, человек худородный, Эброин заключил в темницу всех франков знатного происхождения; он заменил их людьми худородными, которые не смели противиться его нечестивым приказаниям.

Так поступал палатный мэр Карл Мартелл, который, нуждаясь в землях для раздачи в поместья своим антрустионам, отбирал земли у епископов.

Понятно, что борьба палатных мэров со старыми вельможами была тяжелая, что не все они могли выходить из нее победителями. Вельможи составляют заговор убить Пепина Ланденского, и он спасается от смерти только чудом; Гримоальд и Эброин гибнут в борьбе. Вельможи стараются не допускать наследственности в должности палатного мэра, не хотят даже допускать пожизненного занятия этой должности одним лицом. Но, несмотря на все старания врагов подавить эту силу, палатные мэры торжествуют, и опять повторяется то же явление, торжествуют палатные мэры из германской украины, из Австразии.

Они дают франкам и новую династию. Попытка заменить династию королей-недорослей новою, крепкою династией из австразийских палатных мэров была сделана давно, но, как обыкновенно бывает, первая попытка не удалась, ибо силы противников были еще велики. В половине VII века

известный Гримоальд, палатный мэр при австразийском короле Сигиберте II, ведет сильную борьбу со знатью, в пользу короля отбирает у нее земли, которые были ею получены до совершеннолетия короля, не щадит и духовенства. Но когда Сигиберт II умирает, Гримоальд постригает его сына, отправляет его в монастырь в Ирландию и провозглашает королем своего сына, выставляя, что последний был усыновлен покойным королем.

Но попытка, как сказано, была преждевременная: Меровинги не превратились еще совершенно в недорослей, и царствовавший в Нейстрии Меровинг (Хлодовик II) не хотел спокойно перенести потери для своего рода Австразии; враждебные Гримоальду австразийские вельможи соединились с Меровингом, и Гримоальд умер в темнице.

Первая попытка не удалась и долго не повторялась. Не поднимая опасного вопроса о перемене династии, оставляя меровингских королей-недорослей владеть по имени, довольствуясь скромным, но многозначительным титулом вождей франков, палатные мэры усиливались на самом деле все более и более; причем, как легко было предвидеть, палатные мэры германской Украины, Австразии, низлагают палатных мэров Нейстрии.

Чтобы вторая попытка заменить совершенно старую династию новой удалась, палатным мэрам необходимо было сломить всякое сопротивление со стороны вельможества, со стороны светских и духовных землевладельцев, ибо со стороны Меровингов сопротивления быть не могло. Это было сделано окончательно палатным мэром Карлом, носившим знаменательное прозвище молота (Мартелл). Мы уже упоминали, что Карл для достижения своей цели употребил те же средства, которые употреблялись его предшественниками палатными мэрами, которые употреблялись и в другие времена, в других, далеких странах, но при одинаковых обстоятельствах, когда государства носят земледельческий характер, когда земля составляет главное богатство, главную силу.

Он раздает приближенным, верным людям епископства и монастыри; у епископов, которые остались на прежних местах, он отнимает часть земель, чтобы раздать их в поместья своим людям. Мартелл покончил дело своих предшественников, и сын его Пепин спокойно свел с престола Меровинга и сам сел на его место.

Разумеется, религиозное освящение, данное новой династии церковью, старшим римским архиереем или папою, имело свое значение, но нельзя думать, чтобы дело не обошлось и без этого освящения: все было приготовлено к событию; Пепин получил новое значение, новый титул благодаря преимущественно отцовской деятельности, уничтожившей всякое сопротивление окончательному возвышению Карловингской фамилии.

Приготовленные Карлом Мартеллом средства Пепин передал сыну своему Карлу Великому, которого важное значение состоит в том, что он соединил судьбу трех главных западноевропейских континентальных стран, судьбу Италии, Галлии и Германии. Мы видим, что северо-восточная часть Галлии представляла Украину римско-христианского мира, хранившего остатки древней языческой цивилизации и начатки новой, христианской. Далее, на

востоке был мир варваров, варваров, способных по своей природе к принятию цивилизации, германцев, и варваров если не совершенно неспособных, то крайне тугих к ее принятию, степных варваров, обыкновенно знаменующих свою деятельность в истории отрицательно, чрез опустошение, разрушение: такими были в описанное время авары.

Следовательно, здесь, на границе двух миров, мы должны ожидать тех явлений, какие обыкновенно происходят на окраинах между цивилизованными и варварскими народами: постоянную борьбу между ними. Если цивилизованный народ слабеет в силу каких-нибудь внутренних причин, то варвары берут верх, усиливают свои нападения, даже покоряют цивилизованный народ и, смотря по своей способности, или основывают новое государство и новое общество, или довольствуются только внешним подчинением, данью. Если же усиливается цивилизованное государство, то оно теснит варваров, с которыми мирное сожительство невозможно, покоряет их и подчиняет цивилизации с большим или меньшим успехом, смотря по способности варваров в принятии цивилизации. Таково было отношение Рима к галлам.

Когда Рим, пользуясь последними своими силами, покорил Галлию и романизовал ее, то эта провинция явилась окраиной римского цивилизованного мира относительно варварского мира германцев. Борьба между этими мирами началась немедленно, и так как Римская империя постоянно ослабевала, то варвары взяли верх, наводнили Галлию и утвердились в ней. Образование в этой богатой стране нового владения воинственными вождями варваров и, с другой стороны, указанное выше истощение Германии дает Галлии перевес над последнею; ближайшие народы ее должны признавать свою зависимость от франкских вождей, владетелей Галлии.

Разумеется, тут не могло быть прочности отношений: при первом удобном случае, при первой усобице между франками германские князья свергали с себя зависимость и начинали действовать враждебно против франков. Среди этих германских народов мы встречаем уже знакомое нам явление: как в Галлии времен Цезаря те народы были суровее, энергичнее и крепче, которые были подалее от римских владений, меньше были тронуты цивилизацией, так и в Германии описываемого времени самыми суровыми из племен были те, которые были подалее от галло-франкской границы; самыми суровыми, энергичными и крепкими между германцами были саксонцы.

Среди саксонцев франки должны были встретить самое упорное сопротивление, и время страшной, окончательной борьбы приближалось: силы франков сосредоточились благодаря австразийским вождям, преимущественно Карлу Мартеллу. Средства постоянного, упорного наступления на Германию, варварскую, разделенную и потому слабую, приготовились, но нападение на Германию шло с двух сторон:

кроме франкских вождей постоянно упорное наступательное движение на Германию видим со стороны христианских проповедников. Заодно с Карлом Мартеллом действует знаменитый проповедник Винфрид, или Бонифаций, но идет далее вождя франков.

В дремучих лесах, в заповедных языческих святилищах является безоружный богатырь, и свирепые варвары боязливо сторонятся перед ним; в его словах страшная сила, он проповедует Бога, который сильнее их богов; по его мановению подсекаются, падают священные деревья, и ни один бог не приходил отметить за свою обиду. В пустынных местах, где до сих пор жили только дикие звери, слышится звук колокола: там стоит деревянная церковь, около которой живут монахи. Скоро к этим местам пролагается дорога отовсюду, а куда идет много народа, там и начинает постоянно жить много народа, и под сенью монастыря растет город. Но завоевания христианских проповедников подвергались иногда горькой участи: варвары, оскорбленные вторжением чужих людей, чужой веры, собираются, истребляют церкви, монастыри, убивают, выгоняют проповедников.

На место убитых и прогнанных являются другие, но, желая обезопасить начатки христианства, дать ему пустить корни, они ищут покровительства светской силы, и вождь франков — их надежный покровитель, верный союзник, ибо у них одно общее дело. "Если бы не страх пред герцогом Австразийским, говорили миссионеры, — то нам нельзя было бы ни устанавливать город, ни защищать духовенство". Помощь была взаимная, и тот же Бонифаций помазывает на царство, провозглашает королем Пепина, сына своего союзника и покровителя Карла Мартелла.

Пепин получил венец королевский; Бонифаций жаждал и получил венец мученический:

семидесятилетний старик оставил свою Майнцскую епископию, пошел проповедовать христианство между фризами и был убит ими. Пепин опустошил за это земли фризов, но сын его Карл поставил задачей своей деятельности, чтобы вперед в Германии не убивали проповедников христианства.

В исполнении этой задачи и состоит историческое значение Карла Великого.

Он уничтожил черту, которая до него отделяла Германию от римско-христианских стран — Италии и Галлии, сделал Германию также христианскою и доступною к принятию начатков цивилизации; дал Германии единство, во сколько она была способна к нему; ввел ее в общую жизнь с Италией и Галлией; расширил историческую европейскую сцену, перенесши место борьбы с варварским миром из Галлии (из северо-восточной части преимущественно) в Германию, сделал последнюю крайною европейского христианского мира. Но что Цезарь сделал с Галлией, то Карл Великий сделал с Германией, и понятно, что приемы Карла в войне с германцами очень сходны с приемами Цезаря в войне с галлами.

Состояние германцев при Карле было одинаково с состоянием галлов при Цезаре, как вообще с состоянием всех варварских племен, разделенных и потому слабых в борьбе с народом, обладающим известною степенью цивилизации. Цивилизация дает широту и ясность взгляда, умнее сосредоточивать силы; у варваров достает силы несколько раз подниматься против завоевателей благодаря случайным воинским обстоятельствам, особенно

благодаря личности какого-нибудь отдельного человека, вождя. Но эти восстания не возвращают свободы, ибо внутренней, органической народной и государственной связи нет; такие же черты представляет нам последующая борьба западных славян с Карлом и его германскими преемниками и борьба пруссов с тевтонскими рыцарями.

Но если борьба германцев (преимущественно саксонцев) с Карлом Великим представляет поразительное сходство с борьбой галлов против Юлия Цезаря, если, по-видимому, она и кончилась одинаковым образом, если Карл завоевал Германию и подчинил ее господствовавшему в Галлии порядку, как Цезарь завоевал Галлию и подчинил ее римским началам, то в последствиях обоих явлений обнаруживается большое различие. При завоевании Галлии Цезарем движение шло еще из крепкого государственного тела, из страны, легко задавившей богатством своей цивилизации варварскую Галлию, не дававшей развиться в ней самостоятельности политической и нравственной, но другое было в отношениях между Галлией и Германией во времена Карла Великого.

Во-первых, движение шло из страны внутренне далеко не сильной, из государства далеко еще не сложившегося, из государства, которое само переживало болезненное состояние рождения; во-вторых, цивилизация в Галлии была слаба, нисколько еще не сложилась, не определилась. Остатки римской цивилизации боролись с германским варварством и заглашались им; еще не образовался язык. В деле подчинения Германии сильным, могущественным средством в руках галло-франкских вождей было христианство, но христианство по своему существу, по всеобщности своей не заключало в себе условий подчинения, поглощения одной национальности другою; церковные же отношения, о которых будет речь впереди, связывали Германию с Италией, а не с Галлией.

Но если Галлия была слаба в политическом и духовном отношениях, не имела средств держать Германию в подчинении себе, то Германия в то же время приобретала силу: она приобретала христианство и начатки цивилизации, приобретала единство религиозное и сознание о единстве политическом, выражавшееся в стремлении иметь одного короля. Благодаря этим обстоятельствам Германии не только легко было приобрести самостоятельность, но и важное значение, значение крайности христианского цивилизованного мира, переняв роль, которая до сих пор принадлежала Галлии, — роль, как известно, благодарную, ибо она поддерживает народные силы постоянною борьбою и опасностью.

Если эта роль дала в Галлии первенство ее северо-восточной части, Австразии, то она же давала теперь преимущество Германии перед Галлией и была причиною, что германский король удержал за собою первенство по титулу, удержал за собою императорское достоинство. Но с другой стороны; и Германия, ставши настолько сильною, чтобы удержать самостоятельность и приобрести первенство положения, была, однако, как государство новорожденное, неустановившееся, заключающее в себе много борющихся друг с другом элементов, так слаба, что не могла подчинить себе Галлии, и та

спокойно могла переживать внутренние процессы своего государственного образования, ставши Францией.

Таким образом, в начале западноевропейской истории мы видим на континенте две главные страны, которые обе настолько сильны, чтобы сохранить свою самостоятельность, и настолько слабы, чтобы посягнуть на самостоятельность друг друга, и это равенство положения двух главных стран Западной Европы, не исключая их постоянного и сильного соперничества и борьбы, носило, однако, в зародыше будущую политическую систему Европы, ее политическое равновесие.

Политическая связь Галлии и Германии могла продержаться только при Карле Великом благодаря личным качествам этого государя и тому, что Карл действительно воспользовался преимуществом положения франкского владения в Галлии, чтобы подчинить Германию христианству и цивилизации. Но как скоро это дело было совершено, то Германия получила такие силы, которые уравнивали ее положение с положением Галлии, что делало подчинение этих стран друг другу невозможным, условливало их раздельную, самостоятельную жизнь, тем более что знаменитый исторический деятель со своею династией, принадлежа Галлии как владетель, не принадлежал ее национальности, которая еще не выработалась, он принадлежал собственно германской национальности, хотя несовершенно, принадлежа также миру римско-христианскому и цивилизованному.

Эта принадлежность двум мирам, двум странам и делала Карла способным сыграть ту посредствующую между ними роль, которой он знаменит в истории, но при этом для каждого ясно, что Карл Великий есть собственно деятель германской истории и начальный ее деятель; он был то же для Германии, что Кловис для Франко-Галлии или последующей Франции. Франко-Галлия от деятельности Карла не получила ничего; она потеряла только вследствие ее значение окраины цивилизованного мира, ибо это значение благодаря Карлу перешло к Германии, но Германия получила от деятельности Карла все.

Кроме Галлии и Германии деятельность Карла Великого обняла также и Италию; но здесь эта деятельность должна была подчиниться условиям, в которых жила Италия, которые она вынесла из прежней своей истории. Здесь римская старина была сильнее, чем где-либо; здесь был Вечный Город со своим притязанием на всемирное главенство, со своим соперничеством относительно Византии, которая предъявляла то же притязание, со своею извечною борьбою против варварских вождей, хотевших владеть Римом так, как владели другими городами Италии; со своею формою быта, как она образовалась во время религиозного переворота, когда епископ города получил первенствующее значение, а епископ Рима был верен притязаниям своего города и потому считал себя главою всех других епископов.

Карл явился в Италию как верный слуга Рима: он освободил его и от лонгобардов, и от византийского императора и за это был выкрикнут в Риме императором.

При подчинении варваров римской цивилизации, при господстве римских представлений и форм могущественный обладатель Галлии, Германии и Италии

получил и высший титул императора, тогда как предки его назывались только римскими патрициями.

Раз этот высший титул был передан сильнейшему из владетелей Западной Европы, то он и остался между ними. Италия и Рим оставались при этом в том положении, какое началось для них в последнее время империи, когда императоры покинули Рим для Равенны; теперь императоры жили еще дальше Равенны, за Альпами, и потому Рим имел еще более свободы определять свои отношения по новым историческим условиям.

При этом главное явление прежнее — борьба за независимость против слишком сильных владельцев, стремившихся подчинить Италию, Рим, своему влиянию, своей власти. Борьба происходила и теперь под знаменем Рима, но знамя по условиям времени имело другой вид: Рим развил особенную власть, власть папскую, имевшую притязания на всемирное владычество, но тот же Рим сохранил из своей старины другую власть, тесно, необходимо с ним связанную в мысли народов, власть римского императора, и две эти власти должны были вступить в борьбу, имевшую важное значение для жизни всей Западной Европы.

Поэтому восстановление титула римского императора для одного из государей новых западноевропейских владений имело важное значение для последующей истории, но в начале этого восстановления, при Карле Великом, разумеется, никто не мог предугадать всех последствий. Рим признал императором сильного владельца, жившего в Ахене, как признавал императорами государей, живших в Равенне или Константинополе.

На очереди было явление, к которому уже давно привыкли: после сильного человека, сосредоточившего в своих руках большое количество земель, владения его распадались, ибо между ними не выработалась крепкая внутренняя, органическая связь, которая бы поддержала единство и порядок и при отсутствии силы в правителе. Династическое начало вместо помощи единству действовало против него разрушительно, ибо родовое начало не знало никаких сделок с государственным.

За всеми сыновьями признавалось право наследовать в отцовских владениях, и только силе, жестокости и властолюбию предоставлялось возобновлять нарушенное единство, когда сильнейшие владельцы отделялись от младших братьев и племянников, убивая их, ослепляя, заключая в монастыри.

Все зависело от случайности: будь преемник Карла похож на него, то единство сохранилось бы в его царствование; но так как сын Карла вовсе не был похож на отца, то единство Карповых владений рушилось; но дела Карла остались — основание новой Германии и приведение ее в связь с Италией; после него налицо было три страны, от взаимодействия которых зависела последующая судьба Западной Европы: Галлия, превращавшаяся во Францию, и Германия, одна подле другой с равными силами, третья — Италия, заменяющая недостаток политического влияния нравственным влиянием, приносящая в это народное взаимодействие особую силу.

Теперь посмотрим, что было сделано при Карле Великом и владетелях из его рода относительно внутреннего строя. Деятельность Карла носит тот же характер, как и деятельность наиболее энергичных его предшественников:

он старался задержать установление того порядка вещей, который был необходим по тогдашним условиям новорожденных государств Западной Европы, именно закладничества, или так называемого феодализма.

Мы видели, что варвары наследовали от империи самое жалкое состояние экономического быта: город упал, жители его, не могшие удовлетворить требованиям казны, бежали, мелкие землевладельцы закладывались за богатых, отдавали им свои земли, на которых оставались уже в виде временных владельцев, что, по выражению современников, было первым шагом к рабству. Подданные империи желали, говорят современники, владычества варваров; их желание исполнилось; но могли ли они выиграть что-нибудь чрез эту перемену?

Основные отношения остались прежние. Новые варварские короли роздали своим сподвижникам земли в поместья и вотчины, разослали своих сподвижников правителями областей; по-прежнему слабые и бедные явились беспомощными пред сильными и богатыми; по-прежнему для получения защиты от них они должны были за них закладываться. Единственное временное облегчение происходило, когда сильный правитель, какое бы название он ни носил, начинал преследовать других сильных, преследовать людей, которые хотели усилиться около себя, набрать себе всякими средствами побольше земель, полученные от короля поместья превратить в вотчины, управление областями сделать наследственным для себя.

Истребление таких тиранов, как они называются в источниках, разумеется, должно было давать временное облегчение угнетенным, но только временное, ибо сильный правитель, истребивший опасных для его власти тиранов, раздавал их земли и должности преданным себе людям, своим антрустионам, которые опять пользовались своею силою и властью, чтобы обогащаться, усиливаться на счет слабых, приводить последних в зависимость от себя. Внук Мартелла Карл Великий, император Римский, имел много побуждений водворить правду в своих владениях, защитить слабых от сильных, воспрепятствовать исчезновению свободных землевладельцев, переходу их в закладники или захребетники за частных людей. Но какие были у него для этого средства, соответствующие собственному его представлению о своем характере и представлению подчиненного населения?

Представитель верховной власти был прежде всего для народа судья праведный, защитник от насилий. Епископ говорил новому королю: "Мы просили у Бога государя, который бы управлял нами по правде, управлял каждым по его месту и званию, — государя, который был бы нам покровом и защитою". В своих просьбах народ говорил королю: "Если хочешь, чтоб мы были тебе верны, дай силу законам".

"Я буду судить по правде, — говорил король, — если вы будете послушны".

Мы хорошо знакомы с этим общим для народов представлением: "Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву". Как же могла доходить к

народу королевская правда и прежде всего как могли доходить до ушей королевских известия о неправдах, жалобы на них? Чем обширнее было новорожденное государство, тем, разумеется, было больше препятствий этому.

Известная часть народонаселения, именно военная, свободные землевладельцы-вотчинники должны были собираться весною (сначала собирались в марте, а потом в мае месяце) на военный сбор, или смотр. Но как обыкновенно бывает в государствах новорожденных, неразвитых, один и тот же орган служит для разных отправлений, одно учреждение должно удовлетворять разным потребностям, и потому майские военные сборы, или смотры, являлись сеймом, на котором король совещался с вельможами и знатным духовенством о строе земском и церковном, составлялись постановления, которые тут же объявлялись и утверждались одобрительными криками собрания; на сейме решались и важнейшие дела судные.

Пока каждый свободный человек мог являться на сейм, до тех пор он мог на нем представлять свои интересы и сдерживать сильных.

Но свободные люди, мелкие землевладельцы-собственники недолго сохраняли возможность являться на сеймы. Обширность франкских владений делала эти путешествия затруднительными и тяжкими; поселение воинов на земельных участках необходимо производило перемену в их характере, ослабляло воинственность, охоту к движению, выдвигало на первый план другие интересы, хозяйственные; отсюда естественное стремление отбывать от походов и сеймов.

Отдаленные походы Карла Великого не могли не иметь вредного влияния на мелких свободных землевладельцев: во-первых, они должны были истреблять значительное их число, вследствие чего в вотчинах оставались вдовы и сироты, которых легче было притеснять насильникам; во-вторых, отдаленность похода ужасала опасностями и разорениями вследствие покинутости хозяйств; по первой же причине уменьшилось и число свободных людей на сеймах: интересы их оставались без защиты, а между тем стремление их отбывать от военной службы, отговорки давали возможность областным правителям обвинять их в непослушании, говорить, что с ними нельзя ничего сделать иначе как силою, захватом их домов.

Чтобы избежать военной службы, мелкие землевладельцы стали закладываться за монастыри и за богатых светских землевладельцев. Но у правителей областных были еще средства заставлять мелких землевладельцев закладываться за себя; свободные люди несли тяжкие повинности: у них останавливались королевские гонцы, кормились на их счет и брали подводы даром. Кроме того, свободные же люди должны были содержать в исправности дороги и мосты; областные правители заставляли их работать на себя, и для избежания всех этих тягостей свободные люди закладывались, тем более что управы против насильников получить было трудно.

Сначала свободное население небольших округов или сотен должно было являться в назначенные сроки, через неделю или две, на место, назначенное для суда, но во время частых и далеких походов, во время отсутствия областных правителей, которые были вместе и судьями, во время отсутствия свободных

людей, способных носить оружие, такое соблюдение сроков и полноты суда было невозможно, особенно когда число свободных людей становилось все меньше и меньше вследствие закладничества.

После, при Карле Великом, надобно было ограничить число свободных людей, собиравшихся на суд; вместо всех должны были являться так называемые *scabini*, соответствующие нашим лучшим людям, ибо один указ или капитулярий говорит о них как о "лучших людях, каких только можно найти, таких, которые Бога боятся, справедливы, кротки и добры". Скабины избирались государевыми посланцами при содействии областных правителей и народа из среды свободных людей.

Но подобные меры только указывали на уменьшение числа свободных людей и никак не могли усилить их благосостояние и дать им средства удерживаться от закладничества. Карл очень хорошо понимал, как важно было для его значения и власти сохранение свободных людей, которые давали ему независимые средства вести внешние войны и внутри держать в повиновении сильных людей; очень хорошо понимал, что с переходом вольных людей в захребетники к богатым землевладельцам он или по крайней мере его преемники очутятся в руках последних.

Карл давал предписание за предписанием в пользу свободных людей, но предписания мало помогали в новорожденном обществе, которое по своей слабости, по своему хаотическому состоянию не могло помогать власти, и действие власти ослаблялось самим Карлом, который, расширив пределы своих владений и своей деятельности, тем самым отнимал у себя средства прямо и сильно действовать в пределах прежних своих владений.

У Карла оставалось одно средство — личное посредственное действие, посылка доверенных людей для наблюдения за исполнением предписаний, и Карл схватился за это средство как наиболее действительное и употреблял его в обширных размерах, так что ему приписывается учреждение "государевых посланцов" (*missi dominici*), хотя оно употреблялось и прежде него.

При Карле же это учреждение получило постоянство и правильное определение; установлено было десять округов (*missatica*), из которых каждый объезжали два лица — светское и духовное; каждый округ заключал в себе шесть графств и четыре епископства. Разъезды государевых посланцов увеличили еще тягости, лежавшие на областных жителях, которые должны были содержать их на свой счет и давать подводы; содержание доставлялось натурою: 40 хлебов, два поросенка, барашек, четыре цыпленка, двадцать яиц и т. д. Брать деньги было строго запрещено.

Прибывши в назначенный округ, посланец собирал всех свободных франков и объявлял им о цели своего приезда; не будучи в состоянии обзреть лично все местности округа, *missus* (посланец (лат.). — Примеч. ред.) избирал лучших, самых верных людей и рассылал их повсюду для наблюдений. Предметом надзора посланной были: правосудие, общее управление, взимание податей, взимание штрафа, который назывался *heriban*, платимый теми, которые не являлись на воинский сбор (были в нетях, по старому русскому выражению). Посланец осведомлялся, кто из людей, приставленных к разным делам, хорошо

исполнял свою должность, чтобы донести о них государю; сам сменял дурных, но главного областного правителя, или графа, сменить не мог, а доносил только государю.

Когда какой-нибудь сильный человек, светский или духовный, отказывался исполнить приказание посланца, то последний оставался со всею свитою жить в его владениях, то есть кормился на его счет, до тех пор, пока непокорный смирялся. Этот обычай замечателен, во-первых, потому, что показывает, как тяжело было содержать посланца; во-вторых, что было общего у средневековых народов и считалось самым естественным наказанием для ослушников; в русской летописи в рассказе о белозерских волхвах говорится: "В это время пришел от князя Святослава Ян, сын Вышатин; вошедши в город к белозерцам, Ян сказал им: "Если не перехватаете этих волхвов, то целое лето не уйду от вас". Белозерцы привели к нему волхвов.

И знаменитое установление государевых посланцов не могло остановить усиления закладничества. Чтобы эта мера была успешна, надобно было, чтобы все *missi dominici* были достойны королевского доверия, чтобы кроме честности имели много ума, проницательности, ловкости для усмотрения злоупотреблений и их прекращения, но этим условиям удовлетворить было не легко. Впрочем, оставя в стороне злоупотребления правителей, всякого рода отягощения, которыми сильные заставляли слабых закладываться за себя, мы должны остановиться на одном побуждении к закладничеству, которое одно имело большую силу и против которого *missi dominici* при всей добросовестности не могли ничего сделать: это побуждение было избывание военной службы, дальних походов.

Как только воин, дружинник, делался землевладельцем, хозяином, то он терял военный характер; поход, особенно отдаленный, был ему в страшную, нестерпимую тягость, и, чтобы избавиться от него, он закладывался за ближайшего крупного землевладельца, выговаривая себе большие льготы именно относительно военной повинности. "Эти люди были свободны, но так как они не могли выносить воинской повинности, то отдали свои земли (заложились)", — говорят источники.

Таким образом, закладничество или феодализм, знаменует время усаживания народов в известных странах, прекращение воинственных движений, которыми знаменуется предшествующее время, время движения дружин, переселения народов.

Воины, получившие земли, припадают к ним, не хотят с ними разлучаться, вступают в частный союз, в зависимость, лишь бы не отлучаться от своих земель, по крайней мере надолго. Здесь обнаружилась необходимая реакция предшествовавшему направлению наступательному; здесь обнаружилось стремление стать крепко, удержаться, сохранить приобретенное. Страна покрылась замками, и все землевладельцы уцепились, так сказать, друг за друга для защиты.

Карл Великий был последний завоеватель.

Германское движение кончилось его походами, и кончилось обратным путем:

вождь франков, сначала называвшийся римским патрицем, потом императором, двигался с запада на восток и подчинил себе Германию из Галлии. Морские движения норманнов, начавшиеся с этого времени, уже показывают, что на сухом пути движение германского племени закончилось, что на сухом пути ему нет больше места, что здесь великое переселение народов завершилось, сделав свое дело; излишку северного народонаселения, беспокойным силам, богатырству оставалась одна морская дорога, завоевание островов и кое-каких оконечностей западной части континента.

Великое переселение народов завершилось, сделав свое дело, давши Западной Европе новые, свежие силы в новом, свежем слое народонаселения, принадлежавшего также к любимому историей племени арийскому, способному перенять древнюю греко-римскую цивилизацию и при ее помощи создать новую. При ее помощи!

Давно уже историческая наука трудится над определением степени этой помощи и встречает, как обыкновенно случается, препятствия в своем деле от ложного понимания патриотизма, вследствие которого, с одной стороны, преувеличивается доля участия новых народов в построении нового общества, с другой — преувеличивается дело участия римского, то есть олатыненного, народонаселения; выставляют в новых народах их варварство, страсть к разрушению, бедствия, которые они причинили цивилизации.

Но дело в том, что если бы цивилизация римского мира была сильна, если бы она давала обладающему ею народу нравственные и материальные средства, то отношения были бы иные: не варвары покорили бы римские области, а Рим покорил бы себе германцев, как покорил галлов, и заставил бы их совершенно подчиниться своей национальности, олатынил бы их. Таковы бывают всегда следствия столкновения сильных, цивилизованных народов с варварами; если же встречаем обратное явление, то есть что варвары покоряют цивилизованный народ, то это значит, что последний одряхлел, вследствие чего пала и его цивилизация.

Такой упадок цивилизации и представляет нам описываемое время, время разложения Римской империи; одряхлевший римский элемент и его цивилизация были слишком слабы и потому не могли подчинить себе варваров, олатынить их, и этим самым варварам была дана возможность начать жить своею жизнью, хотя и при новых условиях. Их национальность не была задавлена чужою, римскою цивилизацией, но отчасти только подчинилась ее влиянию, и подчинение это имело свои степени, что обнаружилось на языке, этом показателе народности:

и в прежних римских областях варвары не приняли вполне латинского языка, но изменили его, образовали особые языки из смешения латинского с германским, а за Ренном, вне прежних областей римских, германский язык сохранился свободным от латинского влияния.

При столкновении с Римом новые народы встретили одну действительную силу и безусловно покорились ей: эта сила была сила новой религии, христианства; остаток нравственных сил древнего общества весь ушел сюда; новые народы также выставили на служение новой религии лучшие свои силы,

и началась новая сильная жизнь преимущественно под влиянием нового начала; под покровом этого сильного начала нашла себе убежище и слабая цивилизация древнего мира.

Древнее государственное устройство и древний экономический быт оказались несостоятельными, не могли служить непосредственному образованию прочных государственных тел. Самыми сильными внутренними и внешними средствами исторические деятели не могли тут ничего сделать, и государство Карла Великого, знаменитого восстановителя Римской империи, представляло внутри хаос, разложение общества, безнаказанность силы за насилие: "Власть лежала тяжелым гнетом на слабых; разбойники безнаказанно совершали свои грабительства; мстители беззаконий являлись сообщниками преступлений" (Алкуин).

Если так было при Карле Великом, то легко понять, что стало после него, когда личное ничтожество и междоусобные войны еще более ослабили власть его преемников. Частный союз, частные сделки между слабыми и сильными явились единственным средством спасения. Государство должно было отказаться от борьбы против частного союза, должно было отказаться от своих претензий, и Мерзенский эдикт 847 года провозглашает: — "Всякий свободный человек может избирать себе господина".

в) Франция и Германия до теснейшего соединения последней с Италией.

Мы остановились на Мерзенском постановлении 847 года, которое провозгласило, что "всякий свободный человек может избирать себе господина". Этим постановлением правительство торжественно заявило свою несостоятельность и тщету борьбы своей против частного союза, который один мог поддержать новорожденное общество. Общество начинается кровным или родовым союзом, который при известных обстоятельствах может развиваться и долго быть крепким, может существовать в виде крепкого частного союза и тогда, когда из отдельных родов образовался народ, выработавший себе общее правительство, государство.

Сильные препятствия для своего развития родовой союз встречает, во-первых, когда происходит переход от кочевого быта к оседлому; пребывание на одном месте, землевладение необходимо ведет к вопросу о разграничении, о "твоем" и "моем", а как скоро земельная собственность перестала быть в общем владении у членов рода, то этим наносился сильный удар родовому единству и союзу, но и при оседлости, если земли много, она не ценна, не возбуждает желания иметь ее в собственность, родовой быт с нераздельностью земли может существовать чрезвычайно долго.

Разумеется, он существует преимущественно в земледельческом народонаселении; город, условливающий необходимо сильнейшее движение, разделение занятий, которое вызывает членов рода к самостоятельной жизни,

наплыв на небольшом пространстве разнообразного народонаселения, город в смысле обильного народом торгового и промышленного центра наносит самые сильные удары родовому быту, родовому единству, с одной, и родовой особенности — с другой стороны.

Понятно, что родовой быт исчезает скорее в странах, обильных народонаселением и обильных большими городами, имеющими вышесказанное значение, и что он держится долее в странах, носящих преимущественно земледельческий характер, в странах медленно развивающихся, обширных и малонаселенных.

Но подле этой первоначальной формы, подле естественного, кровного союза с самых ранних пор замечаем уже другие формы союза, союза искусственного в противоположность кровному. Это союз закладничества, заключаемый под разными видами и разными условиями, от захребетничества и соседства до холопства, но во всех видах имеющий одну отличительную черту:

слабый ищет покровительства сильного, причем лишается известной доли своих личных и имущественных прав, иногда всех личных прав, ибо холоп, несмотря на свое добровольное вступление в это состояние, мало разнился от раба.

Наконец, третья форма частного союза, вторая искусственная его форма есть форма дружинная, когда люди соединяются добровольно вместе для какого-нибудь предприятия. В первобытные, так называемые варварские времена такой союз заключали обыкновенно с целью войны, добычи, нападения.

С развитием обществ цель дружинного союза изменяется: вместо нападения он заключается для охранения мирного общества от нападений и насилий; таковы средневековые общины и коммуны, ганза, братства и т. п.; наконец, с усилением государственного порядка дружинные союзы заключаются уже исключительно для соединения сил, для большого успеха в каком-нибудь мирном предприятии или занятии: торговые и промышленные компании, ученые общества, артели и т. п.

Эти две формы искусственного союза, так называемого нами в противоположность естественному, кровному, родовому, — эти две формы формы искусственного союза, закладничество и дружина, резко отличаются друг от друга: отличительная черта первой формы есть зависимость одного члена союза от другого; отличительная черта дружины есть равенство членов и свободный выбор вождей или старшин.

Мы видели, что дружинный союз с целью военной, с целью нападения, завоевания и добычи сыграл важную роль при разложении Римской империи, при образовании новых государств. Но как скоро военные дружины прекратили свое движение, уселись на добытых землях, то изменили свою прежнюю форму под влиянием государственного начала; на суше Западной Европы движение дружин прекратилось, и они являлись только на морях под страшным именем норманнов, преследуя обычные цели военных дружин — грабежи, а при первой возможности поселение на землях и образование особого владения.

Нашествия этих морских военных дружин норманнских, входивших по рекам далеко в глубь стран, во многих местах служили сильным побуждением к образованию частных союзов для защиты при слабости или совершенном отсутствии защиты государственной, и тут мы видим во всей силе первую форму частного союза для защиты, форму закладничества, хорошо известную германцам в их лесах и найденную ими во всей силе на почве империи. Это господство первичной формы частного союза для защиты, формы закладничества или феодализма, ясно указывает на неразвитость, младенчество германского общества и на неразвитость или упадок, старчество римского общества. Государственное начало, переданное из Рима сильнейшему вождю варваров с самым пышным титулом, после напрасной борьбы с частным союзом должно было признать свою слабость и провозгласить, что всякий свободный человек может избирать себе господина.

Взглянем на некоторые подробности борьбы, могущие представить нам некоторый интерес для сравнительного изучения исторических явлений.

Первое любопытное явление представляют нам отношения между членами владельческого рода. Майорат во владельческом роде еще не выработался и должен был бороться с сениоратом, с правами дяди пред племянником. При борьбе двух представлений о праве воля царствующего владельца, разумеется, имела важное значение, но эта воля имела нужду выразиться не на словах, не на бумаге, но на факте, который трудно было переделать: Карл Великий при жизни коронует сына своего Людовика венцом императорским. Карл счел нужным это сделать потому, что у него был внук от старшего сына Бернгард, которого право выставлялось пред правом деда; у Бернгарда была сильная партия. Так точно у нас великий князь Василий Темный при жизни своей объявил великим князем и правителем сына своего Ивана, а последний ввиду борьбы между сыном и внуком от старшего сына короновал внука. Но если Карл Великий боялся усобицы между Людовиком и Бернгардом и спешил предупредить ее коронованием первого, то тем более Людовик должен был бояться усобицы между своими сыновьями и Бернгардом как старшим между двоюродными братьями, и Людовик точно так же коронует императором старшего сына своего Лотаря.

Таким образом, торжествует первоначальное представление, по которому князь, осиротевший при жизни деда, лишился права на место и значение, которого отец лишен был смертью.

У нас в Древней России при большой силе и развитии родовых отношений существовали уже известные определения подобных явлений, и князь-сирота, лишенный смертью отца движения к старшинству, как будто перед ним выпадала ступень на родовой лестнице, причислялся к изгоям, людям, лишившимся средств оставаться в прежнем положении, продолжать наследственное занятие, как, например, сын священника, не умеющий грамоте и потому лишенный способности оставаться в духовном звании, и т. п.

Такое представление еще имело силу, как видим, и во франкском государстве, и Бернгард являлся именно изгоем. Но подле этого представления существовало уже и другое, бьющее на разрушение родового единства, на

постоянное выделение и возвышение старшей линии посредством майората, и Бернгард не хочет быть изгоем, хочет силою защищать свои права, тем более что у него партия между вельможами. Но его предприятие не удалось: он был приманен ложными обещаниями, схвачен и судом императорских вассалов осужден на смерть как виновный в измене. Здесь мы видим уже влияние других, государственных начал, которые, разумеется, не могли позволять родовым отношениям существовать в их чистоте и силе, как они могли существовать гораздо долее у нас, на востоке Европы.

Император Людовик смягчил приговор суда, переменил смертную казнь на ослепление. Здесь видим уступку христианскому влиянию. Магометанские владельцы при господстве первоначального представления о сениорате и единстве рода хладнокровно умерщвляют всех соперников себе и своим детям, всех младших братьев и племянников. В мире христианском вместо смерти является ослепление, лишение способности быть соперником, и это явление общее в подобных случаях:

вспомним, что во время окончательной борьбы между московскими князьями за старый и новый порядок престолонаследия мы встречаемся с ослеплением двух князей.

Вдовство императора Людовика и вторичный брак его повел к обычным в древней семье волнениям. Братья теперь стали не одной матери; энергическая мачеха Юдифь (урожденная Вольф, графиня Баварская) из опасения, что пасынки обездолят ее сына, всеми силами старается дать последнему преимущество пред братьями. Понятно, что сыновья Людовика от первого брака не могли сносить этого равнодушно, и начинаются усобицы, которых слабый характер император сдерживать не в состоянии. Усобицы продолжались и по смерти Людовика между троими его сыновьями.

В 843 году был знаменитый уговор между братьями в Вердене насчет раздела отчины и дедины своей. Родовые владения франкских князей разломились по этнографическим, географическим и историческим порезам на три части: Галлию, Италию и Германию. Старший, Лотарь, взял Италию, которая удерживала за собою первенство по историческим преданиям, по Риму, по империи.

Новая история, однако, началась; началась она тем, что те части Европы, которые до сих пор были за границею истории, выступили на историческую сцену с важным значением, но поддержать это значение и развиваться они могли только при условии поддержания тесной связи с прежними историческими странами, в которых жила древняя цивилизация; старое не имело силы без нового, новое не имело средств к развитию без старого. Старое жило в предании о Риме, об империи, что давало в средние века основание и действительные силы папству, первенству римского архиерея, новое выражалось в действительной материальной силе.

Сознание необходимости соединить старое с новым, старую Европу с новою должно было высказываться наглядно, и оно высказалось в том, что император Лотарь к своим итальянским владениям присоединяет полосу земли от Роны до устья Рейна, — ту полосу земли, где было первоначальное гнездо

австразийского дома, где романские и германские народности соприкасались друг с другом.

Это распоряжение, разумеется, не может не напомнить нам того распоряжения наших русских князей, по которому Новгород, северный конец великого варяжского пути, постоянно находился в зависимости от старшего князя, сидевшего в Киеве, и таким образом необходимость соединения Северной и Южной Руси высказывалась наглядно.

Не выработался в княжеской семье майорат с государственным подчинением младших братьев старшему, не выработались и феодальные отношения, связь между братьями должна была быть только родовая. Относительно владений эта связь между сыновьями Людовика Благочестивого выразилась тем, что каждый из них имел часть в своей отчине, во франкском гнезде, в Австразии, точно так, как московские князья, деля между собою города и волости и отдавая город Москву старшему брату, удерживали, однако, каждый известную часть в этой самой Москве.

При связи только родовой, при отсутствии государственной подчиненности императору Карл Лысый был совершенно независим в управлении доставшеюся ему страной, будущей Францией. Обязанность правителя этой страны в описываемое время была тяжка. Галлия во время сухопутного движения народов подверглась варварским нашествиям как Украина Римской империи; теперь, с прекращением сухопутного движения народов и с усилением морского движения запоздавших северных дружин, она подвергается норманнским опустошениям как приморская страна.

Города, начавшие было подниматься вследствие выгодного торгового положения на водяных путях, были разорены вконец, являлись в виде жалких деревушек.

Эта остановка торгового и промышленного движения вследствие норманнских опустошений продолжила и утвердила господство недвижимой, земельной собственности, дала окончательное развитие закладничеству по земле или феодализму. Независимые мелкие собственники исчезали совершенно; король для отражения врагов не мог собрать войска, непосредственно относившегося к нему и стране; он стал зависеть от крупных землевладельцев, которые являлись окруженные толпами своих закладчиков или вассалов.

Заставить этих крупных землевладельцев защищать страну король мог только уступкою им должностей и поместий в наследственное владение, уступкою им независимости, а между тем голод истреблял низшее народонаселение; ели землю, умягчив ее несколько медом; волки стаями бродили по опустошенной стране. Стремления сильнейших землевладельцев к полной независимости вели к войнам их против короля, который при недостатке военных сил не мог выходить из них победителем. При усобицах между королем и вельможами, которые искали всюду помощи, даже у арабов, трудно было братьям, Лотарю, Людовику и Карлу, жить в дружбе, но их столкновения прерывались явлением, с которым мы знакомы по древнерусской истории.

Между братьями происходили съезды; каждый являлся со своею дружиною или вельможами, и начинались мудрые речи о том, сколько злого и вредного правителям и народу произошло от братского несогласия и недоверия; что братья хотят забыть все прежнее и жить впредь по любви; ни один не станет желать земель и слуг другого, не станет слушать клеветников, смущающих братию своими наветами, но будут все трое помогать друг другу в нужде и проч. Не знаешь, с западными ли источниками имеешь дело или читаешь перифраз русской летописи: так тождественны явления!

Заметив сходство, заметим и несходство. Родовые отношения если и прорывались при благоприятных обстоятельствах, то вовсе не с тем господствующим характером, как у нас, на Востоке. На Западе господство земельных отношений налагало крайнюю преграду их развитию, именно уничтожая общее родовое владение.

По смерти Лотаря (855 г.) императорский титул и владения его не переходят к старшему по нем брату; императорский титул переходит к старшему сыну Лотаря, Людовику II, и владения делятся также между его сыновьями, как опричина, удел. Быстрое вымирание этой лотаровской линии потомства Карла Великого вело между остававшимися Каролингами Галлии и Германии к столкновениям и сделкам по поводу наследства; здесь впервые обнаруживается борьба между государями Галлии и Германии за Италию, которая не может образовать независимого целого благодаря Риму.

Рим, пользуясь борьбою, выбирает между соперниками, волнуется партиями по этому случаю; главное лицо в нем — епископ; главный епископ на всем Западе пользуется больше всех соперничеством государей из-за титула императорского; уступкою новых выгод они должны платить ему за венчание в Риме императорским венцом. В 876 году Карл Лысый успел предупредить своего брата Людовика Германского и получить в Риме императорский венец при содействии особенно папы Иоанна УПГ, который получил за это хорошую благодарность, как увидим после в своем месте.

Вообще в последнее время царствования Карла Лысого Галлия, по-видимому, пересиливала Германию. Но это видимое преимущество кончилось со смертью Карла Лысого. Дело разъединения государственных сил шло быстрым шагом вперед благодаря усилению подчиненных землевладельцев путем частного союза, закладничества или феодализма; благодаря тому, что при междоусобных войнах и норманнских нашествиях король, не имея войска при исчезновении мелких свободных землевладельцев, должен был покупать помощь крупных землевладельцев новыми уступками в пользу их силы и независимости.

Закладничество или феодализм достигал господства; раздробляя страну на множество почти независимых владений, он в то же время связывал всех владельцев цепью собственно одних только нравственных отношений, довольно сильных, однако, для того, чтобы сохранить сознание единства страны, пока при новых благоприятных условиях явилась возможность установить в ней единство политическое.

При неотразимом стремлении феодализма к господству землевладелец, стоявший на верхней ступени феодальной лестницы, человек, имевший захребетников или вассалов, но сам не бывший ничьим захребетником, естественно, становился главным человеком в стране, представителем ее единства и брал на себя старинное, освященное употреблением имя верховной власти.

Положение наверху феодальной лестницы и королевский титул могли остаться за Каролингами или перейти в другую фамилию; это было явление уже чисто случайное, зависевшее от того, оставались ли Каролинги достаточно материально сильны для того, чтобы иметь первенство между другими землевладельцами, и имели ли достаточно личных средств, способностей для охранения своих исторических прав. Историки, нередко преклоняющиеся перед успехом, не очень сочувственно и справедливо относятся к Каролингам, тогда как при внимательном изучении их деятельности оказывается, что у многих из них не было недостатка в способностях, с помощью которых они изворачивались в иных затруднительных обстоятельствах. Но нельзя не заметить, что судьба не была к ним благосклонна.

Карл Лысый, несмотря на ослабление правительственных средств, в чем он был виноват, окончил свое царствование с большим почетом внутри и вне.

Ему наследовал сын его Людовик, но не прожил и двух лет. Сын его Людовик III процарствовал около четырех лет, успев, однако, в это короткое время прославиться знаменитою победою над норманнами при Солькуре. Брат его восемнадцатилетний Карломан процарствовал с небольшим два года. У него остался малолетний брат Карл. Но при тогдашней неопределенности прав наследства и при тогдашнем состоянии страны, когда король не должен был выпускать из рук оружие для отражения норманнов, малолетний король был невозможен, и потому призвали Карла Толстого, единственного представителя восточной, германской линии Каролингов, который таким образом стал владеть всеми частями империи Карла Великого.

Но империя Карла Толстого не была похожа на империю Карла Великого:

то, что начиналось при последнем и чему он не мог противопоставить крепких и долговечных преград, то совершилось ко времени Карла Толстого феодализм господствовал, децентрализация была полная. Карл Великий приобрел себе славу знаменитого исторического деятеля тем, что умел направить пока еще сплоченные силы новой Галлии для подчинения христианству и цивилизации раздробленной, варварской Германии; но для потомка его выпадала задача гораздо труднее — без средств сохранить под своею властью Галлию, Италию и Германию, привыкшие уже к самостоятельности; без средств защитить все эти три страны от норманнских и арабских опустошений.

Задача была не по человеческим силам, и вопрос о личных средствах какого-нибудь Карла Толстого — вопрос лишней. Через три года после своего провозглашения императором всех владений Карла Великого умер Карл Толстый, увидев еще при жизни своей отделение Германии. В Галлии по смерти Карла Толстого королем провозглашен был самый видный из землевладельцев,

Одон, граф Парижский, но из Каролингов оставался еще Карл, сын Людовика II, и в пользу его образовалась сильная партия, провозгласившая его также королем. Смерть Одона примирила на время партии, и Карл, известный под прозвищем Простого, был единогласно признан королем.

Но этот король, несмотря на свои стремления подняться с помощью духовенства и усилить свою власть, без обладания собственными средствами, землями и войском мог быть только игрушкой в руках сильных землевладельцев, тем более что преемники Одона, герцоги Франции, не могли забыть о королевском титуле.

Во время усобицы королевский титул перешел к герцогу Бургундскому. Карл Простой умер в темнице; сын его Людовик нашел убежище за морем, в Англии, почему и называется "заморским". Гуго Французский, или Парижский, призвал Людовика из-за моря и дал ему королевский титул, но с тем, чтобы иметь короля в полной зависимости от себя, и когда этот Каролинг не захотел быть похожим на последних Меровингов, то страшная и долгая усобица была следствием.

Людовик и сын его Лотарь не позволяли забывать в себе королей, хотя владения их ограничивались почти одним городом Ланом с окрестностями, и только когда сын Лотаря Людовик V умер бездетным, Гуго Капет Французский мог спокойно принять королевский титул и короноваться в Реймсе (987 г.).

Мы не можем останавливаться на истории четырех первых Капетингов, потому что она не представляет ничего важного для наблюдателя общих явлений в жизни народов и разных особенностей, обнаруживаемых тою или другою народною личностью. Можем упомянуть об одном, что эти Капетинги для утверждения королевского титула в своей фамилии объявляют при жизни своей старших сыновей соправителями и коронуют их — явление, как уже замечено, общее для государей разных стран на западе и востоке Европы.

Обратимся к начальной истории другой части империи Карла Великого, к истории германской. Мы уже видели, что значение деятельности Карла Великого состояло в расширении европейской исторической сцены: он ввел Германию в область истории, давши ей христианство, начатки цивилизации и начатки государственности. Вследствие такого расширения исторической сцены Германия получает значение крайности западного римско-христианского мира, значение, которое имела прежде Галлия.

Германцы, утвердившиеся в Галлии, франки, принявшие христианство и усыновившись Риму, переняли на себя обязанность бороться со своими зарейнскими соплеменниками, которые, особенно как язычники, являлись для них варварами. Теперь восточные германцы, принявшие христианство, относятся точно так же к народам, жившим на восток от них, относятся к ним, как к варварам, считая своею обязанностью распространять между ними христианство и подчинять их Римской империи, то есть делать с ними то же самое, что сделал Карл Великий с самими восточными германцами.

Эти варвары, восточные народы, относительно которых Германия становилась крайною западного римско-христианского мира, сильно разнились между собою:

одни были народы туранского происхождения, не перестававшие по следам гуннов делать опустошительные вторжения в Европу до самой Галлии. Германия, как Украина, должна была подвергнуться сильным ударам этих народов, ограничиваясь борьбою оборонительною.

Но кроме этих кочевых пришельцев из Азии восточными соседями германцев были давние оседлые жильцы Европы, народы арийского племени, славяне. Столкновения их с германцами, разумеется, должны были начаться очень рано, но с Карла Великого начинается это, можно сказать, систематическое движение германских королей на славян с целью распространения между ними христианства и подчинения их своей власти. Относительно некоторых славянских племен это стремление увенчалось полным успехом: разрозненные и потому слабые славяне не могли успешно противиться германцам, теперь объединенным и потому сильным; должны были принимать христианство и вместе отказываться не только от своей независимости, но и от народности, немечиться, утрачивая основу народности — язык.

Слитие понятий — немца и христианина, с одной стороны, и славянина и язычника — с другой, естественно, вело к этому онемечению славян: славянин, принявши христианство, слишком резко отделялся от своих соплеменников, становился к ним поэтому во враждебное отношение и потому стремился вполне приравняться к своим собратьям по вере.

Но такой успех германцы могли получить только относительно некоторых племен славянских. Другие племена выставили сильный отпор; в них обнаружилось движение, свидетельствовавшее их жизненность, способность к истории; обнаружилось стремление к соединению сил, к образованию государств, что, разумеется, должно было служить самым могущественным средством к охранению самостоятельности; явилось стремление к образованию независимой церкви с богослужением на родном языке, чего можно достигнуть с помощью Восточной империи, с помощью Восточной греческой церкви.

Борьба со славянами стала трудна для немцев. Разумеется, главною целью их государей стало не допускать образования больших славянских государств.

Им удалось с помощью туранцев разрушить государство Моравское, разорвать связь западных славян с южными и с Византией; им удалось остановить усиление чехов и крепко вцепиться в их страну, не выпустить ее из зависимости от римско-германских императоров, но они не успели удержать в этой зависимости более отдаленную Польшу.

Кроме того, славянское племя раскинулось далеко по Восточной Европе и здесь успело образовать христианское государство, которое по этому характеру своему стало европейскою крайною в отношении к варварскому миру, к языческой и магометанской Азии со всеми условиями этого положения и с особенностями, каких не имели ни Галлия, ни Германия, когда были крайнами европейского мира. Мы рассмотрим отдельно, в своем месте эти условия и особенности, а теперь будем продолжать наблюдения над исторической жизнью германского племени, поставленного в новые отношения.

Германия и теперь представляла еще относительно страну девственную, покрытую обширными густыми лесами и, следовательно, с народонаселением редким. Немногие города по Рейну и Дунаю были остатками от римских времен, созданием римской администрации. Во Франконии, Турингии и Саксонии виднелись только большие села, прислонившиеся к замку или монастырю. В такой стране все надобно было начинать сначала. Народонаселение представляло сплошную одноплеменную массу, что, по-видимому, условливало быстрое объединение страны; но это была только видимость.

В Галлии, по-видимому, было более различия в элементах народонаселения, но эти элементы находились в политическом смешении, в соприкосновении друг с другом и потому быстро содействовали образованию единой новой национальности, тогда как народонаселение Германии состояло из нескольких больших племен, из которых каждое с незапамятных пор привыкло смотреть на себя как на отдельный народ и враждебно относиться к другим племенам. Германские племена были сопоставлены друг с другом вследствие деятельности Карла Великого; сознание единства было у них крайне слабо, и усилению этого сознания препятствовало резкое различие в племенном говоре при отсутствии образованности, при отсутствии общего литературного языка.

Господство частного союза в форме закладничества или феодализма было на очереди и в Германии, как в Галлии и других странах, вследствие одинаковых причин, вследствие тягостных для бедного народонаселения требований верховной власти и вследствие несостоятельности той же власти в защите слабого от притеснений сильного. Но понятно, что в Германии, и именно в той ее части, которая более сохранила первоначальный быт, которая еще недавно выставила такое упорное сопротивление франкскому завоеванию и введению христианства, в Саксонии, установление феодальных отношений не могло произойти без сильного сопротивления свободных людей, хотевших остаться свободными.

Мы видели, что установлению феодальных отношений очень много способствовало стремление уселиться, припасть к земле, избежать беспокойства далеких походов — стремление, в котором высказалась естественная и необходимая реакция сильному движению, сопровождавшему переселение народов, и разложению Западной Римской империи. Мелкий землевладелец закладывался за ближайшего крупного, чтобы избежать государственных позывов к дальним походам; отсюда такое ограничение военной обязанности в феодализме, отсюда мелкость феодальных войн.

У нас в России то же явление в Московском государстве, то же стремление служилых людей не расставаться со своими землями, отбывать от военной службы, стремление, последовавшее также за периодом сильного движения дружин, беспрестанно перебежавших со своими князьями из области в область.

Но в Саксонии, в этой окраине Восточного царства (*regnum orientale*, как называют летописцы Германию), вольные люди, не получившие привычки к военным движениям, неохотно входили в феодальную зависимость от сильных

землевладельцев, тем более что последние были чужие люди, явившиеся в их страну вследствие франкского завоевания. В Саксонии труднее, чем где-либо, можно было принудить свободных людей отказаться от своей независимости, и они вспомнили о ней при первом удобном случае.

Во время усобицы между внуками Карла Великого старший из них, Лотарь, зная неудовольствие саксонцев, принужденных отказаться от своей независимости, и желая отвлечь их от своего брата Людвига Германского, обещал им восстановление прежнего быта. Недовольные образовали союз под необъясненным еще именем "стеллинга" (stellinga), истребили или выгнали знатных людей из страны.

Но Лотарь оставил без помощи своих союзников, и Людвиг Германский нанес им страшное поражение. Пленные не получили милости: сто сорок два из них были обезглавлены, двенадцать — повешены. Это различие в способе казни указывает, что первые были старые свободные люди (фрилинги), принужденные к закладничеству, последние же были прежние закладчики, меньшие люди (lassi), низведенные потом до полной зависимости или рабства и вошедшие вместе с фрилингами в стеллингу.

Попытка соединить все владения Карла Великого под одною властью, попытка материального соединения в то время, когда по возрасту народов было на очереди полное материальное разъединение и связь могла оставаться только в области нравственной, — эта попытка, необходимо неудачная, тяжко отозвалась на судьбе болезненного Карла Толстого, бывшего орудием попытки. Германия, как восточное царство, крайна западного мира, не могла спокойно дожидаться кончины больного императора, обязанного проводить столько же времени на берегах Сены, как и на берегах Майна.

Против Карла Толстого поднялся герцог Арнульф Каринтийский, побочный сын Карломана, сына Людвига Германского. Германия стала за Арнульфа, и Карл должен был отказаться от верховной власти в восточном царстве. Германия стала за Арнульфа, ибо незаконное происхождение в глазах тогдашних народов, еще не вполне христианских, не могло иметь того значения, какое получило впоследствии. (И у нас на Руси, кроме княжны Рогнеды, никто не вспоминал о происхождении Владимира Великого от наложницы-рабы.) Притом же германцам предстоял выбор между Арнульфом и побочным же сыном Карла Толстого, которому отец хотел доставить престол. Они должны были предпочесть Арнульфа, который по личным достоинствам был способен управлять восточным царством, то есть защищать крайну от враждебных соседей.

В этом восточном царстве, в этой крайне уже обозначилось явление, замеченное нами и в Галлии, когда она была крайною: большая сила видна на востоке, на самом порубежье, где происходит постоянная борьба с чуждым народом.

В этой борьбе отличился и Арнульф, владелец порубежной страны на юго-востоке, Каринтии. Франкская Галлия имела свою Австразию, где была ее главная сила; Германия будет иметь свою восточную область, свою Австрию,

которая будет долго сильнейшим владением в Германии, пока не усилится северо-восточное порубежье, марка Бранденбургская.

Постоянная борьба с опасными соседями необходимо возбуждала энергию в народе германском и его правителях; и немудрено, потому что в Германии в описываемое время мы видим больше крупной деятельности, больше подвигов, чем в новорожденной Франции и ветхой Италии. В челе германского народа мы видим людей более крупных, и неудивительно, что они, перенявши роль старых знаменитых украинцев, Карловингов австразийских, одни в состоянии удержать за собою власть над Римом и титул императорский. Франция не мешает им в этом; у ней нет еще средств для крупной внешней деятельности; она довольствуется тем, что может сохранить свою независимость от германского владельца, носящего титул римского императора.

Франция, освободившись от опасного украинского положения, перенятого Германией, имеет возможность предаться процессу внутреннего развития, что окажется для нее прочнее, выгоднее; тогда как Германия, выигрывая во внешнем, теряет во внутреннем.

При Арнульфе Германия освободилась от опасности со стороны славян, пытавшихся в Моравии образовать сильное самостоятельное государство, самостоятельное не в одном политическом, но и в церковном отношении, образовать среди западных славян то, что после могло образоваться только среди самых отдаленных, северо-восточных славян. И если Германия освободилась от опасности со стороны моравских славян, и освободилась с помощью венгров, то явилась новая опасность со стороны этой дикой орды, которая не скоро уселась и успокоилась в дунайской долине.

Особенно стали опасны венгры Германии по смерти Арнульфа, при малолетнем сыне его Людвиге, когда каждый год та или другая немецкая область подвергалась их опустошительным набегам. Одним словом, Германия испытывала теперь то, что после перенявшая на себя значение европейской украины Русь испытывала от печенегов, половцев и татар. При таких значительно усиленных ударах со стороны поганых украинское народонаселение, истощивши все средства борьбы, прибегает обыкновенно к покупке отдыха. И король Людвиг должен был платить ежегодную дань венграм. Этот Людвиг, по прозванию Дитя, был последний Каролинг в Германии. После него и здесь, как во Франции, по прекращении Каролингской династии королевский титул должен был перейти к одному из сильнейших владельцев областей; в Германии эти люди имели еще другое значение:

здесь, каково бы ни было их происхождение, они были начальниками, герцогами племен.

Выбран был Конрад Франконский и должен был вступить в борьбу с герцогом Генрихом Саксонским. Потом поднялся против короля герцог Арнульф Баварский; изгнанный Конрадом, он возвратился с венграми, как изгнанные русские князья возвращались с половцами. Царствование Конрада прошло во внутренней борьбе, и летописцы говорят, что на смертном одре он советовал брату своему Эбергарду уступить престол Генриху Саксонскому.

Пусть это известие выдуманно летописцами, писавшими при Саксонской династии, но современники не могли не признавать особенной силы, особенных средств за этим северным порубежным племенем и за его вождем, уже известным своею отвагою и вместе ловкостью, осторожностью. "Генрих непременно добьется королевства, — говорил умирающий Конрад своему брату. Так лучше уступи ему его добровольно и приобрети его дружбу, а то будет беда франкскому народу и тебе с ним".

Предание говорит, что Генрих ловил птиц в то время, когда явился к нему Эбергард Франконский с предложением Конрадова наследства: отсюда и прозвание Генриху — Птицелов. Царствование этого Птицелова особенно для нас замечательно, потому что, несмотря на сухость, краткость источников, в деятельности Генриха выпукло обозначаются черты украинского владельца. Толпы венгров напали на Германию и прорвались в пределы самой Саксонии. Генрих засел со своею дружиною в родном замке, у подножия Гарца, и не думал вступать в битву с врагами. Наконец по счастливому случаю один из венгерских вождей попался в плен к немцам, которые привели его в замок к своему королю. Венгры предложили выкуп за пленника; Генрих не соглашался; потом переговоры кончились тем, что Генрих согласился выпустить пленника и обязался платить ежегодную дань венграм, которые за это обязались девять лет не опустошать Саксонии и Турингии — только; остальные же части Германии оставались открытыми для их опустошений.

Немецкие историки, которые не находят слов, как бы сильнее заклеить поведение западных Каролингов, покупавших золотом мир у норманнов, разумеется, с трудом переваривают это известие летописца: для них Генрих Птицелов — герой, носивший в голове целую систему государственного строя, но для нас Генрих просто умный, ловкий и энергический украинский владелец, воспользовавшийся счастливым случаем для заключения девятилетнего перемирия и воспользовавшийся этим перемирием для приобретения больших средств к борьбе.

Одним из средств усиления является у Генриха постройка городов. Страна обширная, девственная, народонаселение живет разбросанно, особняком, привыкло, любит жить так, жить просторно, свободно, у себя, не сучиваясь на небольших пространствах, огороженных стенами, на виду у чужих, в постоянных столкновениях с чужими. Но страна порубежная окружена врагами. Нападут враги — разрозненное народонаселение бросится в разные стороны, ища спасения в горах и лесах, но множество его захватывается врасплох в жилищах или нагоняется во время бегства и становится добычею врагов. Надобны средства, которые бы избавляли от такой беды.

И вот, как только являются начатки центральной власти в стране, представители этой власти начинают строить города, то есть окружают известные удобные места стенами, валами, рвами, и волею и неволею сводят туда жителей. Разумеется, им выгоднее всего населять эти города людьми отважными, воинственными, лучшими людьми по-тогдашнему. Город, населенный такими людьми, удержит и отобьет врага; кроме того, при слухе о

неприятеле окрестное народонаселение найдет в стенах города безопасное убежище.

Но при постройке городов достигались не одни военные цели: города в мирное время стягивали к себе окрестное народонаселение, становились правительственными центрами для власти светской и церковной и в то же время центрами промышленными и торговыми. В России, в этой европейской Украине, первый князь, Рюрик, уже начинает рубить города; ему подражают почти все его преемники, переселившиеся на юг, где со стороны степей рубка городов было дело необходимое; новосрубленные города населяются лучшими людьми, за недостатком своих населяются пленниками. Переходит князь с Юго-Запада на пустынный Северо-Восток, первое его дело — строение городов и свод в них народа отовсюду, и потом та же деятельность продолжается постоянно: русские города вырастают незаметно в пустынях, и по берегам Нижней Волги и ее притоков, и за Уральскими горами вплоть до Восточного океана.

Зная хорошо значение этой деятельности правительств украинских стран, мы с особенным любопытством читаем известия немецкого летописца о деятельности Генриха Птицелова как знаменитого строителя городов с целью безопасности государственной — *urbes ad salutem regni fabricavit* (города построил ради благополучия царства (лат.). — Примеч. ред.).

Для снабжения новых городов жителями Генрих употреблял и такой способ:

он брал из сельского народонаселения девятого человека в новый город; этот девятый должен был держать в городе наготове двор, в котором восемь человек, оставшихся для земледельческих работ в селе, могли найти убежище на случай неприятельского нашествия.

В России, где и в XVII-м веке даже в центральных областях город удерживал это значение, какое он имел в Германии при Генрихе Птицелове, то есть значение убежища для окрестного народонаселения на случай неприятельского нашествия, в России такие дворы в городах имели особое название, сохранившееся в памятниках:

они назывались осадными дворами; помещик жил постоянно в деревне, но в ближайшем городе имел осадный двор, куда переезжал в случае неприятельского нашествия. Чтобы заставить разбредшихся саксонцев тянуть к городам как правительственным центрам, Генрих велел держать суды и устраивать всякого рода собрания и торжества в городах.

Любопытно известие о том, как Генрих населил город Мерзебург: он призвал вольных, гулящих людей, разбойников, дал им землю и оружие и запретил беспокоить своих немцев, но позволил разбойничать на счет славян сколько угодно. Так образовался знаменитый мерзебургский легион, наделавший много зла славянам.

Здесь мы видим опять украинское явление. Пустынные порубежья всегда и везде служат притоном для людей сомнительной репутации, для людей, поссорившихся с обществом и принужденных оставить его. На пустынном порубежье эти люди разминают свое плечо богатырское, не щадя ни своих, ни

чужих, пока с усилением мирной колонизации государство мало-помалу не приберет степного рыцарства в свои руки и не принудит его к правильной службе себе. Известно продолжительное и важное значение казачества на русском порубежье.

Благодаря обилию источников это явление достаточно объяснено, но историк бывает особенно рад, когда может прошедшее явление объяснить настоящим, что дает яркое освещение и наглядность делу. В Северной Америке между Соединенными Штатами, из которых движется колонизация на запад, и краснокожими индейцами находится пустыня, и в этой пустыне по общему закону являются рыцари пустыни — люди, не ужившиеся в Европе, не ужившиеся и в Соединенных Штатах, удалившиеся в пустыню на запад и наводящие ужас на пограничных жителей, путешественников и торговцев.

Но между рыцарями пустыни попадают люди и не с такой печальной славой:

*попадают люди, бежавшие в пустыню по разным семейным обстоятельствам, от преследования заимодавцев; наконец, очень многие между ними принадлежат к числу молодых горячих голов, которым тесно в цивилизованном обществе и привольная, дикая жизнь в пустыне пришлась больше по сердцу, именно люди, подобные нашим казакам-богатырям, которые шли в дикое поле разминать свое плечо богатырское, которым было грузно от силушки, как от тяжелого бремени, по выражению старых песен.*⁵

Таких-то рыцарей пустыни, водившихся в порубежье между германским и славянским миром, Генрих Птицелов употребил на службу первому против второго.

Время от смерти Карла Великого до Генриха Птицелова было для славян относительно временем отдыха. При Генрихе происходит усиленный напор немцев на славян.

В 928 году он ходил за Эльбу и примучил славянские племена по рекам Гавелю и Шпре; потом обратился к юго-востоку, основал здесь город Мейсен; в то же время подчиненные Генриху саксонские графы примучивали северных славян между Эльбою и Одером.

Мы употребляем слово из древней русской летописи "примучивали", потому что оно совершенно идет к делу; немцы употребляли такой способ покорения:

взрослое мужское народонаселение истребляли, а женщин и детей уводили в плен. Немцы в этих войнах обязаны своим успехом коннице, которой не было у славян. Генрих Птицелов усилил у себя конницу, видя, что без нее нельзя бороться с венграми, которых войско все состояло из конницы.

Испытав счастье в войне со славянами, он решился по прошествии девятилетнего перемирия вступить в борьбу с венграми. Но этот враг был так страшен, что, по свидетельству летописца, Птицелов старался возбудить в

⁵ См. Курбский, "Русский рабочий у северо-американского плантатора", гл. VII // Русский рабочий у североамериканского плантатора.

Воспоминания, очерки и заметки А. Курбского. СПб., 1875.

немцах религиозное одушевление, чтобы принудить их к борьбе с венграми. "Мы все отдали венграм, — говорил он на сейме. — Только церковные сокровища остались нетронутыми.

Должен ли я теперь коснуться и этого сокровища и отдать его врагам?" Религиозное одушевление было возбуждено. Венгерские послы, приехавшие за деньгами, были отпущены с пустыми руками. Вслед за тем толпы венгров вторглись в Турингию и положили ее пусту, поступая точно так же с немцами, как те поступали со славянами: мужчин выше девятилетнего возраста всех убивали, женщин и детей забирали в плен. Но Генрих ждал венгров с большим войском и заставил бежать. Немцы перестали платить дань венграм.